

Антон Ульрих
Джек. В поисках возбуждения

Посвящается моим родителям. Они – лучшие.

Сравнительно с образом жизни целых тысячелетий мы, теперешние люди, живем в очень безнравственное время: сила обычаев поразительно ослаблена, и чувство нравственности так утончено и так приподнято, что положительно можно назвать его окрыленным. Поэтому нам, позднейшим, трудно становится усмотреть самые корни происхождения морали; а если и удастся это сделать, язык прилипает к гортани, с языка не сходят слова, потому что они звучат слишком грубо! Или потому, что они, как нам кажется, оскорбляют нравственность!

Фридрих Ницше. Утренняя заря. 1886 год

И я узнал, что это круг мучений Для тех, кого земная плоть звала,
Кто предал разум власти вожделений.

Данте Алигьери.

Божественная комедия, Ад, круг второй, сластолюбцы

[Quis hominum sine vitiis?](#)¹

Часть первая

Глава первая

Констебль с самой распространенной среди полицейских Лондона фамилией Смит неторопливо прогуливался вдоль Литтл-Райдер-стрит, что в Вест-Энде, доходя до Эджуэр-Роуд и поворачивая обратно. Улочка была настолько крохотной, что он ни разу не упустил из виду входную дверь особняка, приземистого старомодного здания времен первых Георгов, возвышавшегося в три этажа посреди Литтл-Райдер. Тусклые газовые фонари отливали на его стенах противной желтизной, неприятно бьющей в глаза сержанта, отца семейства, у которого обе дочурки уже успели переболеть желтухой, и, похоже, наступала очередь младшего сына. Однако фонари в работе полицейских были большим подспорьем, ведь ночная мгла в сочетании со знаменитыми лондонскими туманами позволяла порой ловким воришкам орудовать прямо под носом у полиции, и лишь фонари помогали хоть что-то разглядеть ночью во время дежурства. Поэтому констебль Смит относился к желтизне, бьющей в глаза, с пониманием, именно так, как должен относиться ко всему настоящий английский полицейский, как говаривал сержант Годли.

Фонари освещали всю улицу. В других переулках подобной роскоши не было.

А все потому, что здесь располагались особняки состоятельных и уважаемых в Лондоне джентльменов. Уж они, будьте покойны, постарались, чтобы их улица была освещена. Так рассуждал про себя констебль, поворачивая обратно и направляясь к своему наблюдательному пункту, расположенному как раз под одним из таких газовых фонарей прямо напротив входа в особняк.

Смит был человеком средних лет, уже многое повидавшим за время своей службы в лондонской полиции, а потому умудренным, с ровным характером, не хватающимся чуть что за свисток, дабы вызвать подкрепление. Нет, Смит не из таких. О его серьезном отношении к службе, которое постоянно ставил в пример другим, более молодым полицейским сержант Годли, говорило еще и то, что сегодня была ночь перед Рождеством, которое каждый протестант должен был отмечать в кругу семьи, сидя во главе праздничного стола и разрезая гуся. К тому же на улице стоял такой холод, что констеблю пришлось укутаться, помимо плаща, еще и шарфом, однако он не покинул пост и не завернул, как это принято, в трактир “Альфа” пропустить кружечку-другую. Нет, Смит относился к заданию, порученному Годли, куда как серьезно, следя за входом в особняк. Один раз, а это было примерно три часа назад, к особняку подкатил кеб, из которого вышел высокий элегантный мужчина примерно одного с полицейским возраста. Под мышкой мужчина держал тяжелый сверток. Человек расплатился с кебменом и вошел в особняк, дверь при его подходе открыла прислуга. Сразу было видно, что это джентльмен. Уж поверьте, у Смита глаз наметанный. Почему? Да очень просто. Во-первых, чувствовалось, что тот привык повелевать. Во-вторых, вышколенная прислуга встречала его у входных дверей. И в-третьих, бакенбарды. Это были не те

¹ Кто из людей родился без пороков? (лат.)

роскошные лохмы, которыми так гордятся камердинеры, что служат у аристократов и чей труд состоит лишь в их ежедневном расчесывании, и не рваные, будто подбритые тупым ножом, баки моряков. Нет, это были аккуратные, ровные, строгие в пропорциях бакенбарды, спускающиеся точно до окончания мочки ушей. За такими бакенбардами, будьте уверены, Смит не ошибается, надо следить со всей тщательностью. Именно такие баки и должен носить, по его мнению, настоящий джентльмен.

К сожалению, констебль Смит при всей своей наблюдательности не заметил, что элегантный джентльмен, приехавший в кебе, заметил его и сейчас сам наблюдает за перемещениями полицейского, стоя у окна второго этажа особняка и осторожно выглядывая из-за чуть сдвинутой портьеры. Джентльмен видел, как к констеблю подошел высокий и полный мужчина в наглухо застегнутом пальто и надвинутом на глаза котелке. Однако же он знал, что подошедший, перед которым Смит вытянулся в струну, был не кто иной, как сержант Годли из Скотленд-Ярда.

Констебль отрапортовал сержанту, что в наблюдаемом доме все тихо и спокойно.

– После возвращения объекта никто более в дом не входил и не выходил из него, – ровным негромким тоном завершил рапорт Смит, полицейский констебль с порядковым номером 930 F, пришитым к лацкану форменной куртки заботливой рукой жены.

Сержант молча кивал головой, поглаживая большим и указательным пальцами огромные усы, делавшие его похожим на толстого моржа, случайно вылезшего на берег и напялившего одежду.

– Очень хорошо, Смит, – сказал он, когда констебль закончил доклад.

– Думаю, сэр, объект больше сегодня на улицу не выйдет, – добавил полицейский. – Уж очень много туману с Темзы ветром нагнало.

Годли посмотрел на констебля чуть насмешливо, как смотрит учитель на ученика, берущегося самостоятельно объяснять новый урок.

– Вы так думаете, Смит? – басовито хмыкнул он, доставая из кармана своих необъятных штанов портсигар, дешевую подделку под старинное серебро. – Угощайтесь.

Смит с легким благодарным кивком головы достал топкую сигарку и прикурил. Затем протянул зажженную спичку сержанту, дав и ему прикурить и осветив на миг полное, пышущее здоровьем лицо Годли. Джентльмен из окна своего кабинета с любопытством оглядел сержанта, про себя поражаясь, как такому на вид недалекому и даже глуповатому увальню удастся прославиться в криминальной среде ловкостью и умением ловить преступников, отличающихся изобретательностью и цинизмом. Однако ж он знал, кто стоит за успехами сержанта.

– Значит, Смит, вы полагаете, что объект сегодня ночью никуда не выйдет? – переспросил констебля Годли.

– Думаю, да, сэр...

Тут полицейский на миг замолчал, и внезапная мысль, пронесшаяся у него в голове, заставила отца троих детей, примерного семьянина, бросить полный ужаса взгляд в сторону чернеющего в темноте особняка.

– Неужели это он, сэр? – испуганно спросил Смит.

Вид испуганного констебля лондонской полиции был настолько забавен, что если бы Годли не знал, чье имя боится упоминать бесстрашный и рассудительный Смит, он бы хохотал сейчас до упаду. Но он не стал хохотать, а, наоборот, строго посмотрел на подчиненного.

– Смит, не забывайтесь. Знаете, кто здесь живет? Здесь живет лейб-медик королевской семьи!

При этих словах констебль подобрался и вытянулся в струну. Он был истинным англичанином, а потому любое упоминание о королеве Виктории и ее высочайшем семействе вызывало в нем уважение.

– Продолжайте наблюдение, констебль, – тихо приказал Годли, – а я отправляюсь за инспектором Эберлайном.

Джентльмен, о котором только что шла речь, проследил из окна за удаляющимся вразвалку толстяком сержантом, бросил короткий взгляд на оставшегося под фонарем полицейского и, наглухо задернув портьеру, уселся в высокое вольтеровское кресло, стоявшее перед массивным письменным столом из дуба. На зеленом сукне стола перед ним лежал давешний сверток, который Смит заметил, когда лейб-медик выходил из кеба. Аккуратно развернув сверток, джентльмен вынул из него большую стопку писчей бумаги. Бумага была очень хорошего качества, именно такая, на которой привык с раннего детства писать джентльмен.

Прежде чем начать изводить бумагу, лейб-медик королевского двора встал, немного прошелся вдоль кабинета и остановился возле портрета молодой женщины, висевшего напротив кресла, в котором джентльмен любил читать газеты. Удивительно, но казалось, что ноги сами собой подвели его к портрету той, из-за которой все произошло. Молодая женщина смотрела с портрета своими большими, вечно смеющимися глазами, дразня дерзкой красотой теперь уже вечной молодости.

“Обязательно женись, – тут же вспомнилось джентльмену известное высказывание греческого мудреца Сократа. – Попадется хорошая жена – станешь исключением. Попадется плохая – станешь философом”.

Женщина с портрета продолжала смеяться, глядя в объектив новомодного тогда увлечения –

фотоаппарата. Казалось, что она и после смерти смеется над своим никчемным мужем.

– Хлоя, – тихим шепотом, так, что было слышно лишь ему одному, прошептал джентльмен.

Лейб-медик еще с минуту неотрывно смотрел на жену, а затем решительно уселся за письменный стол. Он протянул руку к заранее заготовленным, очищенным и заточенным перьям, взял одно, покрутил в пальцах и только обмакнул в чернильницу, как в дверь кабинета тихо постучали.

– Войдите, – ответил хозяин красивым басом.

В кабинет вошла опрятная молодая горничная Мери, неся в руках бронзовый поднос с чайником, чашкой, молочником и сахарницей. Она аккуратно поставила поднос перед хозяином и, поклонившись, направилась к дверям. Мери знала, что после смерти жены хозяин любит сидеть в одиночестве, поэтому спешила покинуть кабинет.

– Мери, – окликнул ее лейб-медик, едва лишь горничная достигла двери.

– Слушаю, сэр.

– Мери, спасибо. И не беспокойте меня до утра.

– Слушаю, сэр, – повторила горничная и, немного поколебавшись, добавила: – С Рождеством вас, сэр.

– Спасибо, Мери, – кивнул головой джентльмен.

Едва горничная ушла, как он вновь взялся за перо, обмакнул его в чернильницу и крупно вывел на листе бумаги: “Рождество одна тысяча восемьсот восемьдесят девятого года. Мое жизнеописание”.

* * *

Когда-нибудь потомки скажут, что я породил двадцатый век.

Как мне называть себя? Как представляться потомкам? Именем, которое присвоили мне – Джек Потрошитель.

Я родился 13 ноября 1854 года от Рождества Христова в родовом поместье в Суссексе, рядом с деревней Фулворт. Обширное поместье находилось на отшибе, располагаясь на южном склоне возвышенности Даунз, с которой открывается широкий и прекрасный вид на Ла-Манш. Оно было построено еще нашим прадедом, лордом Бэкуотером. С раннего детства до самого своего совершеннолетия я принужден был изучать историю нашего славного рода, а оттого она мне настолько прискучила, что не решусь вновь воспроизвести ее на этих листах. Скажу лишь, что корнями наш достославный род уходит во времена норманнского восшествия на престол, стало быть, мои корни следует искать где-то в нынешней Франции. Что ж, все мы иностранцы на этой планете.

Однако не могу не упомянуть моего деда, сэра Джейкоба. Он был яркой личностью, чье поведение повлияло на мои пристрастия, служа примером, достойным всяческого подражания. Ах, если бы я следовал этим пристрастиям всю жизнь, то не стал бы в рождественский вечер сидеть один, запершись в собственном кабинете, и писать свою биографию, стараясь хоть немного оправдать себя в глазах потомков.

Хотя если быть откровенным, то я ни о чем не жалею.

Итак, мой дедушка, сэр Джейкоб, был натурой весьма жизнерадостной и склонной к эпикуреизму. Когда я родился, ему уже стукнуло шестьдесят два года, а он все так же любил жизнь, как и в девятнадцать лет. В сороковом году он уже окончательно переселился к своему младшему сыну, моему батюшке, в родовое поместье, стараясь как можно реже показываться в Лондоне, где его ожидали лишь недруги по политической партии и кровожадные кредиторы. Старикан любил покутить, занимая при этом деньги направо и налево, и это не способствовало увеличению семейного достатка. Промотав все свое состояние, то есть то, что оставила ему после смерти моя бабушка, после раздела между старшим и младшим сыновьями наследства, сэр Джейкоб счел, что теперь сыновья должны содержать его. Сначала старик решил было отправиться в Индию, где обосновался его старший сын, Генрих, но врачи, к которым в последнее время все чаще обращался эпикуреец, отсоветовали ему ехать в столь жаркую колонию, это, дескать, может пагубно сказаться на его неиссякаемом здоровье. Как же! Здоровье сэра Джейкоба подрывало только одно, и оно же послужило решающим аргументом в выборе, к кому из сыновей переехать. Я говорю о пьянстве. Узнав, что в Индии, а точнее, в Калькутте трудно достать настоящий портвейн, любимый напиток дедушки, сэр Джейкоб остановил свой выбор на младшем сыне.

И вот этот неугомонный человек, жаждущий удовольствий и понимавший жизнь как праздник, оказался в нашей глухомани. Не хочу обижать никого, кто живет сейчас в Суссексе, но эта та еще дыра. Расположенная рядом деревушка хоть и упоминается в Атласе Англии, выпущенном Географическим обществом, однако ж состоит всего из нескольких дворов да трактира, что располагается на главной и к тому же единственной улице, упираясь окнами в стоящую напротив гостиницу “Шахматная доска”. Жизни скучнее невозможно было бы себе и представить, тем более что это была настоящая ссылка для такого деятельного человека, как мой дед. Но сэр Джейкоб был сделан не из того теста, чтобы скучать и грустить. Тотчас по приезде он взял бразды правления

поместьем в свои руки. Мой отец, человек безвольный, с радостью передал ему управление, полагаясь, как и в других делах, на мнение своего отца. И то, что сэр Джейкоб промотал состояние за каких-то пять лет, несколько его не смущало. Напротив, он даже подшучивал по этому поводу над стариканом, правда, весьма посредственно, сам же и смеясь первым своим шуткам, как бы намекая, что это юмор и стоит хотя бы улыбнуться. “Эх, Чарли, Чарли, – говаривал в такие минуты дед, восседая во главе обеденного стола в гостиной и жестом давая камердинеру понять, что можно бы и подлить в бокал немного портвейна. – Ты даже посмеяться-то толком не умеешь. Только пищишь, как полевка, что улепетывает от лисы”.

Взяв бразды правления в свои руки, сэр Джейкоб тотчас же начал грандиозное переустройство поместья. Сначала он сделал огромный винный погреб, который заполнил своим любимым напитком. “Отличный погреб, черт возьми!” – восклицал старикан всякий раз, когда отец начинал уговаривать его поменьше тратить.

Затем сэр Джейкоб расширил аллею, ведущую от ворот к парадным дверям поместья. После настал черед обновления конюшен. Отец мой пользовался лишь парой лошадей, запряженных в двуколку. С появлением деда в конюшне сначала появилась пара прекрасных чистокровных рысаков для выезда, затем еще пара – для лисьей охоты. Конечно, конюшню понадобилось обновить.

Дед носился по поместью, восседая на двуколке, руководил возведением новой ограды, ругался с арендаторами и проводил некие исследования в местном муниципальном архиве, считая, что существует ошибка в земельном обмере, после исправления коей мы сможем значительно расширить наши владения. Кроме того, он успевал возглавлять сезонные охотничьи выезды, собирающиеся во дворе нашего поместья с обязательной попойкой после возвращения с трофеями. Туши лисиц с роскошными золотисто-белыми хвостами охотники швыряли как попало прямо в прихожей, а я, когда все собирались в столовой, выкрикивая многочисленные тосты и звеня бокалами, садился на корточки перед убитыми животными и рассматривал их остекленевшие глаза, желтые с черными лучами, отходившими от зрачка. У многих лисиц даже после смерти из глаз текли слезы. Это было удивительное и настолько печальное зрелище, что я плакал вместе с ними. Честное слово!

Кроме пьянства и охоты сэр Джейкоб чрезвычайно любил, как он сам выражался, “волочиться за юбками”. Надо признать, что даже после шестидесяти любовником он был выдающимся. Обычно за плотскими утехами старикан таскался в Фулворт. Тамошние селянки не могли устоять перед настоящим джентльменом. Не забывал он и о женах арендаторов. Сдирая с муженьков арендную плату, старик умудрялся еще и совращать их жен, видимо, обещая взамен подождать с оплатой. Что ж, по-моему, это честно.

Если у отца имелся только старый камердинер, доставшийся ему по наследству еще с тех пор, когда жива была бабушка, то с приездом в поместье деда количество слуг увеличилось. Я бы даже сказал, значительно увеличилось. За какие-то пару месяцев сэр Джейкоб набрал полный дом прислуги. Теперь у него и у отца имелось по личной горничной, причем горничные деда менялись чуть не каждые два месяца. Он объяснял это тем, что те почему-то очень быстро, загадочным образом беременеют, и связывал это удивительное явление с особым влиянием на человеческий организм морского воздуха. Потом в поместье появилась повариха Полли, женщина таких необъятных размеров, что, сколько бы старикан ни старался, он ни разу не сумел полностью обхватить ее талию. При поварихе имелась помощница, пухленькая и румяная, словно только что испеченная пшеничная булка. После обновления конюшен в поместье был приглашен конюх, бывший профессиональный жокей, маленький и юркий, словно хорек, выписанный дедом специально из Лондона. Уж не знаю, где он его нашел, но только конюх, несмотря на свой малый рост, ничуть не отставал от хозяина в погоне за юбками. Потом появилась прачка, не помню, как ее звали, мальчик-грум с вечно сонным лицом и милая барышня, не то экономка, не то домоправительница, мисс Лиза Бригз – главная пассия старика, отличавшаяся вызывающе броской, не английской красотой. По-видимому, она была откуда-то из колоний, скорее всего, дочь какого-нибудь английского офицера низшего ранга и туземки.

Вскоре после переезда деда по Суссексу поползли слухи. Один из местных щелкоперов-газетчиков не поленился даже съездить в Лондон, откуда привез целый ворох грязных сплетен о сэре Джейкобе, который был тотчас опубликован. Однако старик лишь отмахнулся от подобных нападок, а когда дело приняло серьезный оборот, поступил, как должен был поступить, по его мнению, истинный английский джентльмен, то есть устроил шикарную пирушку, на которую позвал всех сколько-нибудь значительных соседей и жителей округи. Было выставлено самое лучшее вино из знаменитого погреба, приведшее гостей в восторг. Естественно, после этого сэра Джейкоба вспоминали только самыми теплыми словами, и уже никто не обращал внимания на его жизнерадостные походы за юбками, а также, что более важно, не вспоминал его политическое прошлое и финансовое настоящее.

Вот так и протекала жизнь в нашем прекрасном поместье, руководимая сумасбродным эпикурейцем дедом и финансируемая его меланхоличным сыном Чарльзом, моим отцом. Старик частенько говаривал ему: “Чарли, мой мальчик, ну что ты все время ходишь такой унылый, что при

виде тебя хочется достать веревку и начать ее мылить? А не сыграть ли нам в картишки, а, Чарли?” Карты, азартная игра в карты была еще одной страстью деда. Играл он великолепно, часто ставя на кон последние деньги и возвращая себе все до этого проигранное. Полагаю, что сэр Джейкоб использовал в игре не совсем джентльменские приемы, однако уличен он не был ни разу, а стало быть, его не в чем было обвинить.

Дед любил приглашать к нам в гости молоденьких аристократов из соседних поместий, таких, которые еще ни разу не бывали в Лондоне и, следовательно, не посещали тамошних клубов. Изрядно напоив желторотых юнцов, старикан доставал как бы невзначай колоду карт и начинал демонстративно тасовать ее. Молодому человеку приходила в голову “прекрасная идея”, как можно интересно скоротать вечерок. Конечно же сэр Джейкоб сначала отнекивался, но только из деликатности, а уж затем в несколько приемов обирал юнца до нитки. И вот несчастный писал расписку, ибо, по словам учтивого, но строгого старика, “нынче никому нельзя доверять, а уж тем более аристократу”. Дед знал, что говорил.

Удивительное дело, но никто не обижался и не жаловался на моего деда. Думаю, дело было в магнетическом обаянии его натуры, столь сильно действовавшем на людей. Все, кто сталкивался с ним, вспоминали о сэре Джейкобе впоследствии только хорошее, хотя такового за ним, если честно, водилось не так уж много. Но старик был чрезвычайно обаятелен и приятен в общении. Причем совершенно лишен нынешних ужимок и сладковатой мнительности, за которой уж и не знаешь, с кем общаешься: то ли с мужчиной, то ли с опытной кокеткой-жеманницей.

Таков был мой дедушка, сэр Джейкоб, отец моего отца Чарльза.

* * *

Я привык про себя звать деда дедулей, но все остальные не были с ним столь же фамильярны, во всяком случае на словах, и обращались к нему не иначе как “сэр Джейкоб”. Вот что значит быть личностью.

У “личности”, поселившейся в родовом поместье на берегу Ла-Манша, очень скоро завелись закадычные друзья. Вернее, один друг, так как старикан настолько кичился своим высоким происхождением, что не допускал и мысли о том, чтобы водить дружбу с кем попало. “Чарли, мой мальчик, – обычно говаривал он, сидя перед горящим камином в своем теплом халате, из-под которого торчали на свет божий панталоны нежно-розового цвета. – Береги свою честь. Не водись с кем попало. Тщательно выбирай связи и знакомства. А уж дружбу заводи только с равными себе”. Обычно после такой тирады сэр Джейкоб доливал себе портвейна, дабы придать мыслиам большую убедительность. Отец лишь кивал на эти слова, и невозможно было понять, то ли он согласен с дедушкой, то ли просто принимает к сведению, что нынешним вечером дедуля опять налижится и начнет во весь голос распевать песни времен королевы Елизаветы и Фрэнсиса Дрейка, после чего завалит в постель либо горничную, либо Лизу Бригз.

Так вот о друге сэра Джейкоба. Им был не кто иной, как местный богач, глава самой зажиточной семьи в Суссексе, мистер Эмберли. Отец долго не мог понять, отчего старикан выбрал себе в закадычные друзья не самого титулованного. Однажды, набравшись храбрости, он спросил об этом напрямую.

“Чарли, мой мальчик, – загадочно ухмыльнулся дед. – Ты еще молод, юн и зелен, поэтому тебе трудно понять своего умудренного жизнью старика. Не ломай себе голову над этим. Знай только, что я обеспечиваю тебе будущее. Помни об этом. Помни, что твой отец всегда заботится о тебе. Надеюсь, что и ты будешь заботиться обо мне хоть на десятую долю моих стараний. Будь другом, не сочти за труд, пойди позови Лизу, то есть я хотел сказать мисс Бригз, чтобы она открыла мне еще одну бутылку”.

Ага, как же, старикан заботился об отце! Вот еще глупости! Дед только и умел в этой жизни, что проматывать состояния. Сначала собственное, потом жены, теперь сына. До наследства, оставленного бабушкой дяде Генри, ему дотянуться не удалось, и он направил все усилия на младшего сына.

Мистер Эмберли был тот еще тип. Хотя подходило к концу третье десятилетие века, он до сих пор предпочитал обтягивающие белоснежные панталоны, королеву Викторию называл “наша маленькая принцесса” и при случае ругал на чем свет стоит Вильяма Питта-младшего. Естественно, он считал, что во времена его молодости все было значительно лучше. Всех этих качеств было недостаточно, чтобы завоевать сердце человека, чьи предки приплыли с континента еще вместе с Вильгельмом-Завоевателем. Секрет мистера Эмберли заключался в том, что он владел большой торговой компанией, имевшей монопольное право на поставки любимого напитка старикана – настоящего портвейна, выдержанного и в меру сладкого, именно такого, какой должен скрасить досуг джентльмена.

Мистер Эмберли был примерно одного возраста с сэром Джейкобом. В оборотах речи и в повадках они были схожи. Наш негоциант имел маленький рост и был толстяком, в отличие от старикана, который, наоборот, казался похожим на ссохшегося карпа с тонкими ногами и маленьким

округлым животиком. Только карп не имеет алкоголических прожилок на багровых щеках и сизого от непрерывных возлияний носа.

Обычно старики проводили вечера, уезжая на нашей двуколке в Фулворт, где приударяли за молоденькими селянками. После таких вечеров горничная сэра Джейкоба долго чистила его одежду, соскребая с нее следы травы, грязь и ворча себе под нос, что такому пожилому джентльмену неплохо бы остепениться.

Так обычно изволили развлекаться новоявленные друзья. Но иногда мистер Эмберли приезжал к нам в поместье. Тогда дед приказывал слугам растопить в гостиной большой камин, поставить перед ним два удобных кресла, обитых темно-бордовым плюшем, а между ними установить стол, заставленный праздничными хрустальными кубками и серебряной посудой. Подгоняя слуг своим зычным голосом, сэр Джейкоб громко хлопал друга по круглому плечу и говорил: “Славно сделал, сосед, что заехал ко мне”. При этом глаза его становились приторно-сладкими, особенно когда он поглядывал, как посланный к коляске мистера Эмберли камердинер приносит в гостиную “скромный подарочек” – полдюжины бутылок портвейна. “Самого наилучшего, изволью заметить”, – заплетающимся языком замечал сосед, глядя, как старикан допивает последнюю бутылку.

Обычно друзья так напивались на этих посиделках, что мистера Эмберли приходилось везти домой нашему кучеру.

Вот во время одной из таких вечеринок деду и пришла в голову прекрасная мысль породниться с другом-соседом. У мистера Эмберли имелась на выданье дочь, мисс Анна – единственная наследница всего состояния негоцианта. Надо отметить, состояние было немаленьким. Дела в торговой компании Эмберли шли преотлично, товар, привозимый из Португалии, шел нарасхват, завоевывая все больше сердец джентльменов, не желавших более пить простой эль. Поэтому к моменту, когда старики ударили по рукам в нашей гостиной, сидя перед ярко полыхающим в камине огнем, личное состояние мистера Эмберли оценивалось на сумму около ста тысяч фунтов. Не такое уж плохое предприятие затеял старик в отношении своего младшего сына, если учесть, что с момента его переселения в Суссекс состояние отца сильно пошатнулось.

Дедуля тотчас велел позвать папу. “Вот что, Чарли, мой мальчик, – объявил он, поглядывая сахарными глазками-щелочками на раскрасневшегося от чрезмерных возлияний соседа. – Мы с мистером Эмберли решили осчастливить тебя. Мисс Анна согласна стать твоей женой”. Тут сэр Джейкоб посмотрел на сына, стоявшего перед ним в полнейшей растерянности, и захохотал таким громовым голосом, что хрустальные бокалы, стоявшие на столе, жалобно зазвенели. Дело в том, что жених и невеста еще ни разу не видели друг друга. Тут было над чем посмеяться.

Отец даже не решился возразить сэру Джейкобу. “Личность” подавила в нем всякое стремление к независимости и собственному мнению.

Махнув, словно король, рукой и милостиво отпустив Чарльза, сэр Джейкоб продолжил пировать со своим закадычным другом. А отец отправился в правое крыло усадьбы, где располагалась его спальня, чтобы немного побыть наедине с собой и разобраться в чувствах, которые разом нахлынули на него, лишь только сэр Джейкоб объявил ему о своем решении.

Мой отец, еще в пору своей юности, о которой я сейчас повествую, был натурой весьма ранимой и чувствительной. Он краснел, словно девица, когда старикан за обеденным столом отпускал по своему обыкновению скабрзные шуточки и втайне собирал у себя в комнате сентиментальные романы, которыми упивался долгими зимними вечерами. Однако же его нельзя было назвать натурой чувственной, так как никакое смятение еще не достигло Чарльза. Любовное томление, столь естественное в этом возрасте, избегало встречи с ним, стремление путешествовать, открывать дальние земли, так характерное для нашей нации, удовлетворялось дальними пешими прогулками вдоль берега. Надо ли говорить, что интерес к любовным утехам совершенно отсутствовал до сего момента у моего отца? Да, именно так! Конечно, пару раз он заставал в темных уголках усадьбы сэра Джейкоба, не обходившего своим вниманием домашнюю прислугу, думаю даже, папа следил за его похождениями, но не более того.

Зайдя в спальню, более похожую на спальню юной девицы, нежели на место отдыха 'молодого человека, Чарльз кинулся на кровать и уткнулся в подушку. Его раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, он был возмущен бестактным решением своего отца, даже не спросившего его мнения. С другой стороны, Чарльз был окрылен внезапно открывшейся перспективой. Подумать только, через какие-то пару месяцев он станет обладателем собственной жены, женщины, которая станет подчиняться ему и выполнять все его желания и прихоти. От таких мыслей у Чарли закружилась голова. Он непременно захотел как можно быстрее увидеть свою невесту. Поэтому, недолго думая, юный джентльмен вскочил с кровати и стал собираться.

Дед и его друг, все еще куковавшие в гостиной над последней бутылкой портвейна, были несказанно удивлены, увидев вошедшего в зал закутанного во множество одежд Чарльза. “Мой мальчик, куда это ты собрался?” – заплетающимся языком спросил сына сэр Джейкоб. “Хочу сопроводить будущего тестя домой”, – ответил Чарли. “Вот так так! – воскликнул старикан, оглядывая сына прищуренными пьяными глазками. – Видали, каков молодец! Прямо в бой рвется, как про баб услышит! Весь в меня”, – констатировал он и, благоразумно решив, что друг больше пить не будет,

придвинул к себе последнюю бутылку.

Чарльз усадил шатавшегося гостя в коляску, взгромоздился на место кучера и тронулся в направлении усадьбы, в которой проживали Эмберли. И надо же было так повернуться судьбе, что мистер Эмберли, заснув под мерный стук копыт о мерзлую землю, сначала свалился набок, а затем и вовсе выпал из коляски. Юноша, не замечая потери, ехал дальше, покуда не добрался до ворот усадьбы. Только тогда он обнаружил исчезновение будущего тестя. Резво развернув коляску, Чарльз слез и, ведя под уздцы лошадей, отправился обратно, внимательно оглядывая края дороги, идущие под уклон в овраги. Наконец он увидел в большой яме темную кучу.

Мистер Эмберли тихо посапывал в грязной луже. Упав с коляски и скатившись в овраг, он разбил непрочный лед, успевший намерзнуть к вечеру, и оказался в воде. Чарльз, вздохнув, спустился в яму и вытащил спящего мистера Эмберли на дорогу, держа за шиворот, словно кошка, переносица котят из одного места в другое. Так они оказались уже почти на самом верху оврага, как вдруг будущий тестя проснулся и, завопив что есть мочи, вскинул руки и покатился обратно в мутную грязь, увлекая за собой спасителя.

* * *

Первая встреча моей будущей матери и отца навсегда отпечаталась в их памяти. И хотя они предпочитали не упоминать о ней при посторонних, я все-таки слышал пару раз эту историю. Забавно было наблюдать, как всегда чопорные родители оживлялись, вспоминая момент, когда юный Чарльз постучал в дверь усадьбы Эмберли и как моя будущая мать, мисс Анна, открыла ему дверь.

Мисс Анна Эмберли, услышав громкий стук в дверь большого бронзового молотка, висевшего над входом, спустилась вниз и самолично открыла двери. На пороге стоял снизу доверху заляпанный грязью бледный юноша, из последних сил поддерживающий бесчувственного мистера Эмберли. Вся одежда обоих была в грязи, чрезвычайно вонючей, или, как говорила мама, резко пахнущей.

“В этот момент сэр Чарльз более походил на флибустьера, высадившегося на берег Англии в поисках легкой добычи, – вспоминала леди Анна. – Только выражение лица у него было отнюдь не пиратское”.

На самом деле выражение лица юного Чарльза, увидевшего, что перед ним в дверях стоит настоящая леди, было растерянным. Он походил на ребенка, готового сей же час расплакаться. Висевший на руке, перекинутой через плечо отца, мистер Эмберли всхрипнул во сне, точно лошадь в стойле, очнулся, поглядел на застывшую в дверях Анну и тихо произнес: “Доченька”. Этого вполне хватило, чтобы вывести из оцепенения маму, которая строгим голосом крикнула горничную, камердинера и приказала Чарльзу внести поклажу в дом. Мистер Эмберли был намного грязней, чем мой отец, а потому, когда его положили на кушетку и принялись стаскивать одежду, кушетка промокла, и на полу образовалась огромная мутная лужа.

“Немедленно переложите его!” – воскликнула не терпящая грязи Анна. “Куда же, мисс?” – спросила горничная. “Кладите на пол”, – распорядилась Анна. И почтенный отец семейства стараниями любящей дочери был уложен на голый пол, где его и продолжили освобождать от намокшей и запачкавшейся одежды.

“А вы что же, сэр? – повернулась Анна к стоявшему поодаль и переминавшемуся с ноги на ногу Чарли. – Вы, стало быть, и есть сын почтенного Джейкоба, о котором столь часто рассказывал отец? Нот что, идемте за мной, я распоряжусь, чтобы вас почистили, дали умыться и обогрели”. “Я думаю, что будет лучше, если я поеду домой”, – пролепетал было Чарльз, по моя будущая мама строго на него посмотрела и, буркнув: “Об этом не может быть и речи”, направилась в глубь дома.

Уже через полчаса юный Чарли плескался в ванной, установленной в отдельной комнате и наполненной горячей водой, а его платье, почищенное и постиранное, сушилось на кухне, висая рядом с платьем мирно храпящего в спальне мистера Эмберли. Отмывшись от грязи и тщательно причесавшись, мой будущий папа закутался в стеганый, чрезвычайно широкий и короткий халат главы семейства и вошел в гостиную, где его встретили заботливо разожженный камин, неизменный портвейн в графине, слегка подогретый с корицей и сахаром, и юная мисс Анна. Чарльз, учтиво поклонившись и извинившись за все те неудобства, которые он причинил своим визитом, сел в предложенное кресло подле хозяйки дома.

“Я ни в коей мере не осуждаю вас, – заявила Анна, с любопытством оглядывая юношу холодными серыми глазами. – Каждый джентльмен волен потреблять алкоголь в тех пропорциях, кои он сочтет для себя необременительными”.

Мне всегда было интересно узнать, откуда моя мама черпала такие высокопарные и надуманные фразы, которыми она предпочитала изъясняться с незнакомыми людьми. Ведь при прекрасном воспитании, полученном в детстве, она совершенно не читала книг.

“Но я не пил”, – промямлил мой будущий отец, который старательно поджимал высывающиеся из-под короткого халата голые ноги. “Это прекрасно, – заявила Анна. Даже королева Виктория не смогла бы сделать более величественный вид, чем она в тот момент. – Знайте же, что я не терплю пьющих”. “Я тоже”, – сказал Чарльз. “Замечательно. Думаю, мы с вами

подружиться, – сказала Анна. – Почему вы никогда раньше не бывали у нас? Ваш папенька частенько наведывается в наш дом”. “Я, собственно говоря, не хотел быть столь назойлив, чтобы предлагать знакомство такой очаровательной мисс, как вы”, – сказал несколько осмелевший после бокала портвейна Чарли. “Отнюдь, ведь наши отцы дружат. Почему же не можем дружить и мы?”

Тут парочка замолчала, глядя друг на друга. Маленькую уютную гостиную освещал лишь ярко полыхавший камин, создавая и без того весьма интимную обстановку.

Совершенно освоившийся отец сказал: “Мисс, я бы хотел сообщить вам известие, которое касается нас с вами. Наши родители приняли за нас решение”. Анна потупилась. “Какое же?” – спросила она, хотя уже наперед знала, что обсудили за полдюжиной бутылок портвейна два старых друга-соседа, один из которых имел титул и родословную, а другой – капитал. “Но прежде чем сообщить вам это известие, я бы хотел спросить вас: хотели бы вы стать моей женой?” – тихо произнес Чарльз. “Да! – воскликнула Анна и тут же поправилась: – Раз так считает нужным мой папенька, то и я не против”.

На самом деле моя мать, не признаваясь даже себе самой, всегда мечтала выскочить замуж за настоящего джентльмена. Анне хотелось вращаться в аристократическом кругу, и при этом она старалась забыть свое происхождение. Будучи богатой наследницей огромного состояния, мама и мысли не допускала, что всю жизнь будет стоять на одной социальной лестнице с товарками на пристани, одной из которых была ее бабка, мать мистера Эмберли, до сих пор торговавшая рыбой с перевернутой кверху дном корзины. При одном упоминании имени родной бабки Анне чудился запах рыбы, и ее передергивало. Ни разу в жизни не видел, чтоб человек так ненавидел своих родственников, что даже не ел рыбу. Мама запретила нашему повару готовить рыбные блюда и никогда их не ела.

Через четыре месяца мои будущие родители сыграли свадьбу. К свадьбе готовились столь долго и тщательно, что окружающие было засомневались в том, что она вообще состоится. Анне непременно хотелось венчаться в Лондоне, но дед по понятным причинам настоял, чтобы свадьба проходила в Фулворте. Однако на нее были приглашены все родственники и друзья сэра Джейкоба. Мистер Эмберли, едва узнав о том, что на свадьбу его единственной дочери съедется чуть не весь высший свет Англии, выложил огромную сумму денег для проведения праздника. Бедняга не знал, что метал бисер перед свиньями. Приехавшие по приглашению деда именитые родственники числом более четырехсот лишь громко фыркали, когда сэр Джейкоб подводил старого негодяя знакомиться с ними. Общее мнение было таково, что вовсе не мистер Эмберли празднует свадьбу, оплачивая все расходы, а наш старикан, неизменно садившийся во главе стола и первым поднимавший тосты.

Свадебное празднество длилось целую неделю. Пиршества сменялись охотой, театрализованными представлениями, фейерверками. Титулованные гости, именовавшие себя на французский манер *de la fleur des pois* (дословно – “цветок гороха”, иносказание – “человек утонченного аристократического общества”), решив, что вдали от цивилизации, на лоне природы можно позволить себе расслабиться, развлекались травлей собаками лисьих семейств, маскарадами, костюмированными танцевальными вечерами и обжорством. Ели много и практически постоянно. Портвейн лился рекой. Сэр Джейкоб на одном из вечеров приказал вылить сто двадцать дюжин бутылок этого благородного напитка в фонтан, наспех устроенный перед усадьбой. Напившиеся гости полезли купаться в вине. Было весело. Многие кавалеры и дамы высшего света вели себя вызывающе, скинув с себя намокшие после купания платья и уединившись в саду. Всюду витал дух фривольности и порока, к которому так тянулся дед, появлявшийся вечерами в сопровождении неизменной фаворитки Лизы Бригз.

Лишь молодые оставались трезвыми и холодными, глядя с брезгливым безразличием и скукой на царящее по случаю их бракосочетания веселое безумство. Познакомившись в первый же день со всеми родственниками новоиспеченного мужа, Анна сразу потеряла к ним всякий интерес, так как с трудом могла поддержать беседу. Мужчины нашли ее слишком холодной и блеклой, а потому обходили вниманием, одаривая оным более симпатичных, пылких и падких до удовольствий особ.

Чарльз также чувствовал себя не в своей тарелке. Его старший брат, который всегда в детстве поддерживал Чарли, не смог приехать из Индии по причине сильной малярии. Он написал длинное письмо, в котором выражал радость от того, что Чарльз наконец-то становится взрослым, и огорчение по поводу постоянного вмешательства сэра Джейкоба в дела младшего брата, на что тот неоднократно жаловался ему в письмах. Во время застолий он не смел ни хорошенько выпить, ни наестся вдоволь, сидя подле строгой супруги. К тому же Чарльза серьезно удручала неудача, постигшая его в первую брачную ночь. Мысль о неспособности вести нормальную половую жизнь так и сверлила мозг юного джентльмена. В каждом взгляде, обращенном на него, в каждой вольной шутке ему чувствовался намек на то, что гости знают о его поражении и молчат лишь из чувства такта. Поэтому он не нашел ничего лучшего, как уподобиться своей молодой супруге и, не участвуя в веселье, безразлично наблюдать со стороны, как гости все более и более разнузданно развлекаются.

Глава вторая

Едва лишь сержант ушел, как констебль тотчас переместился со своего освещенного участка в тень домов, с испугом глядя в зашторенные окна кабинета, где, по его предположению, сейчас находился предмет внимания. Узкий тупик между домами, заканчивающийся грязным дощатым забором, воняющий кошками и помоями, успокаивающе подействовал на всегда степенного Смита. Привыкший крепко стоять на твердой земле, он с ужасом поглядывал в сторону особняка, даже не представляя себе, как это еще совсем недавно он безо всякого страха и стеснения разглядывал, стоя под газовым фонарем, джентльмена с прекрасными бакенбардами. А вдруг тот заметил следившего за ним констебля? От этой мысли Смит резко вздрогнул и попятился в самый тупик, ступив во что-то липкое и скользкое.

Констебль дежурил в ту самую ночь, когда инспектор Скотленд-Ярда мистер Фредерик Эберлайн обнаружил четвертую жертву Джека Потрошителя, уличную проститутку по имени Энни Чепмен, по прозвищу Хмурая Энни. Зрелище было не из приятных. Да уж, на такое изуверство больше он не хотел бы глядеть ни за какие деньги, будьте уверены.

Убийца выпотрошил свою жертву, вскрыв живот и вырезав матку. Но этого ему показалось мало, и Джек Потрошитель, срезав с внутренней стороны бедра уличной потаскухи кусок кожи в виде сердца, засунул его ей в рот, словно замкнул мертвые уста. Затем, аккуратно накрыв вспоротый живот юбкой, убийца мелом написал на стене следующие стихотворные строки: “Евреи, вот кого недаром станут в сем деле обвинять. Евреев и других нечистых пора нам с острова изгнать”. Смит потому так хорошо запомнил стихи, что сержант Годли приказал ему стереть надпись. Все лучше, чем стоять в карауле около тела несчастной.

Констебль тяжело вздохнул и покачал головой, стараясь отогнать тяжелые видения. Ему вспомнилось, как, старательно и медленно водя тряпкой по стене, он просил бога сделать так, чтобы уж более никогда в жизни не увидеть подобного. И вот на тебе! Мало того что именно Смиту довелось найти во время дежурства жертву, так он еще и должен теперь следить за домом убийцы.

Смит медленно поднял глаза к плотно зашторенным, но все-таки светящимся окнам кабинета и внезапно увидел силуэт мужчины, следившего за ним. И хотя он знал, что объект не должен его видеть, Смит все же сжался, стараясь стать еще более незаметным.

Джентльмен постоял еще немного, разглядывая констебля, которого он, несмотря на царившую в тупике темноту, прекрасно видел, затем вновь вернулся за письменный стол и медленно раскрыл коробку с сигарами. Выбрав лучшую, он поднес сигару к серебряной гильотинке, отрезал кончик и раскурил от свечи. Сизоватый дымок тонкой струйкой поплыл к потолку, заполняя кабинет сладковатым ароматом хорошего табака.

Джентльмен вспомнил, что Хлоя, его жена, обожала этот аромат и даже садилась к нему на колени, когда лейб-медик королевской семьи изволил после обеда курить. Милые сердцу воспоминания мгновенно пронеслись перед затуманившимися глазами. Мужчина взялся за перо и продолжил свою биографию.

* * *

Кто был моим физическим отцом – этот вопрос до сих пор чрезвычайно занимает меня. Возможно, именно в нем кроется загадка моего поведения и проблем, которые в последнее время столь серьезно стали мне докучать. Конечно, истинный джентльмен, коим я являюсь, не имеет морального права даже думать, что хоть на йоту сомневается в отцовстве своего родителя, однако после всего того, что со мной случилось, я не только думаю подобным образом, но и могу напрямую задать этот вопрос бумаге.

Помнится, я остановился на свадьбе Чарльза, моего отца, и Анны Эмберли, моей матушки. В первую же брачную ночь отец был серьезно разочарован разницей между его представлениями о физической близости и реалиями, ошеломившими Чарли. Едва лишь до крайности любопытствующие гости наконец соизволили удалиться из спальни, специально приготовленной и лично обставленной плотоядным сэром Джейкобом, как изможденный бесконечно тянущейся свадебной церемонией супруг с глухим стоном повалился в кресло, стоящее подле полукруглой кровати с тяжелым пологом. Анна, уставшая намного менее своего новоявленного супруга, принялась медленно и крайне тщательно разбирать сложную прическу, которая была собрана на голове бесчисленными булавками. Подождав, оправившись и немного восстановив силы, Чарли подошел к жене и нежно обнял ее за талию. “Чарльз, – строгим тоном произнесла та, даже не поворачиваясь к законному мужу. – Позволь, прежде чем ты выполнишь свой супружеский долг, мне раздеться”.

“Да-да, конечно”, – промямлил отец и, раздевшись догола, уселся в кресло, терпеливо ожидая, пока мама позволит ему приблизиться, дабы наконец-то приоткрыть завесу тайны.

Анна, распустив волосы, с глухим шорохом стянула с себя тяжелое свадебное платье, под которым обнаружился корсет и многочисленные нижние юбки. Можно представить себе ощущения юного Чарли, уже успевшего основательно продрогнуть, сидя нагишом в кресле и ожидающего, пока его жена расшнурует все эти завязки на корсете и снимет множество юбок. Его посиневшее тело покрылось противной гусиной кожей, а мысли витали только вокруг, как он надеялся, теплого тела

жены. Но вот последняя преграда была снята, и перед ожидающим вожделенного часа супругом предстала Анна в костюме Евы. Маленькие груди-бугорочки, по-мальчишески узкая и квадратная попа, бледная, как у мертвеца, кожа с синими венозными прожилками – вот что предстало перед отцом во всей своей красе. К тому же Анна сама успела замерзнуть и теперь мелко дрожала, стоя перед мужем, не то от холода, не то от страха перед предстоящей постельной баталией.

“Отдаюсь вашей власти, сэр”, – тихо прошептала Анна строку из какого-то романа, укладываясь на разостланную постель. Так она и лежала на спине, уставившись в потолок, совершенно неподвижная, похожая на труп. Сходство дополнялось ледяной кожей, чей холод ощутил Чарльз, едва лишь он улегся подле супруги и прижался к ней в надежде хоть немного согреться.

Если бы мама имела хоть теоретические знания о том, как должна проходить первая брачная ночь, то она, я надеюсь, не лежала бы на кровати, словно бревно. А отец, лишь пару раз видевший в полутемном коридоре некие телодвижения, совершаемые дедом с очередной горничной, также был совершенно беспомощен в своем девственном неведении.

Так продолжалось примерно с полчаса. Неказистый вид супруги, холод, пробирающий до костей, и неопытность не позволили папе осуществить намеченное. Конечно, Чарли мог разжечь камин, а Анна кокетливо прикрыть наготу полупрозрачным пеньюаром, но беда заключалась в том, что сэр Джейкоб, самолично готовивший молодым спальню, не позаботился о ведерке с углем, приставленном у камина, решив, что новобрачные и так согреют друг друга пылким страстным соитием. Рано умершая миссис Эмберли так и не вышла для дочери полупрозрачный пеньюар.

Полежав немного, Чарли осторожно прикоснулся пальцами к телу супруги, медленно ведя вдоль бедра. Анна, с детства не переносившая щекотку, задержалась и сильно задрожала. Внезапно на нее накатила истерический смех. Ничего не понимающий и чрезвычайно задетый этим Чарльз смотрел, как на постели извивается его супруга, задыхаясь и плача от расправившего ее смеха, переходящего в визг. Он сначала испугался такой реакции, отшатнувшись от Анны и решив, что та сошла с ума. Затем отец догадался, в чем дело, и расстроился. Насмеявшаяся вволю супруга объявила, что на сегодня достаточно – она хочет спать.

На следующее утро Чарли вышел к гостям понурый и весь день просидел с кислым выражением лица. Рядом находилась высокомерная Анна, свысока смотрящая на оргию, в которую к вечеру аристократические гости превратили бракосочетание. Неожиданно к ним подошел сэр Джейкоб. Лицо его расплылось в приторной улыбке, а сизый нос, мокрый от пота, сверкал в свете множества свечей, которыми освещали праздничный зал. За спиной деда стояла Лиза Бригз, держа в руках большой поднос с двумя серебряными кубками – фамильной реликвией. В кубках плескался наполненный до самых краев портвейн. “Дорогие мои дети, – торжественным тоном обратился к молодым сэр Джейкоб, – я люблю вас на вашу любовь, и у меня в душе разливается целый поток счастья. Примите же из моих рук наши фамильные реликвии. – Тут старикан сделал мисс Бригз знак рукой, и та, хитро поглядывая, поднесла к сидящим во главе стола молодоженам поднос. – Эти кубки приплыли вместе с самим Вильгельмом Нормандским! – как можно громче воскликнул дед, стараясь, чтобы все гости его услышали. – Так пускай же они перейдут к тебе, сын мой, чтобы ты не ронял честь наших славных предков. Испей же их до самого дна”, – патетически завершил он свою речь.

Отец с матерью сидели и тупо смотрели на огромные серебряные кубки, в которых плескалось никак не меньше двух пинт портвейна. Видя, что гости переключили свое внимание на них, Анна, почти не разжимая рта, прошептала мужу: “Пей”. Чарли покорно взял кубок, поднес его к губам и мелкими женскими глотками стал вливать в себя крепкое вино. Анна последовала его примеру. Гости взвыли от восторга, хлопая в ладоши в одобрение супругов и деда, победно поглядывающего то на сына, то на невестку.

Уже через некоторое время слуги отнесли бесчувственных молодоженов в их спальню, в которой на этот раз оказался растоплен камин. От жары мой отец и моя мать окончательно раскисли и вообще перестали что-либо сообщать, чего и добивался коварный дед.

* * *

Ровно через девять месяцев после свадьбы родился я. За эти девять месяцев в поместье мало что изменилось. Дед всем руководил, восседая во главе стола, а по правую руку от него непременно садилась мисс Бригз, официальная любовница сэра Джейкоба. Родители скромно размещались по левую сторону от старикана. Когда стало известно о том, что Анна на сносях, дед на радостях закатил пирושку, созвав всех соседей, какие только имелись в округе графства. На пирושке он сидел с таким довольным и важным видом, как будто мама вынашивала его ребенка.

Вечером Анна, ложась в постель, сказала Чарльзу, что сэр Джейкоб вел себя за столом настолько неприлично и невоспитанно, что она готова была сквозь землю провалиться со стыда, и только врожденное чувство такта не давало ей этого сделать. Чарли, как всегда, согласился с супругой, добавив от себя только, что старикан чересчур часто лез сегодня к Анне с якобы отеческими поцелуями, настолько часто, что даже “эта особа”, а именно так мои родители называли Лизу Бригз, стала на него дуться. “Эта особа” действительно имела неудовольствие наблюдать, как

дед, поминутно поднимая тосты в честь будущей матери, все время лез выпить с Анной на брудершафт.

На следующее утро, выходя из столовой, мисс Бригз столкнулась с моей матерью в коридоре. Она тут же соорудила подобие улыбки и поинтересовалась сладеньким голоском, не тревожит ли Анну по утрам тошнота, и посоветовала побольше бывать на свежем воздухе и поменьше сидеть в мужских компаниях, так как это может в дальнейшем дурно сказаться на характере маленького. На это мать, высокомерно поведя бровью, отрезала: “Вы бы, милочка, последили лучше за своим поведением, а то оно в последнее время стало слишком вызывающим”. Сказав это, мама с видом королевы пошла дальше, оставив покрасневшую от злобы мисс Бригз, не нашедшую, что ответить на замечание.

С этого момента между Анной и Лизой Бригз началась тихая и невидимая постороннему глазу война, каковая бывает только между двумя ненавидящими друг друга женщинами. Всякий раз, встречаясь на людях, обе дамы нарочито официально здоровались. Если же они сталкивались без посторонних, то домоправительница непременно говорила матери что-нибудь колкое, на что та никак не реагировала, чем доводила мисс Бригз до кипения. При этом обе женщины старались настроить отца и сына друг против друга, зудя мужчинам, как бы они прекрасно жили, если бы другая половина обосновалась где-нибудь подальше от Суссекса. Однако, по понятным причинам, Лизе Бригз не удавалось выставить из дома моих родителей, а Анна терпела поражение, сталкиваясь с мягкотелостью отца, пасующего перед “личностью”, крепко державшей в руках управление помещьем.

Внезапно произошло событие, которое в корне поменяло привычный ход подковерной борьбы, превратив его в открытое противостояние отца и сына. Дело в том, что незадолго до моего рождения в поместье пришло трагическое известие о скоропостижной кончине старшего сына сэра Джейкоба – Генриха. Как я уже упоминал, тот, служа Англии в Индийской колонии, долгое время болел лихорадкой, мучившей его постоянными приступами. В последнее время, однако, наметилось явное облегчение, столь серьезное, что Генри хотел даже отправиться проведать отца с братом и стал было собираться в дорогу, как внезапно страшнейший приступ лихорадки за каких-нибудь пару дней свел его в могилу.

Индийский дядя Генрих, а именно так его называли в нашей семье, скоропостижно умер, и теперь дедушкин титул, который он должен был наследовать по праву старшего сына, автоматически переходил к моему отцу. Пребывавшая на последнем месяце беременности Анна поняла, что с этого момента ее муж – наследник сиятельной приставки сэра, а она – настоящая леди, что открывает дочери хоть и богатого, но все же простого негодянта двери в высшее лондонское общество, кое она имела честь лицезреть на собственной свадьбе. С этого момента супруга будущего сэра Чарльза повела самую настоящую борьбу за право главенствовать в этом доме по праву, как она выражалась, истинной леди.

Спор возник, казалось бы, из-за пустяка: кому принимать роды? Сэр Джейкоб, который, как известно, благоволил к суссекским барышням, уже давно уговорился с местной повитухой миссис Саммерс, которую все в графстве звали не иначе как тетушка Сара. Тетушка Сара была дамой внушительной комплекции и обладала таким впечатляющим бюстом, что нетрудно было догадаться, о чем говаривал с ней старикан, захаживая, чтобы как следует все обсудить. Крепкие и проворные руки миссис Сары также производили впечатление. Когда ты видел эти совершенно не женские, мускулистые и цепкие руки, то сразу понимал, что Саммерс достала ими из утробы не одного младенца, а поселение.

Через неделю после пришедшего из Индии трагического известия о кончине дяди Генри дед, не предупредив, по своему обыкновению, никого, привез повитуху в поместье. Анна еще лежала в постели, выпивая, по новомодному обычаю, чрезвычайно аристократическому, как мама всегда считала, первую чашку какао, когда, несмотря на протесты горничной, в ее спальню вошла тетушка Сара в сопровождении старикана и со словами “Ну, как наша роженица себя чувствует?” стала бесцеремонно щупать огромный живот, где лежал я. Возмущению матери не было предела. На ее крик в спальню прибежал Чарли, который брился, а потому все лицо его было белым от пены. Увидев супругу, вопящую от ужаса, чья сорочка была залита пролитым какао, и незнакомую женщину, страшными неженскими руками стаскивающую с нее одеяло, отец решил, что над его будущим наследником совершается некое злодеяние. И тогда Чарльз, вечно забитый и затурканный Чарли, чьего мнения никогда не спрашивали и за которого всегда решали, впервые в жизни совершил самостоятельный поступок, достойный мужчины. Отец подскочил к тетушке Саре и закатил ей такую звонкую оплеуху, что та с визгом выскочила из спальни. Затем, трясясь от негодования и собственной неудержимой смелости, разбрызгивая вокруг себя мыльную пену, Чарли подошел к ошеломленному деду и крикнул ему прямо в лицо: “Вон! Сейчас же вон из моей спальни!” Сэр Джейкоб опрометью бросился следом за повитухой. “И не смейте входить сюда без моего разрешения!” – крикнул ему вслед отец и так сильно хлопнул дверью, что стук был слышен по всей усадьбе.

Думаю, что если бы отец не выгнал миссис Саммерс, то мать, находившаяся в тот момент на грани истерики, могла бы преждевременно разрешиться от бремени, и я бы умер.

Гордый, словно лев, Чарли подсел к супруге, смотревшей на него таким же, как и старикан, ошеломленным взглядом, и поинтересовался, как она себя чувствует. Анна сказала, что все в порядке, и ласково погладила Чарльза по недобритой щеке. Удивляясь про себя столь смелому поведению мужа, она сделала вывод, что в минуты отчаяния ее супруг способен на поступок. А еще Анна поняла, что первый шаг к завоеванию власти в доме сделан и необходимо продолжать наступление, не то будет хуже.

Чарли вернулся в ванную комнату, дабы закончить свой туалет, а его супруга, спешно переодевшись с помощью бесконечно оправдывавшейся горничной, которая пропустила в спальню фамильярную акушерку, и сменив постельное белье, облитое какао, приступила к разработке плана дальнейших действий.

Сэр Джейкоб проводил испуганную и крайне возмущенную тетушку Сару, пообещав ей непременно наказать нерадивого сына за оплеуху, и отправился в родной погреб, посиделки в котором всегда успокаивали его. В погребе было тихо, прохладно и удивительно уютно. В центре стоял маленький столик и кресло-качалка с неизменным шотландским пледом, чтобы деду было удобнее проводить часы досуга. Удобно устроившись в кресле и хлебнув винца, сэр Джейкоб пришел к выводу, что все в порядке и ситуация под контролем. Сейчас не стоит портить настроение, но за обедом он непременно отругает сына за дерзость по отношению к тетушке Саре и за недопустимую выходку в адрес сэра Джейкоба. Постепенно пребывание в винном погребе настроило старикана на благодушный лад, и ему стало казаться, что ничего особенного не произошло. А потому, вернувшись в дом и пройдя в столовую, где обычно обедала семья, сэр Джейкоб был несказанно удивлен тому, что произошло за обедом. Он был не просто удивлен, нет, дед был не готов к такому повороту событий.

Однажды я нашел в библиотеке нашего клуба занимательную книгу под названием "Трактат об искусстве войны". Книга была написана неким китайцем и лишь недавно переведена на английский язык для вящего развлечения джентльменов, интересующихся Востоком. Так вот, в той книге, кстати говоря, весьма познавательной, имелась запись о том, что настоящему стратегу лучше переоценить, нежели недооценить противника.

Едва лишь сэр Джейкоб вошел в столовую, сервированную к обеду, как увидел, что во главе стола восседает его сын, по правую руку которого находится невестка. Обычно же старикан располагался во главе стола, а на том месте, которое заняла мать, сидела мисс Бригз, вошедшая сейчас в столовую и в нерешительности остановившаяся в дверях за спиной у сэра Джейкоба. Чарльз сидел, упершись руками о край стола и уставившись прямо перед собой, а Анна победно смотрела на вошедших.

"Чарли, мой мальчик, по какому такому праву ты занял мое место?" – строгим тоном спросил старикан. "По праву владельца этого дома, отец", – тихим, но твердым голосом ответил Чарльз и кивнул камердинеру, разрешая подавать обед.

Деду был предоставлен выбор: либо сесть по левую руку от Чарли, где обычно сидели сын с невесткой, либо вместе с Лизой Бригз занять другую сторону длинного обеденного стола из лакированного дуба. Если бы не рисовка перед любовницей, то старикан, может быть, и смирился бы с таким положением дел, но присутствие мисс Бригз сделало свое дело, и он уселся напротив сына. Так они и устроились, друг напротив друга, словно войска непримиримых противников, занявших берега реки и не решающихся первыми перейти брод.

Однако как только экономка и домоправительница мисс Бригз села за стол, как Анна ледяным тоном потребовала, чтобы "эта низкая особа сей же час удалась и не смела больше сидеть за одним столом с ней". Тут уж сэр Джейкоб не выдержал. "Ты бы, деточка, помолчала насчет низкого происхождения! Тебя саму взяли из семьи торговца!" – воскликнул он, медленно багровея. "Отец! – вскричал Чарли. – Извинись перед моей законной супругой! Или..." "Или что?" – напустился на него, трясая головой, сэр Джейкоб. "Или я попрошу тебя покинуть этот дом! – неожиданно спокойно сказал сын, глядя на возмущенного отца. – Не забывай, что ты живешь за мой счет".

Деда словно холодной водой окатили. Вскочивший было и нависший над столом, он застыл на секунду, не в силах пошевелиться. Кровь мгновенно покинула лицо, сделав его бледным и прилив к сердцу, которое не выдержало подобного наплыва. У старикана случился удар, и он, хватая ртом воздух, повалился на столешницу, сминая трясущимися руками скатерть.

* * *

Я родился с появлением первой утренней звезды. Принимавший роды молодой врач Вильям Гелл, старинный приятель отца еще с оксфордских времен, специально приглашенный из Лондона, объявил, что все прошло хорошо, родился здоровый мальчик. Чарли, не помня себя от радости, вбежал в спальню Анны, где ему в руки сунули маленький кулечек, состоящий из множества кружевных сорочек и шелковых пеленок Это был я.

– Вот твой сын, Чарли, – сказал мистер Гелл.

Вошедший следом мажордом с торжественным выражением лица, уместным при данных

обстоятельствах, подал счастливому отцу на подносе серебряную ложечку, которую Чарльз сунул мне в рот. Подоспевший за мажордомом священник, специально приглашенный по такому случаю в поместье и мирно спавший до этого в столовой, принялся торжественно читать молитвы. Мажордом, держа руками в белоснежных перчатках серебряную ложечку, вливал из маленького оловянного стаканчика мне в рот церковное вино. Лежащая на смятой постели, изрядно измученная, но счастливая мать благосклонно кивала головой. Ее прилипшие ко лбу волосы блестели от пота, а руки прижимали к груди деревянную коробку, в которой лежал обмотанный белым бантом кусок пуповины, бережно сохраненный Вильямом Геллом. Сим торжественным образом я вошел в жизнь.

Внезапно двери в спальню распахнулись, и, скрипя колесами, в комнату на коляске въехал старикан. После перенесенного удара он так и не смог до конца оправиться, так как вся нижняя половина тела отказала, и теперь дедуля мог самостоятельно передвигаться лишь по усадьбе да изредка в сухие и ясные дни выезжать в недавно разбитый во дворе сад. Сейчас он не утерпел и тоже приехал посмотреть на своего внука. Чарли, мельком глянув на Анну, передал сэру Джейкобу маленький сверток, который тот бережно принял трясущимися от волнения руками. По воспоминаниям дедули, я глянул на него удивительно умным, все понимающим, все прощающим взглядом и тотчас заснул. Старик вернул ребенка обратно счастливому отцу и, тихо плача от счастья, укатил в свою комнату. Священник, не прерываясь, продолжил читать молитвы до самого обеда.

Как вы, наверное, изволили уже заметить, в нашем поместье многое изменилось. После достопамятного обеда, на котором во время ужасной размолвки между сэром Джейкобом и моим отцом дедулю хватил удар, главенство в усадьбе полностью перешло в руки матери. Анна, которую я для вящего удобства продолжу называть так, хоть и была на последнем месяце беременности, однако в кратчайший срок преобразила наш дом и завела собственные порядки. Для начала она уволила практически всех нанятых стариканом слуг, и в первую очередь конечно же его пассию Лизу Бригз. Мало того, что мать выгнала девушку без рекомендательных писем, которые могли бы помочь несчастной найти достойную работу, Анна подвергла Лизу унижительной процедуре. Она лично пришла в комнату бывшей экономки и домоправительницы, дабы, как выразилась мать, “самой убедиться в том, что ничего не украдено и все вещи, которыми так щедро награждал свою пассию наивный сэр Джейкоб за счет Чарльза, останутся в доме”.

Также были уволены все горничные, “эти развращенные лентяйки”, по мнению Анны, а также маленький конюх, бывший жокей и камердинер, умевший лишь ухаживать за своими огромными седыми бакенбардами, делавшими его похожим на павиана, да таскать из погреба хозяйское вино. Из старых слуг в доме осталась только толстуха Полли, кухарка, которая умела из самых простых продуктов приготовить замечательные изысканные блюда. Именно благодаря этому качеству Полли была помилована и, несмотря на то, что была не раз замечена в компании пьяных сэра Джейкоба и мистера Эмберли, продолжала царить на кухне.

Что же касается самого сэра Джейкоба, то он через пару недель окончательно оправился от удара и обнаружил, что не может владеть своим телом, как раньше. Ноги перестали слушаться старикана, поэтому отец выписал из Лондона красивую коляску, сделанную из плетеного большого кресла с высокой спинкой, прикрепленного к огромным круглым колесам. К дедуле в качестве наказания, а именно так он воспринимал это новое общество, был приставлен мистер Симпсон, высокий сутулый лакей с совершенно лысой головой, который должен был следить за сэром Джейкобом, носить его в уборную, укладывать спать и возить на прогулку к морю. Мистер Симпсон был туг на ухо, но старался, чтобы этого никто не замечал, а потому было чрезвычайно утомительно наблюдать, как он вез старикана совершенно в другую сторону, нежели тот хотел, несмотря на бурные протесты сэра Джейкоба. Мать вскоре узнала о глухоте Симпсона, однако не заменила его, а лишь заметила, что дед вскоре привыкнет к своему компаньону и опекуну. Сам мистер Симпсон раздражал дедулю тем, что всегда молчал, чтобы не показать в разговоре глухоту, а потому бедняге не с кем было перемолвиться словом во время длительных прогулок, ежедневно совершаемых вне зависимости от погодных условий. Как бы старикан ни возмущался, что дождь льет ему прямо в лицо, его всегда можно было наблюдать в компании неизменного Симпсона, без усталости катящего коляску вдоль морского берега. Так мать отомстила свекру – этой личности, ставшей теперь ворчащим и по-стариковски пахнущим обломком былого величия.

Вернемся, однако, к моему рождению. Мне сразу же отвели отдельную, заранее подготовленную комнату, куда меня отнесли и откуда выносили вначале лишь затем, чтобы покормить или же показать гостям, что произошло только один раз, когда Чарльз и Анна пригласили местную аристократию отметить рождение своего первенца.

– С этого момента к нам будут ходить только избранные, – заявила Анна, лично составлявшая список гостей. – Только те, кто имеет дворянские корни, обладают хорошими манерами и являются добропорядочными христианами. Пусть это будут люди, не блистающие умом, зато достойные нашего общества.

Чарльз был полностью согласен с супругой, отметив лишь, что, возможно, таких людей в Суссексе наберется немного, на что Анна возразила, что они не гонятся за количеством, зато смогут похвастать качеством.

И вот на смену жизнерадостному фривольному воздуху аристократизма пришел замкнутый викторианский дух новой Англии. Точно такие же изменения произошли и в политической жизни страны. Во главе нации стала королева Виктория со своими благостными христианскими ценностями.

Когда чопорная кормилица в белоснежном чепце и наглухо закрытом платье вынесла меня к гостям, то первым удостоился чести лицезреть младенца наш приходский священник, яркий представитель англиканской церкви, построенной посреди Фулворта. Сэр Джейкоб его и на порог не пускал, считая никудышным гостем, а нынче пастор сидел во главе стола рядом с Анной. Сидевший на противоположном краю дедуля, увидев, кто первым взял меня на руки, громко хмыкнул и проворчал, что нынче профессиональных лентяев не просто кормят, но еще и почитают, за что, по знаку Чарльза, был тотчас вывезен Симпсоном из зала.

– Я еще ничего не попробовал! – слышались в коридоре его горестные крики, на которые гости мудро не обратили никакого внимания.

Пастор с умилением оглядел меня и заявил, что я – вылитый ангел и более чудесного ребенка он еще никогда в жизни своей не видел. Следом за ним меня взяла на руки леди Августа Мюррей, мамина знакомая, возглавлявшая новомодное Общество христианских женщин Суссекса. Ее муж, лорд Мюррей, кстати говоря, являлся председателем Клуба друзей Суссекса, куда недавно был торжественно принят Чарльз. Теперь Анна во что бы то ни стало стремилась попасть в Общество леди Августы.

– Чрезвычайно милый ребенок! – воскликнула леди Мюррей, принимая меня на руки. – Надеюсь, он будет достойным джентльменом и истинным христианином. У-тю-тю, – засюсюкала она, свернув губы трубочкой и поднимая меня над головой. – Какой же он глазастый! Действительно, настоящий ангел!

Будто бы в подтверждение этих слов я, уже в малые годы боявшийся высоты, тут же обмочился. Леди Августу Мюррей вытерли, меня передали на руки кормилице, которая спешно побежала менять пеленки, а праздничный обед продолжился.

* * *

Свои первые детские годы я не помню. Лишь смутные воспоминания витают о тех далеких временах, когда меня сначала пеленали и кормили грудью, потом я учился ходить, кое-как ковыляя на непослушных ногах, затем стал говорить, старательно выговаривая отдельные слоги, а уж после складывая их в слова. Все эти моменты стерлись из моей памяти, даже не оставив следа. Единственное, что, как мне кажется, я помню наверняка, была царившая вокруг атмосфера некой изысканной и холодной величавости. Анна, ставшая теперь полновластной хозяйкой усадьбы и единовластной распорядительницей дохода с поместья, стала с тщательностью паучихи, плетущей меж двух ветвей тонкую паутину, прививать нашему дому и семье новый и, как она считала, истинно аристократический порядок.

Как вспоминала тетушка Полли, вечная кухарка, каждое утро она вставала ни свет ни заря, чтобы выдоить корову, снять сливки, приготовить кофе, который вместе со сливками обязательно подавался в постель леди Анны, встававшей в одно и то же время, ровно в шесть часов. К моменту, когда Анна допивала первую чашку кофе, меня, уже умытого, причесанного и одетого в парадный костюмчик, приводили к ней в спальню, чтобы пожелать доброго – утра. Затем няня отводила меня обратно и переодевала в простое платье, в котором я и проводил весь день до самого обеда, к которому следовало переодеться обратно в костюмчик, дабы я смог отобедать, словно истинный джентльмен.

Помню всегда холодные губы матери, которыми она небрежно целовала меня перед сном. Это были не поцелуи любви, а лишь необходимая обязанность, ритуал, с которым леди Анна ежевечерне укладывала меня в постель.

Мать всегда была чопорной, глядевшей на мир с видом, красноречиво говорившим, что думает о нем настоящая леди. Именно такой я ее и помню в своих первых воспоминаниях, где-то лет с шести.

В этом же году у меня стала проявляться удивительная способность воспринимать все через цвет. Так, свою мать я помню исключительно в белом цвете с легкой синевой. Да, именно такой цвет ей более всего подходил, холодный и, как выразилась бы сама леди Анна, исключительный. Отец же был бледно-лимонным, блеклым. Его цвет всегда терялся рядом с матерью. Чарли не хуже Анны умел напускать на себя надменность и строгость, особенно когда общался не с равными, а с подчиненными, а особенно со мной. Так и слышу его тонкий строгий голос:

– Ну, юный сэр, выучили ли вы сегодня псалом десятый?

Чарльз всегда начинал разговор со мной с “ну”.

– Да, папа.

– Ну так извольте прочесть, а я послушаю.

В нашем доме царил тяжелая атмосфера напускной набожности и чрезмерной строгости. Родители старались, чтобы меня воспитывали, как положено настоящему аристократу. Почему при

этом они не давали волю своим родительским чувствам, нельзя было понять. Даже друг с другом они сохраняли некие отстраненные отношения и при посторонних обращались друг к другу, неизменно употребляя титул. Дом, как тогда мне казалось, был стального цвета, хотя лишь первый этаж был сложен из местного известняка сероватого цвета, верхние же этажи были бурыми, построенными из промороженных корабельных сосен. Единственной живой душой в доме был дедуля, сумевший, несмотря на все издевательства и холодное безразличие, прожить долго. Старый сэр Джейкоб всегда был ласков со мной и называл не иначе как сыном. Мы ходили с ним на прогулки, при этом мистер Симпсон оставался дома. Анна хотела было запретить папе общение, но отец неожиданно воспротивился ее воле, аргументируя тем, что, толкая по неухоженным суссекским дорогам тяжелую коляску с дедушкой, я развивался физически, что с недавнего времени вопию в моду в светских лондонских кругах. Таким образом, мы с дедулей получили индульгенцию на многочасовое отсутствие в доме.

Старикан, когда я его спрашивал, куда бы ему хотелось отправиться на прогулку, неизменно отвечал одно и то же:

– Конечно же в Фулворт, сыпок. От этих ханжей подальше.

И мы катили в деревню. По дороге сэр Джейкоб рассказывал мне о прошлом, которое он вспоминал с теплотой и любовью. До того как мы подходили к входу в таверну “Морской конек”, старикан успевал рассказать мне какую-нибудь занятную историю из жизни, совершенно непохожей на ту, какой жили мои родители.

– Помню, служила у меня Лиза Бригз. Милашка Лиза, так я называл ее. Так вот, однажды мы отправились с ней на берег Ла-Манша, потому что милашке захотелось устроить пикник. Разложили на берегу скатерть, расставили приборы, я выпил портвейна, а солнышко так и припекает. Вот я и задремал ненароком. Открываю глаза и вижу такую картину. Моя милашка Лиза сидит чуть поодаль на травке в компании с молодым пекарем и строит ему глазки. Я, понятное дело, сначала хотел было прогнать его, а потом, думаю, дай погляжу, что дальше будет. А моя милашка заметила, что я проснулся, но виду не подала и продолжает, чертовка, кокетничать с молодым пекарем. У парня слюнки на нее так и текут. Умела Лиза, черт побери, мужчину распалить до самого нутра. И вот когда у них дошло уже до самого главного, только тогда я вскочил, но не потому, сынок, что ревность во мне выиграла, совсем нет. А потому, что сам завелся. А вот и “Морской конек”! Осторожнее, сынок, толкай эту чертову коляску, тут ступенька. Хозяйка, налей-ка мне твоего славного винца, а юноше конфет. Вино, сынок, – это молоко стариков.

Однажды нам повстречался по пути тот самый юный пекарь. Только он был уже совсем не юн и скорее похож на откормленного борова, нежели на молодого героя-любownika.

Позже я встретил также и Лизу Бригз. При весьма странных обстоятельствах, но об этом позже. Сейчас же я хочу поведать о другом.

Неожиданное открытие, сделанное мною в одиннадцать лет, полностью изменило мое представление о родителях. С них словно бы внезапно спала маска чопорной надменности, которой они всегда прикрывали свои чувства. И то, что обнажилось под маской, напугало меня настолько сильно, что до сих пор, вспоминая об этом, я не могу не содрогнуться. Детское восприятие окружающего всегда самое сильное.

Так вот, это произошло в день моего рождения. В усадьбу, как обычно, были приглашены гости. Приехал и мистер Эмберли, общества которого в последнее время Анна старалась избегать ввиду живого напоминания о том, кем она была по происхождению. Однако же мистер Эмберли, ставший совсем уже дряхлым стариком, с трудом передвигавшим свое толстое тело, настоял на визите.

Праздничный обед проходил в небольшом зале, увешанном множеством портретов предков Чарльза. Видимо, таким образом подчеркивалось, что праздник был домашним. Меня нарядили в какой-то совершенно невообразимый костюм пажа с пышными рукавами, короткими штанишками, едва прикрывавшими мои колени, и беретом с длинным фазаньим пером. На куртке был старательно вышит отцовский герб. В таком глупом виде я должен был встречать гостей у дверей дома, стоя рядом с мажордомом. Поверьте, для ребенка нет ничего обиднее быть выставленным в дурацком виде перед взрослыми, да еще и в присутствии ровесников-детей, которых гости привели с собой. Я чуть не плакал, замечая, как мальчишки и девчонки, пришедшие на обед, с удивлением оглядывают мой наряд, а затем, столпившись в углу прихожей, презрительно перешептываются, тыча в меня пальцами. Ох, как раздирали мне уши эти смешки в мой адрес! Но самым ужасным было то, что неожиданно из толпы детей отделился самый старший мальчишка, подошел ко мне и, открыто оглядев, спросил:

– Ты клоун?

Я сделал вид, что он обращался не ко мне, и даже отвернулся в другую сторону, но сорванец не отставал. Он подошел еще ближе и снова во весь голос спросил меня:

– Может, ты актер? Лицедей, да? Приглашенные дети так и прыснули в своем углу. Я огляделся. Удивительно, но взрослые совершенно не обращали внимания на то, что меня, виновника торжества, который только что принимал их поздравления, унижали у всех на глазах.

Неожиданно положение спас мистер Эмберли. Едва войдя в двери и подав церемонно

поклонившемуся мажордому цилиндр, он, старательно надувая полные щеки, удивленно спросил меня:

– Кто же это такой? Господи, Анна, зачем ты его так нарядила? Он выглядит словно пугало!

Мать хотела проигнорировать высказывание своего отца, как вдруг прямо у нее под ухом прохрипел неожиданно выкативший на своей коляске в прихожую дед:

– Это точно, старина! В самую точку, черт тебя дерит! Мальчишка выряжен, как клоун в бродячем балагане.

За ним едва поспевал мистер Симпсон.

Друзья обнялись и тепло приветствовали друг друга. Гости принялись шушукаться, отчего мать приказала мне немедленно выйти и переодеться во что-нибудь более подобающее. Я с радостью согласился, однако, проходя мимо Анны, услышал ее высказывание:

– Мальчик сам захотел так нарядиться. Это было подло, но перечить я не стал, боясь, как бы меня вообще не лишили праздничного обеда, на котором наверняка будут подарки.

После третьего по счету тоста в мою честь Чарльз приказал мне и другим юным леди и джентльменам оставить взрослых и покинуть зал.

– Покажи своим гостям сад, – с натянутой улыбкой, с которой она всегда обращалась к другим детям, сказала Анна.

Накинув куртки, так как была уже середина ноября и с моря дул холодный ветер, мы вышли во двор усадьбы. Ко мне тотчас подошел давешний мальчишка, который дразнил меня, и сказал:

– Ладно тебе, не обижайся. Сам виноват, что позволил себя по-идиотски одеть.

Я промямлил что-то про желание моей матери.

– Да, понимаю. С твоей матерью не поспоришь. Она у тебя вообще всегда такая?

Не понимая, о чем он говорит, я утвердительно кивнул головой. К нам постепенно стали придвигаться остальные дети.

– Да, трудные у тебя родители, – констатировал мальчишка. – Скажи-ка, а ты видел когда-нибудь их вместе?

Я недоуменно уставился на него.

– А смешно они, наверное, выглядят, кувыркаясь в кровати, – продолжал сорванец.

– Джордж Мюррей-младший, о чем это ты? – неожиданно встряла в наш разговор девчонка примерно одного со мной возраста, удивительно похожая на сорванца. – У тебя только глупости на уме, – сказала она, толкая ухмыляющегося брата.

Оказалось, что Джордж Мюррей-младший, или, как все его называли, просто Джимбо, был сыном леди Августы Мюррей, особы, которую я, будучи младенцем, так бесцеремонно обмочил.

Джимбо весело подмигнул мне, как бы давая понять, что девчонки не понимают мальчишеских бесед, и предложил сыграть в мяч.

Разговор этот настолько сильно запал мне в душу, что вечером, едва лишь все гости разъехались по домам и меня отправили спать, я тут же решил, что непременно подсмобрую, как родители делают “это самое”. Раньше я много раз слышал от старикана про это, но еще ни разу самолично не видел, как это делается.

Наступила ночь. Я лежал в кровати, глядя на полную луну, ждал, когда все в усадьбе улягутся спать. Лишь только когда мимо моей чуть приоткрытой двери прошел, сильно шаркая уставшими ногами, мажордом, я тихонько поднялся и, как был – в одной ночной рубашке, вышел в темный коридор. Свеча осталась на столике. В коридоре было холодно, по полу сильно дуло, ноги мои мерзли, однако я не собирался останавливаться на полпути и мужественно шел в другое крыло, где размещалась родительская спальня.

Я уже почти дошел до спальни, как вдруг до моего слуха донесся странный звук. Звук исходил из двери подсобного помещения, всегда запертого, в котором я никогда ранее не бывал. Он был настолько неожиданным и так сильно испугал меня, что я сначала хотел бежать обратно к себе и лишь через пару минут успокоился.

Но едва я успокоился и оправился от испуга, как новый звук разбудил во мне сильнейшее любопытство. Он был похож на быстрое и заунывное, но крайне невнятное чтение псалмов, которое исполнял священник, частенько приглашаемый Анной на воскресный ужин в поместье. Я взялся за ручку двери и потянул на себя. Дверь, всегда запертая, неожиданно легко поддалась и приоткрылась.

То, что я увидел, навсегда запечатлелось в моей памяти. Посреди небольшой комнаты, освещенной множеством толстых свечей, стоял стол, на котором высился гроб. Длинный гроб, обитый бордовым бархатом снаружи и белоснежной тканью с множеством оборок изнутри, был красив и пугающе загадочен. Перед гробом, стоя на коленях, находился отец, совершенно голый, который, молитвенно сложив перед собой ладони, бегло читал молитву. А в фобу лежала моя мать!

Не веря своим глазам, я смотрел на эту жуткую картину. Мать лежала в гробу неподвижно, словно мертвая. Ее бледная кожа, выглядывающая из-под белоснежной кружевной сорочки, делала Анну еще более схожей с мертвецом. Неожиданно Чарльз прервал чтение молитвы, порывисто встал, склонился над матерью и поцеловал ее. И тотчас же руки Анны обхватили мужа и привлекли к себе. Не в силах более вынести этого ужасного зрелища, я вскрикнул и бросился что есть мочи к себе в

спальню. На следующее утро меня отправили в колледж, подальше из родного дома.

Глава третья

Полицейская карета с сержантом Годли медленно двигалась по Уайтчепл в сторону Кливленд-стрит. Сержант грозно поглядывал вокруг, так как район Уайтчепл был самым безобразным в Лондоне, собравшим в себя все отбросы английского общества: пьяниц, проституток, воров, убийц и наркоманов. К последним как раз и лежал путь достойного Годли.

Практически всем жителям Лондона было известно имя инспектора Фредерика Эберлайна, особенно из газетных репортажей о похождениях Джека Потрошителя, чье дело он вел, но лишь очень ограниченный круг лиц знал, что инспектор Скотленд-Ярда имеет пагубное пристрастие к опиуму. Вышедший не так давно роман Куинси “История курильщика опиума” наделал немало шума в читающих кругах, однако еще больше паники он наделал в среде добропорядочных джентльменов, которые не видели ничего плохого в том, чтобы изредка захаживать к китайцам.

“Странное дело, – думал сержант, глядя на медленно приближающийся красный китайский фонарик над входом в непримечательный барак, выкрашенный, наверное, еще при короле Георге IV известкой, уже достаточно обработанной ветром и дождями, чтобы успеть превратиться из белой в безнадежно серую. – Весьма странное: раньше мы, англичане, продавали косоглазым опий, теперь они обкуривают нас, причем в самом сердце королевства”.

Когда карета остановилась напротив входа в притон, Годли соскочил на тротуар с легкостью, удивительной для его грузного тела, казавшегося более рыхлым, нежели могучим, и трижды тихо стукнул кулаком в дверь. На уровне груди сержанта тотчас открылось окошко примерно на четыре дюйма, и на Годли уставились настороженные глаза с характерным азиатским разрезом.

– Открывай, Мао, да поживее, – приказал сержант.

– Я уже все заплачу, – пропищал китаец, торопливо отпирая входную дверь. – Я хороший...

– Хороший, хороший, – скороговоркой произнес Годли, входя в барак и мощным плечом отодвигая Мао. – Где он?

– Тама, сэ, – ответил, часто кланяясь и улыбаясь, китаец.

Сержант направился в глубь барака, туда, куда указывал пальцем китаец. По обе стороны от него высились доходящие до самого потолка лежанки, на которых лежали погруженные в опийный дурман люди: мужчины и женщины, безразличные к полу того, с кем они спали бок о бок. Внутри барака стоял столь спертый воздух, что от дыма из трубок, медленно витавшего кольцами и удивительными изгибами, напоминавшими полет дракона, можно было улететь ничуть не хуже, чем от курения. Чтобы не упасть в обморок, Годли принужден был зажать нос платком. Пройдя так называемый общий зал, он перешел в другую половину барака, предназначенную для публики побогаче. Здесь можно было встретить аристократов, однако от посторонних взглядов богатых наркоманов скрывали бумажные ширмы, разделяющие эту часть барака на отдельные комнатки. Сержант, зная привычки инспектора, шел мимо ширм, даже не заглядывая за них, пока не остановился напротив той, на которой был изображен золотой петух.

– Сэр Эберлайн, – тихо позвал тактичный сержант, постукивая пальцем по деревянной основе ширмы. – Сэр. Это я. Фрэд, это Годли. Я вхожу.

Сержант осторожно заглянул за ширму и только тогда вошел. Полиция не трогала китайского наркоторговца Мао не только из-за того, что он исправно давал взятки, но еще и потому, что в его барак захаживали сливки английского общества. Вот поэтому-то Годли был столь тактичен.

За ширмой стояла широкая лежанка, на которую был наброшен кусок шелковой ткани. Подле лежанки находился низенький лакированный столик. На столике расположились тускло горевшая керосиновая лампа, длинная трубка, заправленная добавочной порцией опия, и маленький китайский фарфоровый болванчик с мерно качающейся головой: “тик-так, тик-так, тик-так”.

На лежанке лежали три голых тела: два женских и мужское между ними. Истинный наркоман, желавший получить наибольшее удовольствие от потребления опиума, инспектор Эберлайн приказал Мао привести специально содержавшихся китайцем женщин. Китайки были небольшого роста, но полноватые, с округлыми формами. Они, словно по команде, скинули с себя халаты, аккуратно раздели клиента, вытерли его мокрой губкой и легли по обе стороны от Фредерика Эберлайна. Вскоре дрожавший от холода и мокрой губки инспектор был согрет теплыми телами женщин. Он выкурил первую порцию опиума и погрузился в наркотический дурман, ощущая себя младенцем в материнской утробе. Он свернулся калачиком, прижавшись к одной из женщин, вторая же прижалась сзади к нему.

Именно в таком положении и застал его верный сержант Годли, беззастенчиво растормошивший и выгнавший за ширму китаянок.

– Просыпайтесь, инспектор, – громким шепотом потребовал сержант, трясая одурманенного Фредерика Эберлайна. – Пора начинать операцию.

Глаза инспектора, прозванного газетчиками охотником за Потрошителем, медленно открылись, и огромные зрачки, уставившиеся прямо на Годли, стали медленно сокращаться.

– Сэм, – медленно произнес Эберлайн.

* * *

Я пишу свою биографию, прежде всего, для того, чтобы снять всю грязь, которой покрыли газетчики мое доброе имя. Да, я – Джек Потрошитель, но уж никак не масон или секретный агент ее величества, устраняющий последствия блудодейства принца Альберта. Удивительно, как это люди вообще могли вообразить, что подобное дело было бы поручено королевой Викторией столь скромной персоне, как я. Уничтожение последствий похищений королевских детей уже давно передано ее величеством в полное ведение секретной организации, состоящей из настоящих профессионалов и названной шестым министерством или, проще говоря, Ми-6. Мне кажется, что эта организация переживет еще многих монархов, тихо решая их проблемы и скрывая прегрешения.

К тому же хочу отметить, что помощников у меня никогда не было. Я все делал в одиночку. Возможно, в будущем у меня появятся подражатели, почему бы и нет? Вероятно, они будут руководствоваться в своих действиях более глубокими идеями, нежели мои.

Итак, я остановился на том, что родители, рассердившись, отправили меня на следующее после дня рождения утро в колледж. Знаменитое отдельное воспитание! Привилегированный колледж доброго королевства! В нем учились сыновья лучших английских семей! Оксфорд – кузница будущей верхушки нашего общества! Тот, кто не жил в подобной среде, никогда до конца не поймет, о чем я поведу речь, а потому мой сарказм, с которым я пишу о нашем считающемся самым лучшим воспитании, покажется ему неуместным. Однако же, поверьте, при ближайшем рассмотрении все не так здорово, как кажется на первый взгляд.

Едва я переступил порог, как тотчас же столкнулся со своим недавним знакомым. Войдя в здание главного корпуса и оглядываясь по сторонам, я и не заметил, как ко мне уверенной походкой подошел сорванец, еще неделю назад насмеявшийся над моим нарядом. Сын леди Мюррей Джордж пристально оглядел меня и, доев яблоко, дружески хлопнул по плечу:

– Привет, Джек! Как дела?

Он тут же отвлекся, чтобы кинуть огрызок в проходившего мимо мальчика примерно моего возраста, и потому прослушал ответ.

– Паршивый торгаш! Лавочник! А? Что ты сказал? Я из-за этого сына торгаша прослушал. Ладно, давай я помогу тебе.

По дороге в корпус “С”, куда меня определили на проживание, Джордж Мюррей, которого я воспринимал исключительно в алом цвете, быстро просветил меня, рассказав о той жизни, которой мне предстояло жить.

– Все просто. Учеба – это не главное. Тот, кого взяли в колледж, поступит и в университет. Главное – это то, с кем ты водишься и с кем дружишь. Видел того мальчишку, в которого я бросил огрызок? Не водись с ним. И никогда не общайся, как с равным себе. Это очень плохо. И еще. Тут новеньких не очень жалуют, поэтому я возьму над тобой покровительство.

Я благодарно улыбнулся.

– Ты будешь моим слугой, – неожиданно добавил Джордж, подходя к корпусу “С”. – Обращаться ко мне можно только почтительно, с приставкой “сэр”, называя меня полным именем. Ну-ка посмотрим, как ты выучил свой первый урок Обратись ко мне, – дружелюбно приказал сорванец, останавливаясь перед дверью и строго глядя на меня.

– Сэр Джордж Мюррей-младший, – пролепетал я.

– Правильно, молодец. Вот это и называется оксфордское братство, – торжественно изрек Джордж и, довольный собой, удалился, оставив меня перед дверью в общежитие.

Меня поселили в одной комнате с девятью мальчиками моего возраста, младшими учениками. Едва лишь я вошел в комнату, как мальчики окружили меня, разглядывая и расспрашивая, кто я и откуда? Наконец, признав во мне человека своего круга, они позволили мне расположиться на свободной кровати.

И вот потянулись бесконечные, похожие один на другой серые дни учебы. Не буду никого утруждать описанием занятий и предметов, которые я, если быть откровенным, не совсем прилежно изучал в колледже. Расскажу лучше о том, что происходило в колледже помимо уроков.

Но сначала о порядках, царящих в закрытом учебном заведении, лучшем, по мнению многих. Я стал самым настоящим слугой сэра Джорджа Мюррея-младшего. Впрочем, как и почти все младшие ученики, прислуживавшие старшеклассникам, звавшим нас словом “бой”. Лишь один мальчик, сын герцога Кларентийского, никому не прислуживал, правда, он принужден был регулярно откупаться от этого постыдного занятия деньгами и гостинцами, посылаемыми ему богатыми родителями. Все это перепало старшим, без зазрения совести обиравшим будущего принца.

Так вот, я с первого же дня стал боем недавнего гостя на дне рождения. И слава богу, так как если бы я не стал сразу чьим-либо слугой, то тогда сначала должен был пройти обряд инициации. Уже само слово “инициация” мне совершенно не нравилось, а после того, как ученики, прошедшие обряд, поделились со мной своими впечатлениями, я посчитал себя вправе быть благодарным моему

хозяину.

В мои обязанности входило убирать постель Джорджа, чистить его одежду, мыть и начищать сапоги, стирать белье, а также следить, чтобы у хозяина были всегда отточены перья и в чернильнице водились невысохшие чернила. Так как ученики не должны иметь слуг, то приспособить под выполнение грязной работы младших было весьма остроумно.

За выполнение обязанностей боя я имел множество привилегий. Меня никто не имел права обижать, и лишь хозяин мог наказать, исключая, правда, преподавателей колледжа. Кроме того, я мог в дальнейшем, перейдя в старшие классы, претендовать во вступление в члены Оксфордского клуба.

– Состоять в нашем клубе – это на всю жизнь, – как смог, объяснил мне однажды Джордж прелести такого членства, пока я стаскивал с него сапоги. – Только настоящий джентльмен может быть допущен в клуб.

Конечно, мне было неприятно и даже противно делать за кого-то грязную работу, как и многим другим моим сверстникам, однако был среди нас настоящий изгой, с которым даже самый забитый хозяином бой не захотел бы поменяться местами. Это был тот самый мальчик, в которого Джордж бросил огрызок яблока и с которым он строго-настрого запретил общаться, как с равным себе. Дело в том, что отец мальчика, в прошлом галантерейщик, сделал себе состояние на торговле, став по прихоти старого короля Георга главным поставщиком сначала королевского двора, а затем и армии. Это были так называемые новые деньги. Новые деньги более всего на свете желали, чтобы их единственное чадо стало настоящим джентльменом и выросло среди старых денег, то есть училось в Оксфорде среди потомков знатных английских фамилий. И конечно же галантерейщику даже в голову не пришло спросить Гумбольдта, а именно так звали несчастного, хочется ли тому терпеть ежедневные унижения и насмешки.

Мне поначалу не казалось таким уж недостойным, что рядом со мной учится потомок торговца-лавочника, и лишь запрет сэра Джорджа Мюррея-младшего удерживал от общения с мальчиком, ставшим к концу учебного года самым настоящим изгоем. Но постепенно я тоже вошел во вкус и, проходя по узким коридорам учебных корпусов и столкнувшись случайно с тем, чье имя, как мне казалось, источало плебейский дух, не забывал толкнуть его или бросить грубую насмешку. Это была не злость, нет, это было желание быть как все, что свойственно всем мальчикам моего возраста. Я хотел быть членом сообщества и радоваться, что я не изгой. Только член общества, равный другим, может, скрывая свои истинные стремления и желания и подстраиваясь под общество, жить спокойно, не боясь быть осмеянным. Лишь сейчас, спустя много лет, я понимаю это.

Во время каникул за мной, как и за многими мальчиками, присылали коляску, и кучер вез меня в родное поместье. В первый же приезд я обнаружил, что к моему возвращению, оказывается, готовились. Едва лишь коляска выехала из аллеи, которая вела к усадьбе, и остановилась перед широко распахнутыми входными дверями, как из дома один за другим чинно вышли слуги во главе с мажордомом. Все они приветствовали своего маленького хозяина, коим я являлся в родном доме. Подобное отношение к человеку, девять месяцев стиравшему чужое белье, было столь приятно, что я чуть было не расплакался на крыльце. Как потом выяснилось, на таком торжественном приеме настоял сэр Джейкоб, который на мой вопрос, зачем это было сделано, просто сказал, что он тоже учился в Оксфорде и тамошние порядки, несмотря на старческие мозги, еще помнит.

Едва лишь я вышел из коляски, как в дверях показался отец. Строгий и чопорный, он коротко ответил на мой поклон и сказал, не забыв свое любимое “ну”:

– Ну, с возвращением. Видишь, какой праздник мы устроили в твою честь. Надеюсь, ты не зря провел в колледже этот год.

И тут же, не дав мне даже зайти в дом, Чарльз начал засыпать меня вопросами. Я стоял перед ним в дорожной одежде, пыльный и голодный, принужденный вместо родительской ласки наслаждаться многочисленными вопросами отца.

Мне на помощь пришел дедуля. Он выехал навстречу, громко понукая неторопливого Симпсона, и грозно сказал отцу:

– Чарли, мой мальчик, зачем ты держишь Джека перед дверью? Не видишь, он устал с дороги и хочет есть? Оставь парня в покое.

– Да, папа, – только и сказал Чарльз, пропуская меня.

Есть такая примета: как дело начнешь, так оно и пойдет. Нехорошо так говорить, но в родном доме мне казалось в то лето хуже, чем в Оксфорде. Было скучно, уныло и однообразно. Каждый следующий день протекал, как предыдущий. Поэтому я был даже рад окончанию каникул. Лишь прогулки с дедулей немного скрашивали пребывание в родном доме. Однажды мы гуляли по берегу пролива, и старикан, вместо своих обычных воспоминаний о прошлых днях, повел разговор совсем в другое русло. Причиной тому было увиденное нами. На обрывистом берегу селились колонии чаек. Эти крикливые птицы стайками носились над морем и часами покачивались на волнах, а их гнезда с яйцами безо всякого присмотра оказывались чуть ли не под самыми ногами путников. Сидя в коляске и рассуждая сиплым голосом о том, как все изменилось, сэр Джейкоб внезапно вскрикнул и указал мне скрюченным старческим пальцем на маленькую черную точку, кружащую высоко в небе. Точка опускалась и опускалась, описывая над колонией чаек большие круги, пока не оказалась орлом.

Хищник охотился за птенцами, которые только-только стали вылупляться из яиц. Чайки, как и мы, заметив орла, чрезвычайно исполошились, стали носиться по небу, пронзительно крича, но ни одна из них так и не решилась напасть на хищника. Тот же неторопливо опустился как можно ближе к земле, выбрал себе жертву, схватил маленькое незащитное пушистое тельце острыми когтями и умчался прочь. Я перевел дух от неожиданно разыгравшейся передо мной драмы.

– Вот так, сынок, – просипел старикан. – Такое происходит в природе сплошь и рядом. Кто-то поедает кого-то.

Я заметил, что это только дикая природа, а человек тем и отличается от зверей, что не допускает подобного.

– Послушай, что я тебе скажу, – наставительным тоном заявил дед. – Такое происходит сплошь и рядом. Это природа, и человек – дитя природы, что бы там ни говорили твои преподаватели. Поэтому он поступает с себе подобными точно так же.

– Как поступает? – не понял я.

– Пожирает их, – сказал сэр Джейкоб. – И никто этому не удивляется и не ужасается. И знаешь, что самое главное в жизни?

– Что?

Я затаил дыхание, ожидая услышать главный секрет жизни.

– Самое главное – выбрать, кто ты в этом жестоком мире: хищник или жертва, – объявил старикан. – Конечно, лучше быть хищником, нежели жертвой. Лучше самому нападать, нападать первым, чем ожидать нападения другого.

Слова, сказанные дедом, настолько затронули мое сердце, что всю оставшуюся часть прогулки я не слышал, о чем говорил сэр Джейкоб, отвечая ему невпопад и часто запинаясь о придорожные камни.

“Лучше быть хищником, нежели жертвой. Лучше нападать самому, нежели ожидать нападения”, – повторял я.

Следующие два года проходят в моей памяти как чередование нудной учебы и домашней тоски. Думаю, многие согласятся со мной, что тогдашние переживания и волнения подростков кажутся нам, нынешним взрослым, такими мелкими и глупыми, что не стоит на них обращать внимания. Поэтому я пролистываю страницу тех лет моей жизни и обращаюсь к последнему году учебы в колледже, ставшему самым ярким и насыщенным.

Это был незабываемый год. Думаю, в этом году я начал формироваться в ту личность, коей сейчас являюсь. Будучи старшеклассником, я получил все привилегии, что ранее вызывали у меня зависть к Джорджу Мюррену-младшему, которого я стал теперь называть не хозяин, а Джимбо. Теперь у меня был свой собственный бой, стиравший мое белье и убиравший постель. Малыш Саймон старался вовсю, боясь не столько моих увесистых оплеух, все равно получаемых, сколько презрения, которым каждый учащийся одаривал изгнанного хозяином боя.

Кроме удовольствия переложить всю черную работу на другого я вошел в команду колледжа по регби, игравшую с университетской командой. Спорт целиком захватил меня. Частенько, стоя нагишом перед зеркалом, я с удивлением наблюдал за происходившими переменами с моим когда-то щуплым и хилым телом, которое от частых спортивных упражнений теперь наливалось мышцами и становилось по-мужски красивым. Застукавший меня однажды за этим занятием Малыш Саймон, внезапно вошедший в комнату, хихикая, признался, что сам частенько любит на меня, за что тут же получил увесистый пинок. Но при этом я нисколько не был зол на него. Надо вам сказать, что в Оксфорде, особенно среди студентов, считалось вполне приличным восторгаться красотой друг друга. Некоторые студенты, как мне рассказывал Джимбо, даже состояли в однополый связи.

– Слово лорд Байрон! – восторженно восклицал он. – Это великолепно! И очень аристократично!

Я был полностью с ним согласен, хотя сам даже представить себе не мог подобное.

Еще я был принят в Малый оксфордский клуб. Это был клуб колледжа, у университета имелся свой, так называемый Большой оксфордский клуб, куда входили все те, кто ранее состоял в Малом клубе. И самым волнующим событием в тот последний учебный год было переизбрание председателя клуба, которым ранее был Джимбо. Конечно, мой бывший хозяин надеялся, что новым председателем буду я, и обещал, что непременно будет рекомендовать попечительскому совету клуба мою кандидатуру, но я все равно ужасно волновался. Шутка ли, если меня выберут новым председателем, то в дальнейшем я могу рассчитывать занять одну из двух самых уважаемых в Оксфордском университете должностей: председателя Большого клуба или капитана сборной по регби.

* * *

Помещение, в котором проходили заседания членов Малого оксфордского клуба, было непрезентабельным. Сначала заседания проходили в одной из аудиторий, но с тех пор как председателем стал Джимбо, клуб переселился в большой сарай, стоявший при домике

кладбищенского сторожа прямо у входа на местное кладбище, называемое среди студентов “Ученым погостом”. Джимбо объяснил свой выбор просто:

– Во-первых, здесь можно курить, не таясь преподавателей и лекторов. Во-вторых, в сарае намного больше места, чем в аудитории. И, в-третьих, это же здорово – собираться у кладбища!

Все, в том числе и попечительский совет, принуждены были согласиться с председателем. Мы действительно больше не таились, постоянно вздрагивая от шагов проходившего мимо преподавателя, который мог бы запросто застукать нас с сигарами и элем и в лучшем случае только наказать, оставив без законных выходных и засадив в библиотечном зале за штудирование тома с латинскими изречениями. Зато уж и тряслись поджилки у членов клуба, когда, засидевшись до темноты, мы возвращались в корпус ночной дорогой, проходя мимо ограды, за которой виднелись очертания “Ученого погоста”.

В общем, по единодушному мнению членов Малого оксфордского клуба, Джимбо выбрал очень удачное место для регулярных собраний. Как я уже упоминал, в том году сэра Джордж Мюррей-младший перешел в университет, поэтому попечительский совет клуба должен был снять с него председательские полномочия и назначить нового лидера. Хотя Джимбо и обещал мне, что предложит мою кандидатуру на освободившуюся должность, но я все равно чрезвычайно тревожился, что кто-нибудь еще захочет выдвинуться. Эта мысль настолько не давала мне покоя, что я даже лишился сна. И вот однажды, ворочаясь с боку на бок в своей постели и не желая засыпать, я неожиданно придумал, каким образом заполучить должность. Надо вам сказать, что ее соль заключалась в том, что еще Джимбо ввел моду на клубные развлечения. Он ежемесячно устраивал увлекательные мероприятия, вроде крысиных бегов, петушиных боев и ночного бдения на кладбище в ночь на Хеллоуин. И где он только доставал бойцовских петушков?

Не дожидаясь утра, я отправился в спальню Джорджа и разбудил его.

– Джек, какого черта! – воскликнул он спросонья. – Сосед может подумать, что у нас роман.

Я покосился на мирно храпящего нового соседа сэра Джорджа Мюррея-младшего, к которому он переселился, перейдя в университет.

– Бог с ним. Джимбо, послушай, что я придумал по поводу переизбрания.

Тут я вкратце рассказал приятелю, что мне пришло в голову. Джордж помолчал, подумал и лишь спросил:

– А ты уверен, что нам это сойдет с рук?

– Думаю, да. К тому же мы имеем на это полное право, – уверенно сказал я.

Видя, что Джимбо продолжает сомневаться в безопасности затеи, я добавил:

– К тому же это будет развлечение.

Последний довод убедил любителя позабавиться, и он дал согласие на рискованное мероприятие.

На следующей неделе состоялось ежегодное собрание членов Малого Оксфордского клуба. Стоял конец октября, поэтому к восьми часам вечера, когда наметилось открытие собрания клуба, было совсем темно. Собрание проходило, как всегда, на “Ученом погосте”. Толстые восковые свечи, заранее закупленные Малышом Саймоном в огромном количестве, ярко освещали ветхий сарай.

Председательствовал сэра Джордж Мюррей-младший. Когда все члены клуба, а их пришло не менее пятидесяти человек, удобно разместились на расставленных у стен сарая лавках, Джимбо встал, подошел к импровизированной трибуне, сделанной из перевернутой вверх дном большой бочки, и объявил:

– Джентльмены! Прошу внимания. Как вы уже знаете, я, ваш председатель, более не могу исполнять свои обязанности в этом клубе по причинам, от меня не зависящим. Поэтому я объявляю о снятии с себя полномочий председателя.

Ученики зааплодировали и даже засвистели, выражая свою любовь и уважение уходящему председателю. Пламя свечей заплясало и запрыгало, повторившись на стенах сарая причудливыми тенями.

Джимбо чрезвычайно почтительно поклонился и продолжил:

– Я бы хотел перед уходом рекомендовать вам кандидатуру нового председателя. Я знаю его не первый год. Это истинный джентльмен и блестящий аристократ. Конечно, решать, кто будет новым председателем клуба, должен попечительский совет, выбранный вами, уважаемые члены Малого оксфордского клуба, однако же я беру на себя смелость предложить вам моего друга Джека. – Тут Джимбо указал на меня.

В ответ раздались слабые аплодисменты. Меня мало кто знал. В то время я не пользовался таким уважением и авторитетом, коего достиг, штурмуя науки в университете. Однако мое восхождение на вершину иерархической лестницы Оксфорда началось именно в ветхом сарае, где изо всех щелей тянуло холодом.

– Джентльмены, – сказал, вставая со скамьи, что находилась ближе всех к импровизированной трибуне, невысокий подросток, мой одноклассник, состоявший в попечительском совете клуба. Его звали Руфус, и он был сыном декана филологического факультета Оксфорда. Едва лишь Руфус встал со своего места, я уже наперед знал все, что он скажет, а потому не очень волновался, ведь не зря же я

разбудил Джимбо, когда мне в голову пришла замечательная идея. – Джентльмены, прошу внимания. Я прошу простить меня сэра Джека, но думаю, что нам необходимо выбрать нового председателя клуба из числа членов попечительского совета. Поэтому я предлагаю свою кандидатуру.

И тотчас мнение всех пятидесяти членов клуба разделилось. Половина считала, что бывший председатель Джордж плохую кандидатуру не предложит, а вторая половина настаивала на избрании более опытного в делах кандидата, нежели я.

Мы с Джимбо со спокойными минами на лице внимали доводам обеих сторон, и, лишь когда шум затих сам собой, бывший председатель встал у перевернутой бочки и сказал:

– Джентльмены! Прошу внимания! Я не хочу обидеть уважаемого сэра Руфуса и тем более не хочу оставить без внимания своего кандидата, сэра Джека. Поэтому я предлагаю устроить соревнование между ними. Тот, кто выиграет, станет новым председателем Малого оксфордского клуба.

Все разом загалдели, так как идея с соревнованием пришлась всем по вкусу. Неожиданно радостные возгласы перекрыл взволнованный голос моего соперника:

– Это нечестно! Все вы знаете, что я не дружен со спортом, в отличие от Джека.

– Это верно, – ухмыльнулся Джимбо. – Поэтому соревнование не будет спортивным.

Члены клуба пришли в чрезвычайное волнение, тем более что сэр Джордж Мюррей-младший добавил к сказанному, что о форме соревнования и дате его проведения будет объявлено особо, но пускай никто не беспокоится, все члены клуба будут осведомлены заранее.

Довольные, все разошлись по корпусам, лишь Руфус остался сидеть на своей скамье напротив нас с Джимбо.

– Что вы затеяли? – подозрительно спросил он, беспокойно переводя взгляд своих блеклых не то синих, не то серых глаз с меня на Джорджа и обратно.

– О, не стоит волноваться, Руфус, – беспечно воскликнул Джимбо, вставая и дружески хлопая сына декана по плечу.

Мы вышли из сарая втроем. Джимбо аккуратно запер дверь на замок, сунул ключ в карман, и мы пешком направились в студенческий городок. Проходя мимо ограды, я неожиданно предложил:

– А почему бы нам не срезать путь и, вместо того чтобы обходить кладбище, не пересечь его напрямую? Что скажете?

– Отличная идея, – тотчас подхватил Джимбо. – Ты как, Руфус?

Мы в упор смотрели на щуплого невысокого подростка, чей отец был книжным червем и в семье которого царил столь демократический порядок, что Руфус позволял себе иногда возвращаться домой пьяным, зная, что ему за это ничего не будет. Поговаривали даже, что его мать, миссис Стилл, была настолько добра к студентам, что дарила многим из них отнюдь не материнские ласки. Но это были только слухи, никто не мог сказать, что именно он переспал с миссис Стилл.

– Я? – переспросил Руфус. – Да, я не против.

И хотя мой конкурент за председательское место предполагал, что в нашем предложении есть подвох, он не испугался и первым перелез через невысокую кладбищенскую ограду.

Время было выбрано самое что ни на есть удачное. Только-только взошла полная луна, освещавшая своим мертвенно-бледным светом старые могильные плиты. Мы молча шагали по боковой аллее и уже дошли до середины кладбища, когда я неожиданно остановился. Джордж тотчас последовал моему примеру. Руфус, некоторое время не замечавший нашего поведения, продолжал шагать, но затем, заметив, что он идет по кладбищу один, встал и повернулся к нам.

– Что? – спросил он, и в его голосе я явственно услышал испуганные нотки.

Мы молчали, разглядывая подростка.

– Ну, что? – с трудом скрывая страх, спросил нас Руфус.

– А то, что не стоит тебе выдвигать свою кандидатуру на должность председателя, – тихо сказал я.

– Надеюсь, ты понял наш намек? – спросил Джимбо.

– Это не по-джентльменски, – заявил Руфус. – Это запугивание. Я не собираюсь снимать свою кандидатуру, несмотря на давление.

– Неправда, это не запугивание, – возмутился Джимбо. Он подошел к Руфусу, дрожавшему не то от ночной прохлады, не то от страха. – Мы только предупреждаем. Как друзья предупреждают друга.

Руфус с гордым видом повернулся и пошел дальше, оставив нас с носом.

Сын декана филологического факультета университета держался молодцом. Хоть он и был напуган, однако виду не подал и настоял на своем. К сожалению, такое достойное поведение Руфуса не входило в мои планы, но я не зря упражнялся в игре в шахматы, а потому продумал дальнейшие действия.

* * *

– И что же нам теперь делать? – лениво спросил меня Джимбо, полулежа в кресле-качалке и

раскуривая сигару.

Я тоже держал в руке сигару, тщательно обрезаю кончик перочинным ножом. Эти сигары мой приятель стащил в прошлые каникулы у отца из кабинета и теперь держал в специальном ящике, выкуривая в день ровно одну. Сигары были превосходны, и лишь немногие и только по особым поводам удостоивались чести их отведать. Джимбо прямо-таки трясся над ними, как курица над яйцами. Сейчас как раз был тот случай, когда гость удостоивался чести раскурить с ним сигару. Мой приятель хоть и возлежал в ленивой позе, пуская клубы дыма в потолок, однако же волновался, удастся ли мне стать новым председателем Малого оксфордского клуба. Дело в том, что, оказывается, юный Руфус, едва лишь возвратился с ночной прогулки по кладбищу, происшедшей после достопамятного ежегодного собрания клуба, тотчас же раззвонил о предложенном соревновании и условиях, при которых оно будет проводиться. На следующий день к Джорджу подошли старшие студенты, члены Большого оксфордского клуба, и объявили, что они крайне заинтересованы в честном и справедливом выборе нового председателя Малого клуба, а стало быть, карьера новоиспеченного члена Клуба юных джентльменов, так еще именовался Большой оксфордский клуб, сэра Джорджа Мюррея-младшего, зависит от соревнования. Теперь Джимбо уже не был столь снисходителен в отношении меня, а ждал, пока я расскажу ему дальнейший план. Это приятно, черт возьми, когда человек, которому ты всего два года назад стаскивал сапоги с ног, теперь внимает тебе, называя при этом лучшим другом.

– Готовить соревнование, – непринужденным тоном сказал я. – Соревнование будет в духе нашего дорогого Руфуса. Ты играл когда-нибудь в “виселицу”?

Напускное спокойствие как рукой сняло с Джорджа.

– В “виселицу”? – переспросил он, рывком вскакивая с кресла. – Нет. А что, это и есть твое соревнование?

– Да, но только условия будут несколько иными, – сказал я.

Мой план был прост и одновременно достоин самой высокой оценки: главным в нем было победить зазнайку Руфуса именно на его поле, где он считает себя непобедимым. Ведь, по сути дела, “виселица”, игра в слова и буквы, – это самое что ни на есть филологическое развлечение. Победить же сына декана можно было, лишь выведя его из равновесия, взволновав и испугав настолько, чтобы он не смог продолжать борьбу. Так, и только так, поступает настоящий хищник, которым я себя считал и к классу которых причисляю себя и сейчас. Мои зубы остры, взгляд ясен, ум холоден, кровь горяча, и я жажду острых ощущений. Даже сейчас, когда прошло так много лет, я не могу без удовольствия и внутреннего волнения вспоминать, какое огромное удовольствие получил от соревнования.

На следующее утро я приступил к исполнению своего плана. Для этого мне потребовались вся хитрость и тот небольшой запас жизненного опыта, который у меня имелся. Нужно было все сделать так, чтобы меня ни в чем не заподозрили. Джимбо вызвался мне помогать. Удивительно, но он стал совсем ручным и во всем слушался меня. Вот что значит, как говорил дедуля, который даже в инвалидной коляске руководил иной раз Чарльзом, сила личности.

Я выехал в наемном кебе из студенческого городка и отправился в дальний район Оксфорда, где располагались лавки со строительным товаром и различными инструментами. Подъехав к какому-то грязному кабаку с непрезентабельным названием “Жирный кабан”, стоявшему как раз напротив инструментальной лавки, я отпустил кеб, подождал в кабаке, пока он не скроется за поворотом, и только тогда пересек улицу и вошел в лавчонку. Лишь только звонок, висевший над входом, пронзительно разрезвонил о появлении покупателя, выскочил тип с маслеными от готовности услужить глазками и поинтересовался, что угодно джентльмену?

В это же самое время Джордж отправился за город, где, как кто-то ему подсказал, жил одинокий столяр. Столяр оказался спившимся стариком. Он не стал задавать лишних вопросов волновавшемуся Джимбо, когда тот показал рисунок, наспех набросанный мною левой рукой на листе некачественной бумаги, и пообещал за неделю все изготовить. Столяр только потребовал задаток, в чем Джимбо не счел нужным ему отказывать.

– Не беспокойтесь, сэр, все будет готово в лучшем виде, – заверил столяр, пряча трясущимися руками деньги в карман застиранных штанов.

“Виселицей” называется игра в слова, отгадывание закодированного слова, но не шарада. В “виселице” имеется сложное слово, которое игроку необходимо отгадать, называя букву за буквой. В случае, если отгадывающий, а таковых может быть и двое, называет неправильную букву, палач рисует сначала столб, затем перекладину, потом веревку с петлей и, наконец, человечка с головой в петле. Последний штрих к рисунку виселицы означает повешенного или смерть, свидетельствующую, что игра проиграна. Думаю, Руфус не откажется от филологического и умозрительного соревнования. Не откажется до самого последнего момента.

Итак, с помощью сэра Джорджа Мюррея-младшего, который из хозяина постепенно превратился в нечто вроде доверенного слуги, несомненно, старшего над Малышом Саймоном, но также подчиненного мне, я провел всю подготовительную работу для проведения честного соревнования. Как только столяр выполнил заказ, Джордж тотчас отправился к Руфусу и объявил

ему, что в качестве соревнования или, если будет угодно, формы дуэли между двумя кандидатами избрана общеизвестная игра под названием “Виселица”. Руфус, услышав название игры, в которую ему предстоит сразиться со мной, ужасно обрадовался.

– Ты бы видел, как загорелись его глаза, – сообщил Джимбо.

Полагаю, сын декана филологического факультета уже видел себя в роли нового председателя клуба.

И вот настал долгожданный день. Все члены клуба с таким нетерпением ожидали предстоящий поединок, что даже начали делать на нас с Руфусом ставки. Как я позднее узнал, ставки шли один к трем против меня. Если бы я не был настоящим джентльменом, то непременно поставил бы против Руфуса, так как заранее знал о его неизбежном поражении, столь же ясном для меня, насколько опытный охотник может отличить в лесу хищника от его жертвы.

* * *

Ровно в восемь вечера Малыш Саймон, посвященный мной в план, торжественно раскрыл перед членами клуба, нетерпеливо ожидавшими на улице, дверь сарая, именуемого “Ученый погост”. Ученики гуськом прошли внутрь, рассаживаясь по местам, удивленно озираясь и не веря своим глазам. Всего за неделю я и мои помощники настолько преобразили внутреннее убранство “Ученого погоста”, ранее убогого, что его просто невозможно было узнать. Множество хороших восковых свечей, ярко горевших, освещали сарай, стены которого были завешены плотной тканью, складками спадавшей на новый дощатый пол. Догадывались ли члены клуба, сколько усилий нам потребовалось, чтобы сделать подобное безо всяких помощников собственными руками? Вряд ли. Они даже не предполагали, с какими предосторожностями мы доставали все необходимое, чтобы в случае непредвиденной ситуации нас никто не смог заподозрить.

В дальнем углу, там, где ранее стояла перевернутая бочка, служившая председателю клуба трибуной, теперь возвышалась ширма, около которой стоял суровый Джимбо, никому не давая возможности близко подойти и, заглянув, увидеть, что там скрывается. Но главное, к чему обязательно обращались удивленные взоры членов Малого оксфордского клуба, было странное сооружение, высившееся посреди сарая и накрытое белоснежной простыней.

Сэр Джордж Мюррей-младший вышел к удивленным членам клуба и поприветствовал их. Затем он напомнил о причине, по которой все собрались сегодня в “Ученом погосте”. Указав на меня и на Руфуса, сидевших на значительном расстоянии друг от друга и от остальных членов клуба, председатель изрек:

– Мы давно уже ждали день, когда, наконец, определится, кто же станет новым председателем Малого оксфордского клуба. Так как у нас две кандидатуры на пост, то на прошлом собрании мы решили провести состязание или, скорее, конкурс. С согласия обоих кандидатов в качестве конкурса была избрана популярная игра под названием “Виселица”.

По сараю прошел легкий шепот изумления. Никто и предположить не мог, что я соглашусь соревноваться с Руфусом в столь простой для него игре. Членам клуба казалось, что в последний момент я откажусь и предложу спортивное состязание.

Меж тем, продолжая, Джордж вкратце пересказал правила игры, отметив в конце, что слово будет состоять из пяти букв. Услышав последнее замечание, Руфус громко хмыкнул и даже хлопнул себя по лбу, в общем, повел себя так, будто только что догадался, в чем с моей стороны состоит подвох.

– Ну, конечно, ведь это же наш почтенный председатель готовил состязание и вполне мог заранее сообщить своему кандидату задуманное слово!

Председатель с негодованием воззрился на него:

– Я попрошу вас, сэр, вести себя как истинный джентльмен и не перебивать меня, пока я не закончил оглашение правил. Так вот, сейчас оба кандидата совместно выберут из попечительского совета клуба кого-нибудь, кому они оба доверяют, и этот джентльмен скажет мне слово, которое предстоит отгадать.

Я победно посмотрел на явно стушевавшегося Руфуса, пробормотавшего себе под нос, что он только лишь предположил, и ничего более. Да, мой конкурент был весьма озадачен тем, что его шаги были легко просчитаны. Мы сообща выбрали одного из представителей попечительского совета клуба и тот, надувшись от важности и гордости, что ему доверяют более других, подошел к Джорджу и прошептал ему на ухо выбранное слово.

– Прекрасно! – воскликнул Джимбо. – У нас есть слово.

Тут он кивнул стоявшему подле ширмы Малышу Саймону. Тот отодвинул ширму, за которой оказалась грифельная доска с ровно начертанными мелом пятью квадратами, в которые мы должны будем внести слово.

– И последнее! – подражая балаганному зазывале, воскликнул сэр Джордж Мюррей-младший. – Игра не была бы игрой, если бы в ней не присутствовала виселица.

И, подойдя к возвышавшемуся посреди сарая, накрытому белоснежной простыней предмету, он

эффектным движением откинул ткань. Члены клуба ахнули, широко разинув рты и во все глаза глядя на открывшуюся их взору настоящую виселицу. Невысокая, она тем не менее грозно возвышалась на помосте, составленном из трех ступеней. Крепкая веревка с петлей зловеще раскачивалась в воздухе. Прямо под петлей стоял маленький трехногий табурет.

– Джентльмены! – громко сказал председатель клуба. – Вот наше дополнение к общеизвестной игре. Тот, Кто первым дойдет до конца, обязан будет просунуть голову в петлю. Если он не угадает букву или слово, то... – Тут Джимбо драматично развел руками.

Приятно было в этот момент наблюдать за Руфусом. Мой соперник еле сдерживался, чтобы не выбежать вон из сарая. Его мимика говорила, что если к его лицу сейчас поднести петлю, он непременно разревется: губы нервно подергивались, глаза часто моргали, брови то сходились над переносицей, то устремлялись в разные стороны.

– Ну, начнем, пожалуй, – потирая руки, радостно сообщил Джордж, чрезвычайно довольный произведенным эффектом.

– Да, но... – пролепетал несчастный Руфус.

– Что? – тотчас подскочил к нему председатель. – Ты снимаешь свою кандидатуру? Маленький Руфус испугался?

Сын декана и блудницы оказался крепче, чем я предполагал. Он, с трудом сдерживая себя, выдержал испытующий взгляд Джорджа, затем перевел его на меня. Я прямо-таки упивался страхом, сквозившим в этом взгляде. В “Ученом погосте” повисла мертвая тишина.

– Нет, – тихо сказал Руфус. – Начнем состязание.

Джимбо подмигнул мне и достал из кармана заранее припасенную монету в одну гинею.

– Если выпадет орел – начинает Руфус. Если решка – Джек, – объявил он, высоко подбрасывая монету и ловя ее на лету.

Я и Руфус одновременно подскочили к председателю и посмотрели в его ладонь.

– Поздравляю, Руфус, – сказал сэр Джордж Мюррей-младший. – Тебе начинать.

На самом деле гинея была волшебной, доставшейся Джимбо по наследству от его непутевого отца, страстного игрока во всяческие игры. У нее на обеих сторонах был выгравирован профиль королевы. Для чего это нам было нужно, спросите вы? Это же так просто. Тот, кто начинает игру, имеет вдвое больше шансов первым оказаться у петли. К тому же букв было нечетное количество, что также увеличивало шансы моего соперника просунуть голову в веревку. Я был уверен, что, увидев перед собой зловещее окончание виселицы, Руфус окончательно струхнет и снимет свою кандидатуру. Таков был мой план, но ему не суждено было исполниться. Все получилось намного лучше.

Мы встали у подножия виселицы, Джимбо, словно палач, широко расставив ноги, возвышался над нами, элегантно держась за петлю, а Малыш Саймон устроился с мелом в руке у грифельной доски, готовый записывать на ней названные игроками неутраченные буквы или вписывать угаданные в расчерченные квадраты загаданного слова. Игра началась.

Руфус был настолько взволнован видом виселицы, что сглупил и назвал весьма редко встречающуюся в английском языке букву “Q”.

– Нет! – торжественным тоном объявил Джордж, сверкая глазами. – Такой буквы в этом слове нет.

Руфус принужден был подняться на одну ступеньку вверх.

Я начал с гласных. “А” была в загаданном слове. Малыш Саймон, которому Джимбо успел сообщить слово, аккуратно вписал “А” в начале.

Руфус поднялся еще на одну ступеньку, а я продолжил ход:

– О.

– Такой буквы в этом слове нет, – сказал председатель клуба.

Я встал позади дрожащего Руфуса. Так мы постепенно продолжали игру, шаг за шагом продвигаясь к петле. И я всегда, как и планировал, оказывался на один шаг позади сына декана. Вот, наконец, на грифельной доске появилась следующая надпись:

Члены клуба, затаив дыхание, следили за состязанием, обещавшим быть шуточным, но постепенно переросшим в самый настоящий поединок, весьма опасный, если учитывать тот факт, что виселица была настоящая. Подростковый возраст – самый жестокий возраст в человеческой жизни. Мои соучастники с таким злорадством наблюдали за нами, что порой мне казалось, будто не я придумал это состязание, а они себе на забаву.

После того как я назвал неправильную букву, ход перешел к Руфусу. Мой соперник, поведя ладонью по мокрому от пота лбу, медленно произнес:

– Буква G.

– Есть такая буква, – несколько тревожным тоном сказал Джимбо и, мельком бросив взгляд в мою сторону, кивнул Малышу Саймону. Тот вывел мелом следом за “N”

букву “G” и тоже тревожно посмотрел на меня. Я встал рядом с Руфусом прямо перед петлей. Со спины мне было не видно, но сейчас я заметил, что Руфус прямо-таки не сводил глаз с медленно

раскачивающейся петли.

– Итак, достопочтенный Руфус, ты назовешь нам букву? – спросил Джимбо.

– Да. Это буква L, – сказал кандидат на место председателя клуба, часто моргая глазами.

Джимбо с шумом перевел дыхание.

– Нет. Такой буквы здесь нет! – громко объявил он.

Члены клуба зашумели, разом поворачивая головы к доверенному лицу из числа попечительского совета, загадавшему слово и теперь сидевшему на отдельной лавке, дабы исключить подсказки. Руфус тоже с надеждой посмотрел на доверенное лицо. Тот отрицательно покачал головой. Такой буквы в этом слове действительно не было.

Наступил решающий момент. Джордж, пританцовывая от возбуждения, подошел к несчастному сопернику и стал надевать ему на голову петлю. Я ожидал, когда же нервы Руфуса не выдержат и он откажется от дальнейшей борьбы, что и подсказывали со своих мест те немногие члены клуба, у кого осталась толика здравого смысла, однако ничего подобного не произошло. Руфус позволил надеть на себя петлю. Джимбо потуже затянул узел на шее и отошел на свое место, поглядев на меня и удивленно пожав плечами.

Наступила полная тишина. Лишь свечи изредка щелкали, догорая. Руфус возвышался на виселице, стоя с петлей на шее, бледный, как мел в руках Малыша Саймона. Он мелко дрожал, балансируя на непрочном трехногом табурете, и сильно потел. Капли пота стекали по лицу Руфуса, образуя блестящие дорожки.

Я же внимательно смотрел на грифельную доску. Ведь если я не догадаюсь, что за слово задумано, то мне придется поменяться местами с соперником и самому надевать эту дурацкую петлю. И вдруг я догадался! Внезапная мысль тут же вызвала неожиданную эрекцию. Видимо, виной тому был вид приготовленного к повешению соперника.

– Я знаю, что это за слово! – громко произнес я. – Это слово ANGER (гнев)!

– Правильно! – воскликнул сэр Джордж Мюррей-младший. – Ты выиграл!

И тут случилось неожиданное. От его крика стоявший на непрочном табурете Руфус, который едва держался на ногах, сильно качнулся в сторону. Табурет зашатался и накренился. С трудом удерживая кончиками носков табурет в вертикальном положении, несчастный, выпучив глаза и схватившись руками за петлю, сильно сдавившую шею, захрипел:

– Снимите меня. Я проиграл. Я согласен.

Табурет закачался, все сильнее вихляясь в разные стороны, и вдруг со стуком рухнул на пол. Неумело сделанная петля, а также тщедушный вес повешенного не позволил виселице сломать шейные позвонки сыну декана, поэтому он не умер сразу, но петля продолжала душить несчастного. Выпучив глаза и пытаясь найти пальцами свободное пространство между шеей и веревкой, Руфус забился в агонии, хрипя и плюясь пеной.

Все произошло так быстро, что никто не успел ничего сообразить. Первым опомнился Джимбо. Он подскочил к болтающемуся Руфусу, выхватил из кармана складной ножик и принялся перерезать веревку. Но веревка оказалась хорошей, сплетенной из множества волокон первосортной пеньки, и с трудом поддавалась ножу. Остальные члены клуба столпились внизу и смотрели, ничем не пытаясь помочь несчастному. В их глазах читался смертный приговор.

– Оставь его, – неожиданно даже для самого себя властным тоном приказал я Джимбо. – Пусть умирает. Если ты его спасешь, то он же тебя и заложит.

Джордж повернулся, чтобы что-то сказать мне, и тут брюшные мышцы повешенного Руфуса внезапно расслабились, и он обмочил председателя.

– А, черт! – выругался тот, запоздало отскакивая в сторону.

Через пару минут лицо Руфуса посинело и он, перестав дергать членами, затих.

– Он умер, – медленно констатировал я. Застывшие перед виселицей члены клуба с воплями бросились из “Ученого погоста”.

Так я стал новым председателем Малого оксфордского клуба. Конечно, затем было дознание и следствие, однако ничего доказать не удалось, и происшедшее списали на несчастный случай во время обычной мальчишеской шалости. Правда, декан филологического факультета, убитый горем отец, настоял на том, чтобы Джимбо, считавшийся главным действующим лицом разыгравшейся драмы, так как все свидетели показали, что именно он надел несчастному на шею петлю, был отчислен с первого курса университета. Да оно и к лучшему. Не прожив и полугода после этого события, декан скорострительно скончался, а сэр Джордж Мюррей-младший уже на следующий год был восстановлен и стал учиться на одном курсе со мной.

Глава четвертая

– Простите, сэр, но это необходимая мера, – извиняющимся тоном сказал сержант Годли и окунул голову начальника в бочку с дождевой водой.

Фредерик Эберлайн и Годли стояли на заднем дворе опиумного притона. Кругом не было ни души, поэтому-то сержант и выбрал это место, чтобы никто не видел этого позорящего Скотленд-Ярд

действия.

Невысокий и щуплый Эберлайн не мог противостоять крепышу Годли, возвышавшемуся над ним почти на целый фут, и его решимости привести инспектора в чувство.

– Терпите, сэр. Еще немного, сэр, – приговаривал сержант, крепко держа своей огромной дланью голову начальника в воде.

Лишь когда огромные пузыри стали появляться на поверхности воды, он отпустил несчастного и позволил ему отдышаться.

– Как вы, сэр? – с сочувствием поинтересовался сержант у Фредерика Эберлайна, добродушно усмехаясь и разглядывая его мокрые волосы, которые прядями свисали на лбу, словно корни диковинной орхидеи, привезенной откуда-нибудь из отдаленной южной колонии, закрывая красивые большие глаза, скорее женские, чем принадлежащие мужчине и уж тем более инспектору Скотленд-Ярда.

– Благодарю, – коротко бросил инспектор, предпочитая не отвечать на вопрос, тем более что чувствовал он себя чрезвычайно плохо.

Именно так и должен чувствовать себя всякий, кто был выдернут из сладких наркотических грез, из нежных объятий фиолетовых фей и красного дракона и возвращен к грязной и пошлой действительности. Эберлайну чрезвычайно повезло с помощником, который, не осуждая, делал все, чтобы тайна инспектора осталась неизвестна начальству, которое, мягко говоря, неблагосклонно относилось к пьянству и наркомании среди служащих лондонского сыска. Однако же стоит заметить, что именно склонность Фредерика Эберлайна к опию позволила ему приблизиться к разгадке зловещей фигуры неуловимого инкогнито, прозванного бойкими криминальными журналистами Джеком Потрошителем. Постоянно пребывая в двух мирах – мире реальности и мире грез – Эберлайн сумел понять того, чей путь к самореализации был кровав и ужасен.

Стоявшие в полумраке заднего двора инспектор и сержант совершенно не заметили, как позади них открылась неприметная дверь наркопритона и из нее, тихо вышагивая, показался давешний китаец Мао. В руке он держал полотенце, которое и подал с глубоким поклоном резко обернувшемуся на его тактичное покашливание Годли.

– Фу! Ты напугал меня, Мао, – буркнул толстяк, передавая полотенце инспектору. – Кстати, Мао, все хочу тебя спросить, – остановил он собиравшегося было уйти под крышу притона китайца, ухватив его за широкий рукав куртки с множеством петелек спереди, – для чего это у вас тут эта потайная дверь, а?

Китаец на мгновение замер, при этом узкие глаза его быстро забегали.

– Его помощники выносят через эту дверь тела умерших, – хрипло ответил за Мао инспектор, старательно вытирая длинные волосы, – привязывают камни к ногам и выбрасывают их в Темзу. Так ведь, Мао? – полувопросительно, полуутвердительно обратился он к китайцу, возвращая полотенце.

Годли бегло оглядел длинный, всегда безлюдный и вечно темный проулок, в который даже в редкий для Лондона солнечный день лучи света не могли пробиться сквозь близко стоящие друг к другу стены бараков из красного кирпича, перевел взгляд на черные воды реки, текущей прямо у окончания проулка, и надвинулся на насупившегося Мао.

– Это так, узкоглазый?

– Моя не понимать, – пропищал тот. – Вы неблагодарный, – обратился он к Эберлайну. – Мы улаживать ваши желания. Всегда.

В инспекторе вместе с ощущением реальности проснулась совесть.

– Оставь его, Годли, – мягко отвел он помощника от китайца. – То, что здесь происходит, не наше дело.

Мао, воспользовавшись этим, тут же скрылся внутри барака, плотно закрыв за собой дверцу, безмолвную свидетельницу ужасных тайн наркопритона.

Инспектор, на которого водные процедуры и свежий воздух произвели благотворное действие, в сопровождении Годли обошел барак и уселся в ожидавший перед входом кеб.

– Итак? – задал он вопрос, привычный для постоянно отчитывавшегося перед ним сержанта. – Что мы имеем?

– Объект под наблюдением, – сухим канцелярским языком принялся излагать Годли, полуобернувшись к инспектору, отчего жесткое сиденье внутри кеба жалобно заскрипело под могучим телом. – Он вернулся из клуба в особняк около восьми вечера, после чего несколько раз был замечен в окне кабинета.

Предварительное наблюдение за объектом позволило Эберлайну бегло ознакомиться с расположением комнат в особняке на Литтл-Райдер-стрит, когда он проник внутрь дома под видом нового газовщика. Кстати, газовый рожок в кабинете лейб-медика королевской семьи Фредерик прочистил просто отвратительно, и последующее наблюдение показало, что недовольный хозяин принужден был вторично вызывать газовщика. Этот казус послужил поводом для не слишком утонченных, но чрезвычайно добродушных шуток со стороны толстяка Годли.

– Прекрасно! – сказал Эберлайн, приказывая кучеру трогаться в путь. – Значит, настала пора для решительных действий. Едем к начальству за разрешением на арест.

Кебмен хлестнул лошадей, и те с гулким цоканьем копыт о булыжную мостовую покатали кеб прочь от барака.

* * *

Когда деревенщина Руфус, вздумавший тягаться со мной в борьбе за председательское кресло, повис на виселице, дергая руками и ногами, я испытал удивительное ощущение. Вид мучающегося от удушья врага, умирающего у меня на глазах, столь сильно возбудил меня, что плоть моя словно взбесилась. Кровь стучала в висках, сердце ходило ходуном, молотом ударяясь о грудную клетку, волосы шевелились на голове и руках, встав дыбом. Так стоял я не в силах пошевелиться и, глядя на задыхающегося Руфуса, едва нашел в себе силы приказать Джорджу не трогать его. И тут же, спустя какое-то мгновение после смерти подростка, мое тело пронзила молния. Мозг отказался повиноваться, находясь в сладостной истоме и воспарив надо мной и окружающим меня реальным миром в некое подобие рая. Боже, я никогда не забуду этого мгновения, длившегося, как мне показалось, вечность!

Оргазм, испытанный мною тем вечером, был настолько силен, что я был вынужден усесться на скамью и еще долгое время сидеть не в силах пошевелиться, тупо глядя на медленно раскачивающегося в петле Руфуса, чье лицо к тому моменту страшно посинело, а язык вывалился изо рта. Нечто подобное я уже испытывал ранее, только ощущения были гораздо слабее. В колледже я часто усаживался близко к стулу учителя алгебры, за которым закрепилась слава большого любителя физических наказаний. За любую провинность учитель нещадно порол учеников перед всем классом, устроив их поперек стула и долго, кропотливо выбирая розгу. Мне до сих пор вспоминается характерное движение, которое он производил, вскидывая руку с лозой и резко опуская ее вниз. Лоза со свистом рассекала воздух, вызывая у класса тихое придыхание и громкий вскрик наказуемого. От лицемерия мучений жертвы, выбранной учителем алгебры, я всегда приходил в легкое возбуждение.

Еще более ранние воспоминания относятся к тому периоду, когда я жил в родительской усадьбе и возил дедулю в деревню. Однажды, проезжая по главной улице, мы принуждены были остановиться, так как навстречу нам показалась большая толпа мужчин и женщин, которые тащили за веревку крепко связанного грязного оборванца. Едва лишь галдящая толпа поравнялась с коляской, в которой сидел сэр Джейкоб, тот громовым голосом крикнул: "Что, черт побери, тут происходит?"

Здоровенный детина, тянувший за веревку несчастного бродягу, радостным голосом объяснил старикану, что они с братьями поймали конокрада и сейчас ведут его к шерифу нашего графства. Пока сэр Джейкоб выслушивал объяснение, я с интересом и нескрываемым удовольствием разглядывал оборванца, которого детина с братьями множество раз обвязал толстой пеньковой веревкой, более подходящей для каната, поперек тела. Видимо, скорее для острастки, нежели с иной целью, веревка была пропущена через рот конокрада, отчего тот вцепился в нее гнилыми зубами, чтобы та не порвала рот.

Оборванец, видя задержку, глубоко вздохнул и что было сил рванул в сторону, пытаясь вырваться из рук детины. Но не тут-то было. Уцепившись обеими руками за веревку, детина сильно дернул, конокрад упал в пыль, а толпа, обступившая его, со злорадством принялась пинать связанное тело. Затем конокрад был поставлен на ноги и поведен далее.

Толпа уже почти совсем скрылась из глаз, а я все стоял, не решаясь тронуться в путь, хотя сэр Джейкоб и понукал меня своим хриплым голосом, говоря, что ему необходимо срочно заехать в таверну "Морской конек" промочить глотку.

Ни одно из тех прошлых ощущений, конечно же приятных и возбуждающих, не шло ни в какое сравнение с тем, что испытал я, лицезрел смерть бедняжки Руфуса. Вот когда я понял, какое удовольствие больше всего подходит хищнику в человеческом обличье, каким был я. Именно с того дня я стал искать подобные удовольствия, возбуждавшие меня лучше всех изысканных эротических возбудителей.

* * *

После окончания колледжа я, как и предполагалось, без особых усилий поступил в Оксфордский университет и тем же летом отправился погостить в родной Суссекс. Там, в глуши поместья, среди природы на берегу Ла-Манша меня ждало новое, ни с чем не сравнимое удовольствие. В этом, как мне тогда казалось, центре ханжества и всего того, что олицетворяло в моих глазах новую, викторианскую эпоху, я научился любить и познал удовольствие быть любимым.

Родители мне ничего не писали о преобразованиях, происшедших в последнее время, поэтому я был весьма удивлен, когда, подъехав к усадьбе, увидел, что против обыкновения меня никто не вышел встречать. С недоуменным выражением лица я вышел из коляски. В доме было тихо.

Как странно, подумал я, направляясь в главный зал. Зал располагался точно посреди усадьбы, занимая чуть ли не пятую часть первого этажа здания. Самым же значительным и большим в зале

был камин, спроектированный по проекту моего прадеда. Сэр Джейкоб как-то рассказывал мне, что он, еще будучи мальчишкой, видел, как работники выламывали стены в главном зале, значительно расширяя старый камин. Камин и правда впечатлял своими размерами, поскольку прадедуська задумывал его с той целью, чтобы внутри можно было при желании зажарить быка. Эта истинно джентльменская прихоть и послужила преобразованием, кое заставило впоследствии расширить и сам зал, продлив его еще на четыре примыкавшие комнаты. Едва это произошло, как прабабушка изволила заметить, что стены главного зала оказались голыми, так как великолепная коллекция французских гобеленов служила украшением лишь его части. Гобелены, устроенные по всему залу, только портили картину, да и сами терялись в огромном пространстве. Тогда прадед, который, по мнению дедули, был тряпкой и во всем слушался прабабку, не нашел ничего лучшего, как отправиться в Италию, закупить там за баснословные деньги и привезти домой огромные картины, изображавшие преимущественно фривольные картины из жизни фавнов и нимф. Сии изысканные сцены античной мифологии непременно привели бы к упадку и обнищанию нашего рода, если бы старикан вовремя не женился на моей бабушке, даме чрезвычайно одаренной и к тому же богатой. Бабушка, правда, была вдовицею, к тому же оказалась, согласно записям в приходских книгах, на пару лет старше сэра Джейкоба, что ни в коей мере не помешало дедуле ладить с ней. Я думаю, что, несмотря на все свои порочные склонности, старикан грустил и тосковал по безвременно ушедшей супруге, честно разделившей свое немалое состояние на три равные части.

Все это я описываю лишь затем, чтобы самому разобраться в тех сложных чувствах, которые я всегда испытывал, входя в огромный зал и невольно задирая голову, надеясь увидеть над сводами и поперечными балками потолка звездное небо. Да, так велик и великолепен был главный зал!

Однако же, против своего обыкновения, войдя в зал, я так и не взглянул в тот раз на потолок, надеясь увидеть далекие ночные светила. Напротив, я уставился, пораженный увиденным, на камин. В этом монстре, в котором, как я лично имел возможность убедиться, помещались на вертелех для жарки на открытом огне туша здорового быка и два матерых лесных вепря, стояла очаровательная девушка. Она с интересом разглядывала широкую чугунную заслонку, отлитую фламандским мастером Гансом ван дер Брилем. Заслонка, как, впрочем, и решетка, были своего рода произведениями искусства. На заслонке имелся барельеф с очаровательными ангелочками, возносящими к небу цветочные венки. Огромная каминная решетка, в свою очередь, была сплошь облеплена мятущимися телами – душами грешников, мучимых в аду ужасными демонами. Когда в камине горел огонь, то казалось, что грешники жарятся в нем, стараясь вырваться из пламени. Это было сильное зрелище для тех, кто видел камин впервые.

Я же был несказанно удивлен, увидев в главном зале усадьбы красивую девушку.

Незнакомка продолжала разглядывать заслонку, не замечая меня. Ее движения были плавными и грациозными и поражали изяществом. На вид ей было примерно столько же лет, что и мне, она выглядела еще подростком.

Удивительное дело, обычно девушки в этом возрасте нескладны и угловаты. Их руки кажутся слишком длинными, а ноги худыми. Девушки-подростки вечно что-нибудь разбивают, поэтому тетушки никогда не позволяют им приносить чай, боясь, как бы ребенок не уничтожил прекрасный фарфоровый сервиз, который их покойный муж привез еще в китайскую кампанию. Застенчивость девушек в этом прекрасном возрасте также поражает. Чуть что, они тотчас смущаются, и краски проступают на девичьих щеках огромными бутонами нежнейших роз. Их мысли еще не сформированы, их речь трудна для восприятия, чувства же полны такой прелестной новизны, что любое ощущение кажется им открытием. Посему считается, что девушками-подростками лучше всего любоваться издалека, не заводя разговоров и не прося подать что-нибудь, дабы не вводить их в смущение.

Юное создание, представшее передо мной так внезапно в главном зале усадьбы, оказалось совершенно иным, столь же полярным тому образу, который я сейчас описал, как полярны полюсы магнита. Едва лишь я сделал пару шагов в направлении камина, у которого она стояла, как она меня заметила, но нисколько не смутилась, а лучезарно улыбнулась, обнажая большие, детские, ослепительно белые зубы. Вид девушки в окружении прекрасных итальянских полотен с фривольными сценами был настолько пленителен, что я невольно заулыбался ей в ответ. Незнакомка легкими шагами подошла ко мне и, глядя прямо в глаза, заговорила:

– Здравствуй-здравствуй! Так ты и есть Джек, мой кузен? Рада тебя видеть. А мы думали, что ты приедешь не ранее завтрашнего дня. Я – твоя кузина Долорес, дочь Генриха, старшего брата сэра Чарльза.

Только после слов Долорес насчет дяди Генри я догадался, что к нам приехала погостить семья покойного. С тех пор как старший брат отца скончался от лихорадки в далекой Индии, мы ни разу не вспоминали его и не интересовались его семьей.

Кузина Долорес подошла ко мне и, нисколько не смущаясь, чмокнула в щеку. Я ощутил, как ее полные мягкие губы коснулись моей щеки. Ощущение было удивительно приятным. Затем она взяла меня за руку и повела в сад, где был поставлен стол, заставленный чайными чашками, за которым чинно восседало все наше семейство в полном составе. Даже дедуля был удостоен чести сидеть в

коляске во главе стола, хотя должен отметить, что на лице Анны читалось явное неудовольствие.

– А вот и Джек! – громко воскликнула Долорес, подводя меня, словно маленького, за руку к столу.

Все повернули головы в нашу сторону. И не успел мой отец сказать свое неизменное “ну” или старикан проскрипеть “мальчик мой”, как ко мне стремительно направилась крупная женщина в огромном белоснежном платье с множеством кружев и таким глубоким декольте, каких я никогда в своей жизни не видывал. На женщине была огромная шляпа с перьями, которые колыхались при малейшем движении.

– Джеки, дитя мое! – воскликнула она томным голосом стареющей примадонны. – Как я счастлива тебя видеть! Вот уж сподобил господь! – При этих словах женщина с крупными формами на секунду остановилась в своем стремительном беге и быстро перекрестилась, вызвав на лице Анны новую волну возмущения, ведь никто ранее не старался показать себя более верующим, чем она. – Ну, обними же свою тетю Аделаиду! – призвала женщина, надвинувшись прямо на меня своим огромным колышущимся и соблазнительно декольтированным бюстом.

Не дав мне опомниться, жена дяди Генриха обхватила меня и крепко прижала к себе, дав почувствовать каждый бугорок, каждую линию своего аппетитного тела. Все сидели, остолбенев, ошеломленно взирая на открытое проявление теплых чувств. Первой опомнилась Долорес.

– Я думаю, мама, что Джеку необходимо умыться с дороги, – сказала кузина, легко освобождая меня из жарких объятий.

Так я познакомился с семейством дяди Генриха, чья скоропостижная кончина принесла моему отцу приставку “сэр”, которое так завораживало мать.

Уже через час, умывшись и переодевшись с дороги, я имел удовольствие сидеть в саду напротив тети Аделаиды и кузины Долорес, пить чай с печеньем, так как, несмотря на то что я проделал довольно долгий путь, Анна решила не нарушать традиции проведения обеда и не кормить меня до шести вечера. Едва я сел, как тетя Аделаида вновь принялась охать и ахать, восхищаясь моей красотой. Узнав, что я поступил в Оксфордский университет, она принялась превозносить до небес мои умственные способности, убеждая сидевших подле нее за столом родителей, дедулю и пару знакомых матери, что я непременно стану премьер-министром.

– А как вы поживаете? – попытался прервать неиссякаемый поток слов Чарльз, поймав красноречивый взор Анны, раздраженной новой родственницей.

– О, просто чудесно. То есть, я хотела сказать, весьма плачевно, – тут же поправились тетя Аделаида, с легким смешком подливая чай в чашку. – Знаете, после смерти моего дорогого Генриха я никак не могу найти себе подходящего мужчину.

Услышав это, преподобный отец, которого мать неизменно приглашала на чай, подавился и долго кашлял в кулак, испуганно поглядывая на гостью, словно рядом с ним сидела сама вавилонская блудница.

– Да-да, – закивала головой в сторону преподобного отца тетя Аделаида. – Знаете ли, так трудно быть одной. Тем более в отдаленной колонии, – тут же поправились она, видимо, получив под столом легкий намек от Долорес. – Индия ведь такой дикий край, совершенно девственный.

И тут тетя Аделаида, у которой мысли скакали, словно лошади в Дерби на королевских скачках, пустилась в описание великолепной южной природы далекой английской колонии. Я тем временем имел возможность лучше рассмотреть мою кузину. Сразу же сознаюсь, я влюбился! Влюбился с первого взгляда и в первый раз в своей жизни. Долорес была моей первой любовью.

* * *

Когда ты влюблен, тем более влюблен в первый раз, все вокруг кажется тебе прекрасным и действительность видится сплошь в розовых тонах. Как я уже упоминал, для меня важным было цветовое соотношение с реальной гаммой. Поэтому я постараюсь быть как можно более объективным, описывая удивительную женскую пару, столь внезапно появившуюся на моем горизонте.

Сначала о тете Аделаиде. Это была довольно крупная женщина, но полнота лишь украшала ее, тем более что она умела искусно подчеркнуть свои прелестные формы, на которые за чайным столом заглядывался не только большой любитель женщин – сэр Джейкоб, но даже Чарли, изредка бросавший в сторону вдовы отнюдь не кроткие взоры. В тете Аделаиде была некая сексуальная притягательность, истинно животная, делающая ее сходной с сукой в период течки, когда кобели толпами бегают за ней по двору, не давая прохода и бесстыдно взбираясь на спину. Таковы были мои вульгарные мысли, когда я разглядывал вдовую тетушку, имевшую в моем представлении бледный красноватый цвет, переходящий от нежно-розового у головы до слабо-пурпурного в ногах. Шумная, привыкшая еще с гарнизонной службы мужа быть в центре внимания, простоватая и любвеобильная, тетя Аделаида олицетворяла собой поверхностные удовольствия и яркую радость бытия во всех ее проявлениях. Ее наряды, заказанные в Париже, известном центре разврата, были на грани безвкусицы, ее жесты казались слишком размашистыми, в ее речах, преимущественно пустых и наивных,

частенько проскальзывали словечки, более пригодные для языка жителей Сохо или даже кокни. Сама же тетя Аделаида походила на героиню из дешевого балагана, про которую автор в ремарке указывает: “дама из высшего общества”. Такова была эта женщина, бывшая женой моего дяди Генри, не чаявшего в ней души и столь сильно баловавшего свою драгоценную Аделаиду, что та, даже балансируя на грани нищеты, не могла удержаться от потребности раз в неделю лакомиться заморскими фруктами.

В отличие от своей матери, Долорес, или, как я стал позднее называть ее, Долли, казалась более утонченной. Долли обладала врожденной грацией, не характерной для девочек-подростков ее возраста. К тому же, как выяснилось позднее из ее рассказов о своем детстве в колонии, кузина переняла пластику у местных танцовщиц, которыми славится Индия.

Я воспринимал Долорес исключительно в ярко-оранжевом цвете, хотя ее волосы, сильно выгоревшие под южным солнцем, были не рыжие и даже не золотистые, а скорее цвета спелой пшеницы, колосающейся ранней осенью в поле, и столь пышные, что казалось, будто голову кузины всегда окружал некий ореол. Пусть эстеты не прогневаются на меня за тривиальность сравнений, но иных слов, чтобы как можно точнее описать Долли, я не могу найти.

Сочетание выгоревших волос со смуглой кожей производило сильное впечатление и рождало, я бы даже сказал, подсознательное влечение. Ее кожа была того неопределенного цвета, переходного от слегка загорелого к темному, какой можно наблюдать у грумов, привозимых в Англию из североафриканских колоний. В главном зале, всегда полутемном, это сочетание заметно не было, поэтому оно столь сильно бросилось мне в глаза, едва я сел за стол, присоединившись к родителям и гостям.

Долли, как и ее мать, много улыбалась, и ее звонкий, немного грудной смех можно было часто слышать в тот день. В отличие от тети Аделаиды, кузина предпочитала помалкивать, а если и отвечала на вопросы, то в ее речи, слишком правильной, чтобы не вспомнить дорогого английского репетитора, слышался легкий колониальный акцент, ничуть не портивший ее, а, напротив, придававший речи некую пикантность.

Долорес произвела на присутствовавших за столом гораздо лучшее впечатление, чем ее мать. Это стало заметно после того, как Анна предпочла обращаться исключительно к ней, а не к тете Аделаиде, впрочем чрезвычайно внимательно выслушивая болтовню последней.

После чая кузина спросила меня, играю ли я в бетлдор и шатлклок (прототип современного бадминтона) и не хотел бы составить ей компанию. Я с удовольствием согласился, и мы мило провели время до самого обеда, носясь по полю с ракетками в руках за воланом, собранным из гусиных перьев, которые крепились к шарику из пробкового дерева. Во время игры я имел удовольствие любоваться грациозными движениями моей партнерши, ловко отбивавшей подачу сильной рукой и заставлявшей меня бегать за тяжелым воланом больше обычного.

Вечер мы провели, чинно сидя в глубоких креслах напротив камина, разожженного специально по такому случаю, и разглядывая мятущиеся по решетке тела грешников, которые были намного выразительней, нежели ангелочки на задвижке. Чувствовалось, что мастер лучше разбирался в муках, чем в блаженстве. Все это время я искоса наблюдал за Долли, пока не заметил, что и она интересуется моей особой.

Вскоре часы в углу зала пробили полночь. Лишь только все, пожелав друг другу спокойной ночи, отправились спать по комнатам, я в радостном предчувствии быстро разделся, лег на расстеленную горничной холодную постель и, задув свечу, принялся ждать. Дело в том, что кухню поселили в гостевой комнате, располагавшейся напротив моей, что меня взволновало, заставив кровь бегать намного быстрее, стуча в виски и требуя выплеска. Вскоре я услышал звук отворяемой двери в комнате напротив, и легкие шаги возвестили, что Долорес отправилась в ванную. Осторожно поднявшись с кровати, я тихо приоткрыл дверь, которая, к моему счастью, ни разу не скрипнула, и, проследив взглядом за удалявшейся по коридору фигурой в халате со свечой, прошмыгнул в гостевую напротив.

Большая круглая луна, выглянувшая из-за тучи, осветила небольшую спальню, устроенную по-спартански. Посреди комнаты стояла массивная кровать с большим пологом, над которой на стене висело распятие. Подобным ханжеским жестом мать стремилась утвердить за собой титул первой христианки Суссекса. Смею предположить, что это как-то связано с моим рождением, весьма темным, которое явно нанесло Анне душевную травму, отчего она так стремилась к отрицанию плотских утех.

Рядом с кроватью стоял небольшой туалетный столик, на котором были в беспорядке разбросаны заколки, булавки и прочие женские безделушки. Подле стояла вешалка с платьем. В глубине комнаты высился огромный платяной шкаф, оказавшийся, на мое счастье, почти пустым. В него-то я и забрался, услышав негромкие шаги в сторону гостевой. Немного погодя в комнату вошла, держа свечу, освещавшую ей путь, Долорес. Она поставила подсвечник на туалетный столик, слегка сдвинув безделушки к краю небрежным жестом, полным изящества. Через небольшую щель, оставленную незапертой дверцей шкафа, я видел, как кузина, освещенная мягким светом восковой свечи, протянула руку к поясу, развязала его и стянула с себя халат. Она немного помедлила, затем легла на постель и медленными движениями погладила тело, прикрытое лишь ночной рубашкой. Ток

пробежал по мне, ладони мгновенно вспотели, а в голове появилась ясная картина: это мои руки ласкают красавицу. Горячая мелкая дрожь пробила меня сверху донизу. Что она делает, пронеслось у меня в голове? Боже, что она делает?

Долорес продолжала гладить себя, сначала легко и медленно, потом все сильнее и сильнее. Не в силах справиться с желанием, она поспешно задрала ночную рубашку, бесстыдно раздвинула ноги, открыв моему взору свои прелести. Ее пальчики заскользили по плоти, путаясь в белесых курчавых волосках. Из рта вырвался сдавленный стон. Глаза Долорес закатились, лишь одни белки ярко светились на смуглом лице.

Словно безумный, дрожа и обливаясь потом, я напряженно следил за каждым движением, каждым жестом кузины, боясь хотя бы на мгновение упустить ее из виду, боясь даже мигнуть, отчего глаза мои ужасно болели, а веки чесались. Долли же возбуждалась все больше и больше. Она уже не владела собой. Казалось, будто в ее прекрасное тонкое упругое тело вселился демон сладострастия, терзая изнутри и доводя до исступления. Совершенно скинув с себя ночную рубашку, она каталась по большой кровати, путаясь ногами в концах полога и зарываясь головой в подушку, чтобы заглушить громкие стоны, вырывавшиеся из ее рта. Наконец она выгнулась, выставив вверх маленькую грудь со вставшими сосками, продержалась так несколько мгновений и с сильным выдохом бессильно упала на кровать, раскинув руки и тяжело дыша.

Буквально через несколько минут Долли свернулась калачиком, накрылась толстым одеялом и тут же заснула, предварительно задув свечу. Я просидел в шкафу еще какое-то время, затем тихо открыл дверцу, осторожно вылез и прошмыгнул в свою комнату. Только там я заметил, что весь низ моего белья оказался мокрым и заляпанным. Испуганный, я на цыпочках помчался в ванную комнату, находившуюся посреди коридора, где долго стирал, поминутно замирая и прислушиваясь, боясь, что кто-нибудь проснется, войдет в ванную, увидит, что я делаю, и сразу же догадается о моих проделках.

Признаюсь, ничего подобного я ранее не видел, как не видел и в последующие годы, чтобы женщина ласкала себя с подобной страстью. Увиденное той ночью до сих пор при желании легко встает живой картинкой перед глазами. Признаюсь вам, это было незабываемое зрелище!

* * *

Неделя, которую тетя Аделаида и кузина Долорес гостили в нашем поместье, была самой прекрасной из всех моих каникулярных недель. Мы с кузиной катались верхом на лошадях, совершая долгие прогулки вдоль берега Ла-Манша, выезжали все вместе на пикник, разумеется, с подачи тети, которой вечно не сиделось на месте, к величайшему неудовольствию Анны, привыкшей задавать тон в семействе, и к удовольствию всех остальных. Даже Чарльз позволил себе вырваться на время из-под влияния жены, пару раз прилюдно не согласившись с ее мнением.

Прекрасно скрывая свои истинные чувства к родственникам, Анна, к моему удивлению, позволяла вдове развлекаться, как той заблагорассудится, я долго не мог понять подобного снисхождения к даме, которую мать считала стоящей намного ниже себя. Но однажды, когда Долли послала меня за каким-то пустяком в доме, я, проходя мимо кабинета Чарли, случайно подслушал разговор отца и матери.

Темой разговора, как я догадался, послужило поведение тети Аделаиды за столом во время завтрака, к которому она вышла, по выражению матери, в чем мать родила, хотя на ней был прекрасный шелковый пеньюар, последний парижский шик, только-только входивший в то время в моду в Лондоне и совершенно незнакомый в суссекской глуши.

– Но дорогая, Адели просто более простодушная и наивная, нежели те дамы, с которыми ты привыкла общаться, – пытался заступиться за тетю Чарльз.

– А, так она уже стала Адели, – ровным, однако же полным неуголимой злобы тоном сказала Анна.

Я подкрался к полуоткрытой двери и прислушался.

– Эта особа ведет себя настолько вульгарно и распущенно, что я даже допускаю мысль о том, чтобы отказаться от нашего плана, – заявила мать. – Мне бы вообще хотелось больше не видеть ее у нас в доме. Ни ее, ни ее дочери, такой же вульгарной особы, как и эта, как ты ее называешь, Адели.

Чарли некоторое время молчал, видимо размышляя над сказанным, затем, громко вздохнув, произнес:

– Но ведь это же подло. То, что ты задумала.

– Что? – повысила голос Анна.

– Твой план ниже достоинства истинных аристократов, – промямлил Чарли.

– Что?

Я хоть и не видел Чарльза, но прямо-таки чувствовал, как он вжался в кресло под пристальным взглядом матери.

– Еще одно слово, и я больше никогда, ты меня слышишь, больше никогда не надену кандалы, не позволю себя связывать и не лягу в гроб! – ледяным тоном заявила Анна.

– Милая, я не хотел...

Больше я слушать не стал, так мне стало горько и обидно за отца, за себя, за тетю Аделаиду и за кузину Долорес. Однако стоит отметить, что даже в такой момент я не потерял чувства опасности и, стараясь не шуметь, на цыпочках удалился прочь от кабинета Чарльза. Позднее, разбирая деловые бумаги и письма, оставшиеся после родителей на хранении у нотариуса, я наткнулся на переписку Анны со своим сводным братом, прижитым ее отцом, мистером Эмберли, с горничной через пять лет после моего рождения. В письмах Анна напоминала брату свое обещание, данное перед смертью отцу, позаботиться о нем и предлагала ему сделку. Мать обещала брату свою помощь и покровительство в сватовстве к тете Аделаиде, весьма богатой вдовушке, которая в то время еще не успела растратить оставшееся от Генриха состояние. Взамен посредничества мать требовала, чтобы сводный брат заверил у нотариуса гарантию, что в случае успешного исхода дела он отдаст Анне половину полученного от Аделаиды имущества, которое, согласно английским законам, жена обязана была отписать на имя мужа. Конечно, жены далеко не всегда передавали свой капитал во владение мужчин, в законах всегда имелась на этот счет пара лазеек, хорошо известных стряпчим, но, как мне стало известно из тех же писем, Анна обещала брату, что недавно приехавшая из колоний вдова, прозванная ею “глупой гусыней”, о подобных лазейках не знает. Действительно, сделка была недостойной истинных аристократов, поэтому я поспешил письма сжечь, дабы не чернить имя родителей на случай, если переписка попадет в чужие руки.

На следующий день после подслушанного мной спора между отцом и матерью Долли предложила мне отправиться купаться. Стояла чудесная летняя погода, солнце сияло с самого утра, море было гладким и спокойным – идеальное время для купания. Кухарка Полли еще рано утром собрала нам корзинку с продуктами, положив туда вкусные вещи, которыми она в последнее время с явного попустительства матери баловала нас. Кузина захватила с собой полотенца и другие купальные принадлежности, и мы отправились на причал, сооруженный пару лет назад рабочими напротив поместья. Там, покачиваясь в воде, нас ожидала небольшая яхта – подарок отца по случаю моего прошлого дня рождения. Катаясь на ней вместе с дедулей прошлым летом, я изрядно преуспел в умении лавировать против ветра, что теперь с гордостью продемонстрировал кузине.

Отплыв подальше от причала, старательно гребя веслами, я поднял парус, уселся у руля и направил яхту в укромную бухту, куда я в детстве любил сбегать и где собирал раковины, во множестве спрятанные в песке. Долли, одетая в очаровательное легкое платьице, устроилась на носу нашего маленького корабля, скинув туфли и опустив босые ноги в воду. Я видел лишь голову кузины, над которой, как всегда, кружилась дымка из легких пшеничных волос. Долорес беззаботно любовалась открывающимися видами, коими славился наш берег, поминутно оборачиваясь ко мне и одаривая лучезарной улыбкой. Натянутый парус на секунду обвисал, так как я кренил руль, и тогда девушка открывалась мне вся, свежая, словно дыхание весны, внезапно прорвавшееся сквозь зимнюю непогоду и наполнившее грудь необъяснимым весельем и любовным трепетом.

Вскоре мы причалили к берегу укромной бухты, которую практически невозможно было увидеть с берега. Бухта была чудесной, с мягким песком, озаряемая солнечными лучами и закрытая с противоположной от моря стороны высокой, почти вертикальной скалой, рядом с которой рос густой кустарник, за которым при случае можно было укрыться. Долли, увидев это великолепие, с восторгом выскочила и по колено в воде бросилась к пляжу. Я, предварительно кинув якорь и прихватив с собой купальные принадлежности и корзину с провизией, присоединился к ней.

– Как здесь чудесно! – без конца восклицала Долорес, перебегая с одного края пляжа на другой и обозревая изумительный вид, открывавшийся на пролив.

– В подзорную трубу отсюда можно увидеть берег Франции, – сказал я.

– Правда? Замечательно! – обрадовалась Долли. – Боже, как я люблю Францию!

– Сюда никто не придет, – добавил я. – Мы здесь совсем одни.

Кузина остановилась напротив меня, пристально посмотрела прямо в глаза своим смешливым взглядом и со значением произнесла:

– Признайтесь, сэр Джек, что у вас есть план на сей счет.

– Конечно, – не стал отпираться я, – у меня есть план. Я хотел, чтобы мы позагорали без помех.

– Без помех? – переспросила Долли с серьезным видом, однако же в ее серых глазах так и резвились чертики. – Что ж, это замечательно. Тогда я переоденусь для загорания и плавания.

И она скрылась за кустом. Я же расстелил на песке большое цветное покрывало, положил посередине него скатерть и принялся старательно расставлять припасенные заботливой толстухой Полли угощения. За этим занятием я и не заметил, как сзади ко мне подошла Долорес.

– А ты почему не раздеваешься?

От неожиданности я выронил из рук яблоки и резко развернулся. Представшее передо мной зрелище было настолько неожиданным, что у меня захватило дух, а сердце, наоборот, с силой застучало в груди, отдаваясь в висках. Долорес стояла передо мной совершенно голая, бесстыдно раскинув руки и непринужденно глядя куда-то вдаль. Затем она нарочито медленно перевела взгляд на меня и ласково улыбнулась.

Думаю, не стоит описывать того, что произошло далее между нами, тем более что произошло это столь естественным образом и было настолько волнующим, что я и не помню толком. Помню лишь мои ощущения да весь спектр радуги перед глазами.

Позже, лежа в ее объятиях, я начал постепенно приходить в себя. И тут Долли сообщила мне, что знает о том, что я подглядывал за ней той ночью.

– Ты слишком громко пошевелился, когда я вошла в спальню, – тихо прошептала она мне на ухо.

Ее тело пахло морем, ее цвет был ярко-оранжевым, она меня любила. Вы помните свое состояние, когда предмет вашей страсти отвечает вам взаимностью? Меня до сих пор приводит в трепет это воспоминание.

– Значит, ты делала это специально для меня?! – полуутвердительно спросил я.

Долорес слегка кивнула головой.

– Почему?

– Я люблю, когда на меня смотрят, – просто сказала она и предложила пойти купаться.

Мы купались, потом жадно ели, снова любили друг друга, снова купались, а потом еще долго нежались под солнцем, лежа подле друг друга. Долли призналась мне, что уже давно занимается сексом, так как, во-первых, ей это нравится, а во-вторых, в Индии девочки начинают жить половой жизнью значительно раньше, чем в цивилизованных странах.

– Моим первым мужчиной был наш слуга Ким, – сообщила она.

– Индиец? – изумился я. – Он же грязный!

Долли звонко засмеялась, нежно глядя на меня.

– Ты не поверишь, но индийцы считают англичан грязными и нецивилизованными. Нет, он не был грязным. И у него были замечательные, большие черные глаза с длинными, как у лани, ресницами.

И тут кузина принялась вспоминать Индию, которая с ее слов стала представляться мне чем-то вроде рая земного, тем более что Долли, учитывая случившееся между нами, подробно описывала различные обычаи и прочее, касавшееся отношений между мужчинами и женщинами. Она также подробнейшим образом рассказала, как в Индии удовлетворяются похоть и различные желания мужчин. Я был возбужден ее рассказами. Но по-настоящему я возбудился, когда Долорес поведала мне страшный обычай, который заставляет жену, чей муж умер, добровольно или по принуждению ложиться рядом с ним в погребальный костер.

– Я сама была однажды свидетельницей того, как молодую женщину насильно связали и уложили рядом с мужем, – рассказала она, сделав при этом большие от ужаса глаза, – и родственники подожгли под ними костер, а эта женщина так громко кричала, хотя ей перед этим дали гашиш.

Тела еще долго крючило, и смрад стоял жуткий, а все стояли и смотрели.

Не в силах более сдерживаться, я вновь занялся с Долорес любовью – так меня возбудила эта история.

Лишь поздним вечером, уставшие до изнеможения, но чрезвычайно довольные, мы вернулись в усадьбу. Наша идиллия продолжалась еще два дня, а на третий разразился скандал. Все произошло столь стремительно, что, если б не последовавшая через несколько лет находка – переписка Анны со сводным братом, – я так и не понял бы, что послужило причиной таких решительных действий со стороны моих родителей.

Тогда в моду вошло новое салонное развлечение – разглядывать большие альбомы с гравюрами. Отцу, который хотел прослыть среди местных аристократов ценителем и тонким знатоком красоты и искусства, как раз прислали из Пруссии такой альбом с прекрасными гравюрами малоизвестного в Англии художника Адольфа Кайцера. Мы с Долорес уютно устроились в главном зале, во время приема гостей всегда открытом, и принялись с увлечением разглядывать альбом, поминутно отвлекаясь, чтобы поцеловаться. Время текло незаметно, мы сидели тихо, словно мыши, однако же Долли, чья ирландская часть крови, доставшаяся ей от тетушки Аделаиды, не давала ей долго усидеть на одном месте, вскочила и, подобрав юбку, принялась вышагивать перед картинами итальянских мастеров, висевших на стенах зала. Как вы помните, на этих картинах были изображены довольно фривольные сцены игр фавнов и нимф. Они столь сильно будоражили воображение красавицы, что та, не задумываясь о последствиях, накинулась на меня и принялась ласкать, стараясь возбудить. Сама же кузина была настолько возбуждена, что даже сразу не услышала грозный окрик внезапно вошедшей в главный зал Анны:

– Что здесь происходит?

Долорес отшатнулась от меня, оправляя юбку и застегивая легкий летний корсет.

– Мисс, да как вы смеете?

Мать с каменным лицом направилась к нам. В этот же самый момент из другой двери выкатил на коляске дедуля. Лицо старикана прямо-таки сияло от расправившего его изнутри восторга. Он, совершенно не обращая внимания ни на испуг, явно читавшийся на наших лицах, ни на грозное выражение лица Анны, подъехал к креслам и гордо произнес:

– Анна, дети мои, я должен сообщить вам замечательное известие. Я женюсь. Алели, дорогая! – позвал он в коридор своим хриплым голосом. Оттуда тотчас же вышла такая же счастливая тетя Аделаида. – Прошу, моя невеста.

– Что? – уже не сдерживая чувств, вскричала мать.

На шум прибежал Чарли.

Все то время, пока я и Долли наслаждались обществом друг друга, сэр Джейкоб, предоставленный самому себе, ведь мать не решалась его третировать мистером Симпсоном в присутствии родственников, нашел прекрасную компанию в лице вдовы, бывшей жены своего старшего сына. Он довольно-таки быстро прикинул, сколько капиталу должно было еще остаться у женщины, не так давно потерявшей мужа. Окрутить же тетю Аделаиду опытному ловеласу не составило большого труда. Несмотря на неподвижность в нижней части тела, старикан еще оставался мужчиной хоть куда. Так что частые прогулки старикана и тетушки до Фулворта и обратно не пропали даром.

– Сэр, вы не можете, – сказала Анна.

– Это с чего это я не могу? – удивился дедуля. Улыбка постепенно сползала с его лица. – Какого черта, Анна? Тебе ли не знать, что я могу, а что нет.

– Да как вы смеете! – воскликнула Анна, отскочив от коляски, словно ей прилюдно дали пощечину. – Сэр, – обратилась она к Чарльзу, – вы мой муж, защитите же меня.

– Что здесь происходит? – спросил, выступив вперед, Чарли.

– Эти развратные особы распространяют заразу в моем доме! – заявила Анна. – Я только что застукала эту девчонку на моем невинном сыне. Она целовала его в... Я не могу передать всего того, что мне пришлось увидеть! Это проститутки, падшие, грязные женщины! – закричала она, бросая обвинения прямо в лица тети Аделаиды и Долорес, в испуге прижавшихся друг к другу.

– Какого черта, Чарли! – воскликнул старикан, видя, что обе женщины уже плачут, обвиненные в самом страшном, что может оскорбить женщину.

– Я не желаю больше терпеть эту заразу в нашем доме!

И тут Чарльз, которого Анна, по всей вероятности, пребольно ущипнула за ягодицу, воскликнул:

– Вон! Вон из моего дома!

Тетя Аделаида закатила глаза и рухнула прямо в руки дедули. Долорес подхватила коляску и помчалась прочь из главного зала, а вслед ей неслось:

– Дрянь! Проститутка! Падшая женщина! Анна повернулась ко мне и с каменным лицом произнесла:

– А вы, сэр, ваше поведение низко, я не нахожу слов. Завтра же вы возвращаетесь в Оксфорд. – Мать повернулась было, чтобы уйти, затем, вспомнив, добавила: – И если я узнаю, что вы поддерживаете связь с сэром Джейкобом или этими двумя недостойными особами, то клянусь, отец лишит вас наследства.

На следующее утро я укатил обратно в университетский городок. Мать же велела слугам снять все “богомерзкие” картины, привезенные прадедом из Италии, и поместить их на чердак, дабы более не оскорблять христианские чувства.

Что же случилось с моей драгоценной Долли, милой тетей Аделаидой и старым сэром Джейкобом? Об этом я узнал намного позднее и при весьма странных обстоятельствах. Старикан и тетушка быстро промотали остатки состояния, оставленного Генрихом. У них даже не нашлось денег оплатить доктора, когда старикан серьезно заболел, простудившись зимним вечером. Долорес, добрейшее сердце, днем и ночью дежурила у постели больного, однако в конце недели дедуля скончался. Буквально через год в Темзе выловили женский труп. Это была тетя Аделаида, которая пристрастилась к абсенту и шлялась по матросским кабакам, позволяя делать с собой что угодно за стакан алкоголя. Полиция предположила, что какие-то извращенцы слишком перестарались и, чтобы замести следы, утопили несчастную.

Что случилось с кузиной Долорес, я расскажу чуть позже.

Глава пятая

Собравшись с мыслями, Фредерик Эберлайн назвал кучеру адрес: Гордон-сквер, 26. Именно там проживал нынешний глава Скотленд-Ярда, к которому направлялись один из лучших инспекторов лондонской сыскальной полиции и его помощник, сержант Годли. Копыта тихо постукивали по брусчатому настилу восточных районов города, и лишь когда полицейская карета въехала в центральную часть, раздался привычный стук о булыжник, коим мэрия мостила лондонские улицы в респектабельных районах. Молчавший до этого Годли подал голос:

– Вы так и не рассказали, сэр, как вам удалось на него выйти.

Эберлайн загадочно улыбнулся, блеснув в темноте кареты мелкими, словно у хищного зверька, зубами.

– Но, сэр, вы ведь обещали все объяснить, – взмолился Годли, прямо-таки благоговевший перед авторитетом начальника и души в нем не чаявший.

Уж сколько раз он своим огромным телом прикрывал Фредерика от коварных выпадов убийц. Весь Скотленд-Ярд преклонялся перед феноменальными способностями инспектора в поимке преступников и разгадывании, казалось бы, совершенно запутанных и загадочных криминальных дел. Но, несомненно, большой авторитет завоевал себе Эберлайн у начальника секретной службы ее величества королевы Виктории той удивительной находчивостью, которую он проявил во время проведения так называемой “Арабской операции”. Ведя следствие по казавшемуся вначале совершенно пустяковым делу об отравлении серными спичками молодой мусульманки, случайно найденной в порту среди фруктовых ящиков, Фредерик Эберлайн вышел на распространившуюся в последнее время в Англии арабскую диаспору с Ближнего Востока. Арабы уже не раз доставляли служащим секретной службы немало хлопот, предпринимая совместно с ирландскими бандами террористические акты. И вот тогда кропотливо изучивший в ходе ведения дела обычаи и вероисповедание мусульман инспектор Скотленд-Ярда предложил захватить некоторых глав арабской общины, живших открыто, но тайно поддерживавших земляков-террористов, публично их казнить, а затем завернуть в шкуры свиней, считавшихся мусульманами нечистыми животными, к которым араб не имел права прикасаться, и публично сжечь, что также считалось мусульманами величайшим грехом. Все было исполнено именно так, как предлагал Эберлайн, и после этой казни вылазки арабских террористов немедленно прекратились. Мало того, оставшиеся в живых главы общины жителей Ближнего Востока сдали Скотленд-Ярду своих ирландских партнеров в обмен на собственную неприкосновенность. Таков был коварный и крайне изворотливый ум инспектора Фредерика Эберлайна, подобный уму маленького хитрого зверька, рыскающего в темноте в поисках добычи. После этого дела его пригласили в секретную службу, но Эберлайн отказался. Многие тогда отнесли отказ на счет скромности инспектора, выходца из низшего класса. Один лишь сержант Годли знал причину, по которой его начальник отказался от заманчивого предложения. Эберлайн прекрасно знал, что за всеми работниками секретной службы ведется тайное наблюдение, а стало быть ему не удастся держать начальство в неведении насчет своих пагубных привычек.

– Так как, сэр, вы мне объясните, каким образом у вас это получилось так ловко выйти на Джека Потрошителя? – в который уж раз спросил Годли Фредерика Эберлайна.

– Все очень просто, Годли, все очень просто, – медленно произнес инспектор, все так же загадочно улыбаясь. – Дело в том, что я старался сам убить все те жертвы, которые мы нашли. – Видя, что помощник не понял, Эберлайн счел должным пояснить свою мысль. – Я влезал в шкуру убийцы. Я старался думать, как он, выбирать и выслеживать добычу, как он, убивать, как он. Я все старался делать, как делал бы Джек Потрошитель. Вот тогда-то я и выбрал среди подозреваемых того, кто больше всех похож на меня. Теперь понятно?

Сержант испуганно посмотрел на начальника и перевел взгляд на окно кареты, освещаемое желтыми лучами газовых фонарей.

* * *

Я часто думал о том, почему я в тот день не бросился вдогонку за своей любовью. Если бы я сразу, не раздумывая, отправился вон из главного зала следом за красавицей Долорес, тетей Аделаидой и дедулей, а не мешкал, взвешивая все за и против этого смелого поступка, то, наверное, все бы в моей жизни случилось по-другому. Но я не совершил этого. Почему, спросите вы? Мне кажется, все дело в том, какие зерна заложены в нас. Эти зерна передаются из поколения в поколение, и именно они определяют, отправимся ли мы следом за любимыми и любящими нас наперекор судьбе или же останемся с равнодушными, но имеющими над нами материальную власть. В них, в этих зернах, сокрыты все наши поступки, все то, что делали наши деды и прадеды. Я только лишь добавил от себя несколько дополнительных штрихов. И если ты в своей жизни резал по ночам женщин и детей, вспарывал им животы и раскладывал на тротуаре их внутренности, чтобы посмотреть, прав ли был поэт, когда говорил, что кровь при свете полной луны кажется черной, словно траурная вуаль женщины, то это было заложено в зернах. Сын столяра из Ист-Энда никогда не войдет в аристократический салон где-нибудь в Западном Лондоне, а если и войдет, то только с одной целью – услужить. Порченые зерна не дадут плебейам из восточных окраин занять достойное место в жизни, таково мое мнение. Хотя в последние дни я склонен сомневаться в этом, особенно следя за успехами инспектора Скотленд-Ярда Фредерика Эберлайна.

Но продолжим наши воспоминания. Мои студенческие годы – это самое прекрасное время. Я всегда вспоминал о них с нескрываемой сентиментальностью. Что ж, так уж устроен человек, он всегда забывает о плохом и помнит только хорошее. И чем больше лет проходит, тем больше река времени размывает песчаный берег памяти, унося всю грязь, нанесенную иными силами. Я плохо помню то счастливое время. В памяти всплывают лишь бесконечные игры в регби, шумные диспуты в клубе, жаркие споры, веселые вылазки в город и многое, многое другое.

По обрывкам памяти я и буду восстанавливать события тех лет. Помню, что в университете возникла спонтанная мода на трости. Их носили все: от юных студентов до солидных преподавателей. Кстати, трость была не только удобным инструментом при ходьбе и предметом

шика, но и давала возможность чувствовать себя увереннее на улице. У нас частенько происходили стычки со студентами других учебных заведений, случайно забредавшими в университетскую часть Оксфорда. Уж не знаю, каким образом они оказывались в наших краях, однако же для истинного джентльмена не было более достойного занятия, нежели хорошенько отходить тростью невежду, осмелившегося здесь, в нашем присутствии, носить шейный платок или галстук другого университета. В то время мы активно враждовали с итонцами, тем более что они в последнем чемпионате университетов выиграли у нас финал по регби. Мы старательно отлавливали случайно оказавшихся на нашей территории студентов этого учебного заведения и всячески издевались над ними.

Джимбо однажды приволок за волосы одного такого юнца в помещение клуба. Мы как раз горячо спорили, следует ли проводить обструкцию очередной лекции преподавателя античной истории, столь бездарно читавшего, что мухи, случайно оказавшиеся в аудитории, тут же засыпали, услышав его противное бормотание, пересыпаемое неисчислимым количеством латинских и греческих цитат. Преподаватель настолько нам надоел, что мы хотели освистать и захлопать его очередную лекцию, как вдруг в комнату ворвался Джордж Мюррей-младший, за волосы таща за собой отчаянно барахтающегося юнца.

– Смотрите-ка, кого я выловил в нашем пруду! – гордо воскликнул он, цитируя Шекспира и подтолкнув в самый центр образованного нами круга свою жертву.

Мы все столпились вокруг пленника. Было заметно, что Джордж, прежде чем доставить его в клуб, хорошенько обработал его тростью. Сквозь порванную ткань рубашки проступали свежие кровоточащие рубцы, губы были разбиты и опухли, а из носа тоненькой струйкой стекала на слабый подбородок кровь. Штаны были порваны на коленях, куртки же или сюртука не было вовсе. Видимо, жертва потеряла часть своего гардероба в процессе битвы. Хотя битвой сие назвать было бы никак нельзя, так как Джимбо возвышался над ним почти на голову.

– Это сын торговца сукном, – объявил один из членов клуба. – Я его знаю. Его отец, богач, захотел, чтобы сын стал сэром, и отправил учиться в университет.

Пленник сидел, поджав под себя ноги, и испуганно озирался, переводя взгляд своих донельзя испуганных глаз с одного на другого. Мы же столпились вокруг него плотным кольцом, возвышаясь над ним со злорадными усмешками:

– Так, юный сэр, – притворно вежливо обратился к жертве Джордж. – Расскажите-ка, да поживее, какое учебное заведение вы представляете.

– Итон, – пискнул юнец.

– Итон! – воскликнул сэр Мюррей-младший и залился таким смехом, словно он доселе не слышал ничего более смешного. – Нет, вы только посмотрите на этого наглеца! Говорить в присутствии достойных людей таким тоном о таком учебном заведении, да еще в их же клубе, куда вы, сэр, кстати, ворвались без приглашения, – это ли не наглость?

Юнец захолопал глазами и внезапно разразился слезами.

– Стыдно, сэр, – сказал стоявший подле меня Малыш Саймон. – Вы не только не знакомы с манерами, но еще и ведете себя, как девчонка!

Эти слова натолкнули меня на неожиданную мысль. Мысль породила желание, которое заставило мои члены задрожать, а сердце – застучать в два раза быстрее обычного.

– Джентльмены, – обратился я к присутствующим, – а вам не кажется, что перед нами и есть самая настоящая девчонка?

Немногочисленные члены клуба с удивлением воззрились на меня. Джимбо, первым догадавшийся о задуманном мною развлечении, зло ухмыльнулся.

– А ведь и правда! – воскликнул он, толкая носком сапога пленника в грудь. – Вылитая девчонка! Джек прав.

– Тогда на каком же основании она носит галстук Итонского университета? – задал логичный вопрос Малыш Саймон, кивая на шею юнца, на которой болталось наглядное подтверждение того, что жертва прибыла к нам из лагеря противника.

– Думаю, нам надо устроить суд, – “здро” рассудил я.

– Да! – тут же подхватил сэр Мюррей-младший, потирая руки в предвкушении развлечения. – Это будет самый честный и справедливый суд.

Услышав из уст своего мучителя такие речи, жертва не только не обрадовалась, но скорее, наоборот, опечалилась новому повороту событий. Однако же никому не было дела до того, что думает пленник. Члены клуба быстро расставили стулья, установили трибуну, стол для судьи, напротив которого поставили скамью для подсудимого. Пару первокурсников послали в университетский паб за пивом и закусками. Предполагалось, что прения и дебаты будут долгими, а потому мы смело выделили деньги из кассы клуба на пропитание, дабы развлекаться в полное свое удовольствие.

Естественно, что я был единогласно избран судьей. Ведь это мне принадлежала замечательная идея. Джордж очень хотел быть адвокатом плененного им итонца, однако члены клуба, посоветовавшись, решили, что он не станет достойно защищать подобное ничтожество, а потому может испортить представление. После коротких дебатов Джимбо был избран обвинителем, а

адвокатом – Малыш Саймон. Мой бывший бой чрезвычайно возгордился доверенной ему ролью и даже шепнул понуро сидевшему на скамье подсудимому, что еще рано отчаиваться, у него, дескать, с судьей отличные отношения. Остальные члены клуба должны были представлять присяжных заседателей.

Да, давненько у нас не было такого замечательного представления. Как только в комнату внесли угощение, мы приступили к заседанию. Первым выступил обвинитель.

Джимбо встал у трибуны, строгий и надменный, каковым он обычно становился, когда дело касалось вещей серьезных, и начал речь. Вначале сэр Джордж Мюррей-младший коснулся недавнего проигрыша нашей команды по регби. Напомнив членам Оксфордского клуба о горечи, которую все мы испытали от победы Итонского университета, обвинитель заявил, что в Итон поступают лишь самые тупоголовые и низкородные студенты, не принятые в славные стены Оксфорда. Примером сего, пока что живым, заметил Джимбо, значительно поглядев на жертву, вжавшуюся от его взгляда в скамью, может служить пленник, недавно пойманный на территории студенческого городка.

– Не знаю, можем ли мы называть это создание человеком мужского пола! – громко произнес обвинитель. – Судя по тому, как оно себя ведет, – это женщина!

Члены клуба злобно заулюлюкали.

– Я обвиняю подсудимого по следующим пунктам, – сказал Джимбо. – Во-первых, он или, точнее, она не имела права появляться на территории величайшего из университетов мира, представляя университет противника. Во-вторых, я обвиняю подсудимого в том, что команда его университета выиграла финал у нашей команды. И в-третьих, я обвиняю подсудимого в том, что это лицо женского рода выдает себя за мужчину, мало того, за джентльмена. Я прошу суд вынести справедливое решение и примерно наказать подсудимого.

– Какое же наказание вы предлагаете? – спросил я.

– Смертную казнь! – воскликнул Мюррей-младший.

Члены клуба разразились бурными аплодисментами. Пленник закатил глаза и упал в обморок.

– Вот видите, это самая настоящая баба, – со смехом сказал Джордж, указывая на валявшегося у скамьи итонца, которого Малыш Саймон старался привести в чувство ладонью по щекам.

Как только подсудимый пришел в себя, адвокат начал защитную речь. Малыш Саймон в самых теплых красках описал безоблачное детство подсудимого, даже и не предполагавшего, что он может стать не достойным оксфордцем, а проклинаемым всеми итонцем. Отсюда адвокат сделал логический вывод, что подсудимый не виноват в том, что родители уготовили своему чаду ужасную судьбу.

– Скажите, подсудимый, вы играете в регби? – с нарочитой небрежностью спросил у жертвы Саймон.

Тот отрицательно покачал головой:

– Нет.

Джимбо тотчас же подскочил к несчастному и со всего маху закатил ему здоровенную затрещину, вновь свалившую пленного со скамьи.

– Как ты разговариваешь с представителем суда! Надо прибавлять “сэр”, – пояснил он свои действия.

Малыш Саймон, не обращая на избиение обвиняемого никакого внимания, повторил вопрос:

– Вы играете в регби?

– Нет, сэр.

– Болеее за команду Итонского университета?

– Нет, сэр.

– Вот видите, – радостным тоном заключил адвокат. – Подсудимый не имеет никакого отношения к проигрышу нашей команды. Итак, я только что сумел отмести два из трех пунктов обвинения. Мой подзащитный не виноват в том, что он учится в Итоне, и в том, что наша команда случайно проиграла в регби. К сожалению, я не могу защитить его от третьего пункта, так как он неоспорим.

Закончив выступление, Малыш Саймон под аплодисменты, более касавшиеся его театрального таланта, нежели блестящей защиты, вежливо поклонился присяжным заседателям и уселся на свое место. Настала моя очередь.

– Я думаю, что выскажу общее мнение наших дорогих присяжных заседателей, – я обвел взглядом членов клуба, – если сразу без дополнительных прений объявлю решение суда.

Члены клуба согласно закивали головами, в нетерпении ожидая, чем же закончится импровизированное судилище или, скорее, игра в суд.

– Обе стороны, и защита и обвинение, выступили блестяще. – При этих моих словах Джимбо и Малыш Саймон с учтивыми улыбками поклонились друг другу, выражая удивительное для судебных баталий взаимное уважение. – Однако защита была достаточно убедительна, чтобы мы прислушались к ее доводам.

Вы бы видели, как от этих слов ожил и встрепенулся наш пленник. Еще мгновение назад его голова безвольно висела, поддерживаемая худыми грязными руками, и вот он уже озирается кругом,

словно цыпленок, с такой же худой, как у него, шей и с такими же птичьими правами в нашем клубе. Щеки жертвы порозовели, хотя до этого он поражал окружающих почти мертвенной бледностью. Глаза заблестели, наполнившись слезами благодарности.

Все сказанное мною было сказано с умыслом. Мне хотелось подольше помучить жертву, бросая ее из крайности в крайность и доводя тем самым до исступления. Мучения, отражавшиеся на лице пленника, возбуждали меня, пусть и не с такой силой, как это было от зрелища задыхавшегося врага или же от ласк кузины Долли, но все-таки действовали весьма приятно, напоминая мне возбуждение, испытываемое на уроках алгебры.

– Я, полноправный судья, признаю доводы защиты убедительными, – продолжал я. – Смертная казнь в отношении подозреваемого отменяется!

Тут сэр Джордж Мюррей-младший театральным жестом вскинул руку и застонал, всем своим видом изображая оскорбленное правосудие. Пленник вскочил со скамьи и с радостным возгласом кинулся было в мою сторону, дабы обнять с благодарностью своего освободителя, однако двое членов клуба, игравших в команде по регби и бывших весьма крепкими юношами, ухватили его за плечи и насильно усадили обратно.

– Я еще не закончил, – строгим тоном сказал я.

– Конечно, конечно, – закивал головой итонец, изобразив на лице понимание.

– Однако последний из указанных обвинителем пунктов слишком тяжел, чтобы оставить его без внимания.

Вы бы видели, как вздрогнул пленник. Казалось, что он аж подскочил на пару футов. Его радостное выражение лица сменилось сначала недоумением, а затем испугом.

– Но, ваша честь, – мягко положив ему руку на плечо, сказал Малыш Саймон, – это ведь не такое уж и страшное преступление – выдавать себя за кого-то другого. Пол моего подсудимого может поменяться. Ведь так? – с участием обратился он к жертве.

Тот часто закивал головой. К нему тотчас же подскочил Джордж.

– А ну признайся, скотина, – заорал он в самое лицо несчастному, обрызгивая его слюной, – что ты – баба!

Несчастный пленник отшатнулся от ужасного монстра, коим ему, без сомнения, казался Джимбо, и пискнул:

– Как вам будет угодно, сэр.

– Оглашаю решение суда! – торжественно объявил я. – Подсудимый, без сомнения, является виновным в том, что выдавал себя за другого, пытаюсь ввести честных джентльменов, присутствующих здесь, в заблуждение. Так как подсудимый сам признался в преступлении, то наказание, выносимое решением суда присяжных, будет нестрогим.

Пленник, задерживавший во время моей речи дыхание, с шумом его выдохнул и облегченно обвел взглядом комнату и членов нашего достойного клуба.

– Каково же ваше решение, ваша честь? – чуть не хором спросили меня обвинитель и защитник.

– Наказание розгами! Сорок ударов!

Члены клуба вскочили, громко аплодируя моему решению и столь блестяще завершенному суду.

– Нет-нет, не надо, – взмолился плачущий пленник, но двое членов, те самые, которые играли со мной в команде, подхватили его за руки и кинули лицом вниз на скамью.

Несчастный итонец сильно ударился о сиденье и застонал. Малыш Саймон тотчас подскочил к нему и ловко связал под сиденьем руки. Затем он так же ловко связал заранее приготовленной веревкой ноги несчастного таким образом, что тот не мог уже пошевелиться, а лишь только плакал и стонал, моля нас о пощаде, но его никто не слушал. Джимбо смотал из своего большого и не слишком чистого носового платка кляп, который засунул в рот пленнику, после чего осторожно стянул с него штаны.

Столпившимся вокруг членам клуба открылись белоснежные ягодицы.

– Настоящая женская попа, – с видом знатока заявил сэр Джордж Мюррей-младший.

Ко мне подошел Малыш Саймон, неся на руках, словно шапки, несколько розг. Я принялся тщательно выбирать ту, которой буду наказывать несчастного, изредка бросая в его сторону косые взгляды. Пленник затих, со страхом ожидая начала порки, и, дрожа всем телом, следил, как я со свистом рассекал воздух розгой, как гнул ее в руках, проверяя гибкость и одновременно прочность лозы. Наконец, выбрав подходящую, я неторопливо подошел, примерился и с силой опустил розгу на белые ягодицы, тут же обгравившиеся кровью. Пленник взвыл от резкой боли и невыносимого унижения. Члены клуба разом выдохнули, следя за каждым моим движением.

Люди любят смотреть на мучения других. Хотя никто никогда не признается в этом, однако каждый из нас, знакомый с грамотой, хоть раз да заглядывал в запретные издания работ де Сада, млея от возбуждения. И я, стоя рядом с остальными членами клуба, тоже млеял, втайне радуясь, что придумал такое замечательное развлечение.

Вечером того же дня Джимбо зашел ко мне. Я валялся на кровати и заново переживал то, что произошло сегодня в клубе.

Поинтересовавшись, не занят ли я чем-нибудь важным, Джимбо уселся в кресло и закурил сигару. Я поигрывал в воздухе тростью, ожидая, что же скажет мой приятель. Тот долгое время хранил молчание и, как и подобает истинному джентльмену, пускал клубы дыма, но затем внимательно посмотрел на меня и через силу засмеялся:

– Да, Джек, здорово мы повеселились.

– Здорово, – согласился я, ожидая, чем же закончится внезапный приход сэра Джорджа Мюррея-младшего.

И тот продолжил:

– А ты это ловко придумал. С наказанием. Да. А попа у него и вправду женская. Ты хорошо запер комнату?

– Да.

Дело в том, что мы не стали пока что отпускать нашего пленника, пару раз падавшего в обморок от боли. Я распорядился, чтобы Малыш Саймон накрыл его зад смоченной в воде тряпкой. Так делали наказанные ученики, чтобы спала опухоль и на зад можно было садиться. Так наш итонец и лежал на скамье связанный, с кляпом во рту и с мокрой тряпкой на заднице. Теперь же Джимбо, который еще с самого начала суда подумал о том же, о чем и я, пришел ко мне с этой идеей, так внезапно пронзившей мой мозг, едва он произнес: “Вы не только не знакомы с манерами, но еще и ведете себя, как девчонка!”

Джордж еще немного помялся и под моим взглядом, а как вы помните, я стал влиять на него, предложил:

– У него действительно задница женская. Давай попользуем его.

Есть ли нужда объяснять, что означало это “попользуем”? Тот, кто учился в закрытом отдельном университете, знал, сколь сильны там гомосексуальные традиции. Часто старшие склонялись к сожительству младших насильно. Подобное поведение и называлось “попользовать”. Иногда строптивного боя, который к тому же в чем-либо провинился перед хозяином, пользовал не только сам хозяин, но и его друзья, по тем или иным причинам желавшие гомосексуальных связей с применением жестокости.

Сам же я еще ни разу не имел мальчика. Один раз меня ласкал Малыш Саймон, но это не было сделано с ним насильно, а скорее из обоюдного любопытства. Теперь же Джимбо предлагал мне попользовать совершенно незнакомого юнца, причем сделать это вдвоем, что еще больше возбуждало мое любопытство. Я считал тогда, считаю и сейчас, что есть люди, которым необходимо все попробовать, все испытать в жизни. Поэтому я согласился с предложением приятеля. Мы тут же отправились в комнату, где проводились заседания Большого оксфордского клуба. Юнец лежал на том же месте, на котором мы его оставили, и, видимо, спал, потому что, когда мы вошли, он, повернув голову и взглянув на нас, не сразу сообразил, где находится. Лишь только когда Джимбо, совершенно не смущаясь меня, приспустил штаны, пристроился к нему сзади и откинул мокрую тряпку, несчастный начал умолять не делать этого. Я пригнулся к лицу пленника и пообещал, что после этого мы его отпустим, и юнец притих, только тихо постанывал.

Мы попользовали пленника. Это было интересно, но не так, как было с кузиной Долли. Лишь возбуждение от ощущения чего-то нового скрасило половой акт. Затем я немного поговорил с ним, прежде чем отпустить на все четыре стороны.

– Послушай, если ты кому-нибудь расскажешь о том, что здесь с тобой было, мы все станем отрицать, – сказал я юнцу на прощание. – Нас много, и все мы будем утверждать, что ничего не было и ты на нас наговариваешь. Когда столько человек одновременно отрицают то, что утверждает один, ему не верят. К тому же ты прославишься. Поверь, никто не захочет дружить с человеком, которого сначала выпороли, а затем еще и попользовали. Думаю, тебе лучше молчать, иначе у тебя на всю жизнь будет клеймо. Ты все понял? А теперь можешь идти.

Итонец никому ничего не рассказал. Такого позора он не вынес бы. Что ж, это было даже к лучшему, решили мы с Джимбо. Бедняга проглотил обиду. Таков удел слабых и безвольных.

Только не подумайте, что я гомосексуалист. Признаюсь, мне не понравилось иметь мальчишку. В этом не было ничего приятного. Напротив, я ощущал себя кем-то другим. Гораздо приятнее было ожидать этого, нежели делать.

После этого я уже ни разу не пользовал мужчину. Зато мы с Джимбо частенько посещали полуподпольный публичный дом, стоявший чуть поодаль университетского городка, в Оксфорде. О нем знали все жители, но никто не требовал закрыть заведение, так как все понимали, что молодежи, которая учится в университете, просто необходимо изредка выпускать пар, как образно выражался мой дедуля. Дело в том, что разрешенные в больших городах типа Лондона публичные дома имели страшную репутацию в таких тихих заведениях, коей являлся Оксфорд, поэтому жители подобных маленьких городков единодушно требовали закрытия заведений.

Проститутки, обслуживавшие нас в подпольном публичном доме, имели довольно потасканный вид, но что это значило, когда твоя юношеская гиперсексуальность требовала немедленного выхода. Мы приятно проводили время, постоянно требуя у мадам распорядительницы заведения новеньких девушек. Там же, в публичном доме, ожидая, когда подадут шампанское, сидя на плюшевом диване и беспечно пролистывая свежую газету, я натолкнулся на заметку, привлекающую мое внимание знакомым названием, вынесенным в заголовок. Я тогда учился уже на последнем курсе. В заметке говорилось о том, что в Суссексе, недалеко от деревни Фулворт, в поместье известного аристократа и филантропа сгорела усадьба. Во время пожара погибли все обитатели усадьбы, в том числе сэр Чарльз с супругой. Полиция не исключает умышленный поджог.

Я несколько раз перечитал заметку, и лишь тогда до меня дошло, что сгорели мои родители. Я тут же выскочил наружу, поймал кеб и помчался на вокзал. Лишь на следующий день я прибыл в родовое гнездо, увидев то, что от него осталось. Полиция и пожарные уже разобрали завал. Погуляв по пепелищу, я с тяжелым сердцем возвратился в Оксфорд. Так я стал единственным владельцем значительного состояния, носителем титула, а также, что было немаловажно, я стал совершенно свободен и мог распоряжаться собственной жизнью как вздумается. Не то чтобы я очень уж сокрушался по поводу потери родителей. Как я описывал выше, они слишком старались влиять на мою личную жизнь, не имея на то никаких оснований. Они не были ни умны, ни добры, единственной их заслугой было родить и вырастить меня, что они и сделали. Думаю, что едва лишь их миссия исчерпала себя, как они тотчас же были отправлены Провидением на тот свет. И чем больше я об этом думаю, тем ясней прихожу к выводу, что Провидение само вело меня все эти годы, отводя от подводных камней реальной жизни, давая уроки на ошибках других и старательно ведя туда, куда я, в конце концов, и пришел.

Когда обо мне писали в “Таймс”, то, стараясь выразить мнение большинства англичан, выражались в том духе, что “Джек Потрошитель – это продукт нашего времени, продукт общества, взрастившего Джека Потрошителя, и то, что случилось с бедными женщинами, является национальным бедствием. Ведь если отбросить профессию, которой жертвы зарабатывали себе кусок хлеба, то получается, что один человек терроризировал огромный город успешней, нежели профессиональные бомбисты из числа ирландцев и мусульман-арабов”. Это дословная выдержка из “Таймс”, газеты во всех отношениях благонаправленной. Какого черта! Журналисты беспрестанно вопили: “Что случилось с миром!” А я отвечаю: “Ничего не случилось! Случился Я!” Разве вам этого мало?

И вот вам пример из жизни.

Когда я вернулся в Оксфорд, старина Джордж, дабы отвлечь меня от горестных мыслей о потере родителей, уговорил меня отправиться вместе с ним в публичный дом. Мы приехали туда поздним вечером, было, кажется, часов около одиннадцати. Едва я вошел в просторный холл, как ко мне с соболезнованиями подошла мадам, хотя в сочувствии этой старой карги я нуждался в тот момент меньше всего. Желая отделаться от нее как можно скорее, я спросил, по своему обыкновению, имеются ли новые девочки.

– Да-да, – скороговоркой затараторила мадам, увлекая меня под своды своего заведения, увешанного плюшевыми занавесками на альковах и с бархатными подушечками на диванах. – Как раз вчера к нам поступила на работу новая девочка. Это нечто! – При этих словах морщинистое лицо мадам растянулось в подобие улыбки. – Прошу вас, сэр Джек, посидите пока на диване, а я распоряджусь, чтобы к вам пришла новенькая. Не желаете ли шампанского? – как бы между прочим поинтересовалась она, безбожно называя “Клико” ту бурду, которую подносили гостям и от которой пожилых посетителей всю ночь мучила изжога.

Мы с Джорджем решительно отказались от шампанского и уселись в ожидании девочек. Вскоре старину Джимбо увела в комнаты его старинная подружка Сара, носатая еврейка, про которую Джордж говорил, что она умеет проделывать такое, чего никто из профессионалок не делал. Правильно мне говорил старикан во время наших далеких прогулок вдоль морского берега, что если хочешь завести опытную любовницу, с которой ты никогда не соскучишься, то ищи еврейку. Старикан был, как всегда, прав.

Наконец портьера, закрывавшая вход в коридор с комнатами девочек, заколыхалась. Я лениво глянул в ту сторону и остолбенел от неожиданности. Передо мной стояла кузина Долорес. Она повзрослела, еще более вытянулась и, несомненно, похорошела. Правда, ее сильно портило обилие краски, которую проститутки и плотоядные старички так любят наносить на лица, стараясь скрыть раннее увядание. Да и платье, скорее напоминавшее ночную рубашку, делало вид Долли слишком вызывающим, но все же это была она, моя первая любовь.

Долорес села на диван подле меня и нежно провела тыльной стороной руки по моей щеке.

– Здравствуй, Джек.

После она рассказала мне все, что случилось с дедулей и с тетужкой Аделаидой. Я сокрущенно покачал головой.

– Мои родители тоже... – начал было я, но Долли перебила меня, сказав:

– Я знаю.

Ее выразительные серые глаза гордо блеснули в свете множества свечей, которыми мадам

освещала заведение, и тут меня поразила страшная догадка, что предположение суссекской полиции о поджоге было сделано неспроста. Стараясь ничем не выдать свое волнение, я спросил:

– Тебе нравится положение, в котором ты сейчас?

Кузина испытующе посмотрела на меня и помолчала, прежде чем ответить:

– Думаю, ответ ты знаешь наперед.

– Не хотела б ты уйти отсюда прямо сейчас? Со мной. Давай я тебя увезу, – искренним тоном предложил я. – Я люблю тебя, Долли!

В эту минуту я напоминал себе юного глупого подростка, готового любить весь мир, каков бы он ни был.

Долорес еще раз посмотрела мне в глаза и согласно кивнула головой, бросив опасливый взгляд на неподвижные портьеры.

– Тогда собирай вещи и жди меня. Я все приготовлю и приеду за тобой, – пообещал я и, не давая кузине опомниться, выскочил в холл.

Даже старые испитые проститутки продолжают сентиментально верить в принца, который увезет их прочь от этой грязи, вечно пьяных потных мужчин, меняющихся в калейдоскопе публичного дома, от утренней скуки с ленивым переругиванием с подругами, норовящими усесться за столом на твое законное место. Все верят в лучшее, поэтому Долорес было так легко уговорить.

Одолжить старенький дилижанс у владельца паба, в котором мы постоянно заказывали пиво, не составляло особого труда. Две гинеи послужили хорошим задатком. Затем я съездил к кладбищу, около которого стояло наше прежнее пристанище – сарай под названием “Ученый погост”, бывшее место проведения заседаний Малого оксфордского клуба. Ныне же никто не осмеливался посещать это ветхое сооружение, так как среди учеников и студентов Оксфорда была популярна история о студенте-висельнике, чей дух по ночам появлялся в сарае и предлагал смельчакам, заходившим туда, дабы пощекотать себе нервы, сыграть в игру “виселица”.

Убедившись, что сарай пуст и надежно закрыт на замок, ключ от которого все еще хранился между досками в щели, я направил дилижанс к публичному дому. Едва лишь я переступил порог заведения, как мадам подскочила ко мне и предложила отойти для важного разговора.

– Что вам угодно? – вежливо спросил я, стараясь изображать перед старой каргой полную покорность судьбе, так как согласно плану это было мне необходимо.

– Сэр, – прошепелявила карга, – вы наш постоянный гость, наши девочки всегда рады вам, вы никого ни разу не обидели, вы даже напоминаете мне моего мальчика.

При упоминании сына содержательницы борделя, полоумного, рахитичного, недоразвитого во всех отношениях ребенка, умершего пару лет назад от чахотки, я передернулся. Сравнение было явно неуместным, однако же мадам продолжала, пристально глядя на меня своим липким взглядом:

– Юный сэр ведь не станет отвергать тот факт, что он приехал в дилижансе, рассчитанном не на него одного?

Я молча кивнул головой. Несмотря на то что мадам начала издалека, я прекрасно понимал, к чему она клонит.

– И юный сэр не станет также утверждать, что новая девочка, которая уже собрала вещи и сидит сейчас запертая и под присмотром в надежном месте, является ему близкой знакомой?

Снова кивок. Я – хищник, я должен быть осторожным, умным, ловким и ни в коем случае не показывать, что я таковым являюсь.

– А раз так, то юный сэр поймет, что одинокой женщине так трудно в этом мире, – решительным тоном заявила мадам, – а за Долорес, это прекраснейшее создание, которое должно стать звездой моего заведения и принести немалую прибыль, я уже заплатила. И вы, сэр, как истинный джентльмен, обязаны возместить мне ущерб, раз уж вы хотите забрать у меня мое сокровище.

Если бы у меня не было плана, пришедшего мне в голову в тот самый момент, когда я догадался, сидя на плюшевом диване, что Долли, моя красавица Долли, не только стала проституткой, но и причастна к гибели родителей, я бы не стал разговаривать со старой каргой, а, хорошенько отлупив ее, выбил бы из ее уст признание, где содержательница борделя прячет кузину. Но тогда мадам подняла бы шум, а это было чревато последствиями. Поэтому я молча положил в протянутую старушечью ладонь две гинеи и спокойно направился в холл, где, усевшись на диване, принялся ждать Долли. Не прошло и двух минут, как мадам сама привела ее ко мне. Я взял девушку под руку и с достоинством удалился из публичного дома.

Долорес сидела в дилижансе, я на козлах правил лошадыми, мы катили по ночным улицам, копыта цокали о мостовую, а мне слышалась в этом звуке мелодия похоронного марша. Вскоре дилижанс остановился около сарая. Долли осторожно выглянула из окна.

– Где мы? Что это за место? – с тревогой в голосе тихо спросила она меня, когда я спустился с козел и принялся вытаскивать ее большой узел с вещами.

– Это “Ученый погост”. Рядом с кладбищем. То место, где тебя не станут искать.

– Ты разве обманул мадам? – удивилась, опираясь на подставленную мной галантно руку и выходя из дилижанса, Долорес. – Не дал ей денег?

– Нет, – соврал я.

Мы вошли в сарай. Я зажег заранее припасенную свечу и приказал кухне:

– Раздевайся.

Она тут же повиновалась мне. Едва лишь сорочка спала с ее прекрасного тела, как я набросился на нее, словно изголодавшийся зверь. Мы сплелись в объятиях. Удивительно, но меня настолько сильно возбудило сознание того, что я занимаюсь любовью с женщиной, которая через некоторое время будет мертва, что я повторял акт раз за разом, не в силах остановиться, пока наконец кухня из последних сил не спихнула меня с себя. Только тогда я встал, отряхнулся, собрал всю одежду и вышел из сарая, оставив бессильно лежавшую Долли. Плотной закрыв дверь сарая, я быстро оделся, перетряхнул узел с вещами и, не найдя в них ничего, что не смогло бы сгореть, свалил вместе с одеждой у стены “Ученого погоста”.

– Джек, что ты там делаешь? – раздался из-за дверей слабый голос Долорес.

Я поджег сложенное заранее у дверей в охапку сено и только тогда ответил:

– Собираюсь тебя убить так же, как ты убила моих родителей.

Недолгую тишину прорезал глухой крик:

– Джек, милый, что ты делаешь? Джек, я не виновата. Джек, ты же меня любишь. Выпусти меня.

Джек, они сами виноваты. Они убили мою мать. Они убили сэра Джейкоба. Джек, из-за твоих родителей я стала падшей женщиной. – Видимо, кухня припала губами к дверной щели, так как ее голос стал намного отчетливее. – Джек, я должна была так поступить. За что ты меня убиваешь?

– Тогда ты понимаешь меня, – просто ответил я. – Я тоже должен так поступить. Я всегда буду помнить тебя, Долорес, любовь моя.

Долли хотела что-то сказать, но тут дым попал ей в рот, и она глухо закашлялась. Через некоторое время вновь раздался ее милый голос:

– Помогите! Пожар!

Но я-то знал, что ночью здесь никого не бывает, тем более что сам “Ученый погост” со своей репутацией способен отпугнуть кого угодно. Пожар разгорался все сильнее. Лошади, стоявшие рядом, зафыркали и затрясли мордами, выражая недовольство от близости огненной стихии. Я взял их под уздцы и отвел подальше на дорогу, откуда наблюдал за гибелью своей первой любви. Вскоре крыша рухнула, погребя под собой Долорес. Дождавшись, пока сарай не развалится на множество огненных кусков, я уселся на место кучера и неторопливо направился в паб, чтобы вернуть дилижанс.

Долорес никто не искал. Полиция, осмотрев место пожара, пришла к выводу, что, скорее всего, какой-нибудь пьянчужка сгорел по собственной неосторожности.

Прошло полгода, и я окончил Оксфорд. Я был молод, и передо мной открывался весь мир.

Часть вторая

Глава первая

К полуночи паб “Шальной эсквайр” был забит посетителями до отказа. Так всегда было в это время. Мальчишки, работавшие в пабе и разносившие посетителям пиво и нехитрую еду, кое-как состряпанную Одноглазой Мери, без усталости бегали по залу. Лишь к утру они начнут уставать и спотыкаться, но сейчас дети еще полны сил. В пабе было так накурено, что пронесившиеся с подносами в руках мальчишки, казалось, разрезали своими телами задымленный воздух, струившийся по залу клубами. Ярчайшие представители лондонского района Уайтчепл, те самые отбросы общества, которыми интересовалась лишь полиция, были неизменными посетителями этого заведения. Паб “Шальной эсквайр” находился как раз посреди района на Кливленд-стрит, поэтому в него любили захаживать проститутки, замерзавшие на улице и желавшие пропустить по стаканчику грога, сутенеры, периодически выходившие из паба за сбором денег с жриц любви, воры, караулившие клиентов побогаче, пьянчужки, нищие, те, кто не сумел выколотить за день из проходящих мимо прохожих приличное подаяние и, стало быть, не мог рассчитывать на ужин в приличном заведении.

В углу у окна, рядом с засохшим, казалось бы, еще сто лет назад фикусом сидел невысокого роста мужчина и, покуривая толстую сигару, поглядывал на посетителей. Котелок скрывал верхнюю половину его лица, нижнюю половину прикрывала рука в перчатке, придерживающая сигару. Видны были только глаза посетителя, маленькие, темно-карие и чрезвычайно подвижные, словно бы представлявшие собой отдельные живые существа. Они беспрестанно двигались, перебегая от одного посетителя к другому, казалось, обшаривая его, обнюхивая и перебираясь на следующего. Перед посетителем стояла большая кружка пива, которую он изредка подносил к тонким губам, предварительно вынув изо рта сигару. Тогда-то и можно было заметить на подбородке мужчины красноватый, видимо, полученный совсем недавно шрам, пересекавший наискось нижнюю часть подбородка и уходивший к горлу. Там шрам сливался с узорным изображением саламандры, вытатуированной давным-давно в далеком Китае одним умельцем. Ярко-красный хвост саламандры переплетался с красным шрамом, образуя дополнительный узор. Морда саламандры, наколотая

зеленой тушью, начиналась прямо за ухом посетителя. Казалось, будто она нашептывает что-то своему хозяину.

Посетителя паба “Шальной эсквайр” звали Джимом Мак Кинси, но жителям Уайтчепла он был более известен под кличкой Хитрый Шотландец или же просто для краткости Шотландец. Это был, пожалуй, самый знаменитый сутенер в нынешнем Лондоне. Именно его девушек убивал Джек Потрошитель. Шотландца часто таскали в Скотленд-Ярд, где его подолгу допрашивал инспектор Эберлайн. Затем о нем пронюхали журналисты и валом повалили в “Шального эсквайра”, дабы взять интервью у сутенера, с чьими девушками по-зверски обошелся знаменитый серийный убийца. Однажды, позарившись на обещанные “Дейли кроникл” деньги, Шотландец пообщался с одним из пишущих пройдох, не преминув в конце статьи объявить, что начинает личную охоту на Джека Потрошителя. На следующее утро газета вышла в свет, а той же ночью неизвестный напал на Шотландца и попытался перерезать ему горло. Шустрый сутенер, побывавший несколько раз в тюрьме и славившийся тем, что никому не давал спуска, еле унес ноги от нападавшего, старательно прикрывая израненные горло и подбородок руками. Ему пришлось бы худо, так как незнакомец, напавший на него, был не из тех, кто бросает добычу, но, удирая, Шотландец умудрился запутать того в многочисленных проулках, кои он за время обхода девочек успел исследовать вдоль и поперек.

Беспреданно бегавшие глаза Хитрого Шотландца остановились на только что вошедшем и беспомощно озиравшемся вокруг маленьком юрком человечке в золоченом пенсне и клетчатом пальто, таком длинном, что оно доходило ему до пят. Шотландец поднял руку, помахал коротышке и тотчас же снова прикрывшись. Едва обладатель золоченого пенсне, увидеть которое в этом районе Лондона можно было столь же редко, как гуляющего слона, уселся напротив сутенера, как к нему подскочил мальчик с кружкой пива в руках. Коротышка отрицательно замахал рукой, отчего мальчику стал хорошо виден перстень на мизинце с изображенными на черном фоне угольником и циркулем, символами масонов.

– Нашли его? – деловито спросил Хитрый Шотландец у коротышки.

Тот часто закивал головой. Коротышка был весьма известным в преступных кругах Лондона адвокатом, часто защищавшим в суде интересы сидевшего напротив сутенера.

– Да. Только поторопитесь, на него уже успел выйти наш общий знакомый, инспектор Эберлайн.

Сутенер хмыкнул.

– Фрэд знает свое дело, – сказал он с той фамильярностью, которую никогда бы не допустил в разговоре с инспектором Эберлайном, находясь с ним лицом к лицу – Так где же он обитает?

Коротышка покачал головой, всем своим видом давая понять, что ни на дюйм не доверяет сутенеру. Тот снова хмыкнул и, достав из кармана пачку банкнот с изображением королевы Виктории, положил их на стол перед адвокатом. Пачка в тот же миг, словно по волшебству, исчезла в объемистых карманах длинного пальто коротышки.

– Особняк на Литтл-Райдер-стрит. Только имей в виду, там стоит констебль.

Шотландец испытующе посмотрел на адвоката:

– Ты уверен, что это он?

– Я? Нет, – неожиданно ответил носитель пенсне. – Я же адвокат, я никогда ни в чем не уверен, кроме собственного гонорара. А вот инспектор Эберлайн уверен. Поэтому он поставил констебля следить за особняком, а сам со своим жирным помощником отправился к главе Скотленд-Ярда за разрешением на арест. Правда, его помощник много болтает, а некоторые констебли хорошо слушают. Так что информация, как говорится, из первых рук.

– Похоже, этот Джек Потрошитель большая шишка, раз Фрэд поехал сначала за разрешением, – заключил сутенер.

Адвокат ушел, а следом за ним вышел и сам Хитрый Шотландец.

* * *

Все люди моего круга после окончания университетов отправляются в путешествие. Желание увидеть мир было и у меня. Обычно юные джентльмены отправлялись в континентальную Европу, объезжая страну за страной, пока не добирались до воспетой лордом Байроном Греции, где их путешествие заканчивалось. Обрато они добирались до Англии водным путем, огибая Средиземное море и проплывая берегами Атлантического океана мимо Испании и Франции, изредка высаживаясь около самых живописных руин.

Что ж, это неплохое времяпрепровождение, однако оно было не для меня. Я предпочел то, о чем мне с таким восторгом рассказывали в свое время кузина Долорес и тетя Аделаида. Я жаждал путешествия в далекую и экзотическую Индию. А еще далее этой замечательной страны лежал удивительный и загадочный Китай, о котором я столько слышал, но ни разу не общался хотя бы с одним человеком, побывавшим там.

Мы, англичане, исстари являемся путешественниками, нас влечет неизведанное, нам необходим соленый морской воздух, этот неизменный спутник путешествий. Открывать далекие

страны, бывать там, где ранее не был никто, – это у нас, англичан, в крови. И вот, в течение года окончив все дела, которые накопились вследствие передачи наследства, а также получив официальные геральдические бумаги на право ношения титула, я добрался в дилижансе до Бристоля, откуда отплыл, подобно героям Стивенсона, в поисках приключений.

Итак, я отплыл на корабле ранним утром осенью 1878 года от Рождества Христова. Пересекши Ла-Манш, я высадился на берег и нанял дилижанс, который отвез меня в сердце Франции, Париж. Следует начинать постепенно, говорил я себе, фланируя по улицам французской столицы и любуясь ее достопримечательностями. Сначала мне хотелось испытать привкус порока и фривольности, который, по словам моих университетских приятелей, успевших съездить в Париж во время каникул, так и витал над этим городом. Надо отметить, начало было весьма удачным. Я посетил всемирно знаменитый “Мулен Руж”, где имел удовольствие полюбоваться на вызывающе вульгарный, но тем не менее обворожительный кордебалет, составляющий главное действующее лицо этого прославленного кабаре. Удивительно, но, как мне пояснил соотечественник, случайно оказавшийся рядом, канкан, танец с вызывающими движениями ног, закидываемых танцовщицами аж до головы, французы привезли из своей африканской колонии Алжир, где его танцевали грязные крестьянки во время празднования окончания сбора урожая. Сами девушки-танцовщицы, столь грациозные на сцене, при близком знакомстве оказались развязны, пошловаты и жадны, отчего знакомство продолжалось недолго. Я побывал также в опере, в которой принято слушать более соседей, представителей аристократических фамилий и знаменитостей, имевших абонемент в соседнюю ложу, нежели певцов, сплошь итальянцев. Оперу посещали в основном мои соотечественники, прибывшие в Париж, как и я, в надежде развеяться. Многие из них, наслышанные о знаменитом карнавале в Венеции, собирались после Франции посетить Италию.

Поход в увеселительный парк Фоли-Бержер не произвел на меня никакого впечатления. Я искал возбуждения, искал чего-то, что могло затронуть струны моей души столь тонко, что я вначале и не заметил бы этого нажима, который все более усиливался бы, пока не вызвал подобие оргазма, потрясающего нервы и туманящего мозг. Вот тогда, возможно, я не счел излишним предаться близости даже с продажными женщинами, во множестве гулявшими в зимнем саду Фоли-Бержер. Но, увы, то, чего я искал, лежало совсем по другую сторону земного шара, отнюдь не в Париже. Здесь же я столкнулся с раздутым чванством, гордостью и тщеславием, непонятно чем питающимся, и конечно же пошлостью и вульгарным времяпрепровождением. Так что мнение моих соотечественников, считающих французов недалекими, грубыми и падкими на низменные удовольствия, полностью подтвердилось. Удивительно, но именно в зимнем саду Фоли-Бержер я столкнулся с тем фактом, что приличных парижанок невозможно было отличить от продажных женщин. И те, и другие одевались с открытостью, свойственной женщинам, привыкшим вызывать плотские желания. Парижанки, впрочем, как и остальные француженки, имели внешность, к которой у меня не лежала душа. Они были чернявы, носаты и излишне жеманны. В общении они беспрестанно кокетничали, так что было совершенно непонятно, то ли они флиртуют, то ли готовы сразу отдаться за деньги.

Кульминацией стало ночное кружение в фиакре по Елисейским полям. Сотни парижан, выбравших осенним вечером этот способ досуга, сидели с гордым видом в своих фиакрах и, подобно мне, беспрестанно кружили по залитому бесчисленными огнями бульвару взад-вперед. Это была самая настоящая ярмарка тщеславия со своими звездами, разряженными в самое дорогое, что у них есть, и сидевшими в роскошных фиакрах, колясках и каретах, и со своими аутсайдерами, взиравшими с тротуаров на бесплатное театрализованное действо. Мой экипаж, стиснутый со всех сторон другими фиакрами, двигался вдоль Елисейских полей, с трудом рассекая тяжелый воздух, напоенный потом, женскими духами и старческими притирками, не оставлявшими места чистому кислороду.

Таков был истинный Париж, город продажных женщин, дешевых развлечений и низменных удовольствий, где в открытых с раннего утра кафе содержанки между первой и второй чашками кофе сообщают своим “попечителям”, в котором часу они готовы их принять в свои объятия. Взяв с Парижа свою дань, я отправился далее.

Путь мой лежал в Италию. Не собираясь нигде особенно задерживаться, я хотел лишь полюбоваться знаменитым венецианским карнавалом, который хвалили встретившиеся в Париже знакомые. Там-то со мной и произошло маленькое приключение, разнообразившее начавшее уже приедаться путешествие.

Карнавал в городе, погруженном в море и, как считают тамошние жители, постепенно в него уходящем, начинался с красочной гонки местных гребцов на своих узких смешных лодках, именуемых гондолами, по многочисленным каналам. Увешанные гирляндами цветов и ярко раскрашенные гондолы представляли различные части этого некогда вольного города, в которых обосновались отдельные цехи ремесленников, ныне совершенно утративших свои навыки, но оставивших за собой право иметь гербы, флаги и глав гильдий. Я стоял на балконе у здания ратуши и с интересом наблюдал за приближавшимися лодками, управляемыми с необычайной ловкостью юными гребцами, когда мое внимание привлекла удивительно красивая женщина, с чувством болеющая за одну из гондол с балкона. Ее непосредственность и открытое благоволение к участнику были столь обворожительны, что я невольно залюбовался ею. Итальянка, а не было никакого сомнения, что

женщина была местной жительницей, была чрезвычайно привлекательна. Огромная копна густых черных волос, затейливо уложенных в тугий узел под костяным гребнем с вставленным в него опалом, оливкового цвета кожа на открытых по локоть руках и крупной груди, поддерживаемой низким корсетом, тонкие пальчики, миндалевидный разрез темных загадочных глаз, пухлые губки, высокие скулы, маленький носик с неременной горбинкой – все это выдавало в женщине правнучку прославленных римских легионеров, покорителей половины мира. Легкое белое платье прекрасно подчеркивало узкую талию, большую грудь и длинную шею женщины. Заметив краем глаза мой интерес к ее персоне, незнакомка не ушла с балкона, как это сделала бы англичанка, и не принялась строить глазки, как непременно бы поступила француженка, а продолжала следить за гонкой, уже практически приблизившейся к своему финишу – водному заливу перед ратушей. Уже через секунду она совершенно забыла о моем присутствии и с жаром принялась аплодировать и подбадривать гонщиков вместе с остальными.

Гонка закончилась явно не в пользу гондольера, за которого столь горячо болела очаровательная незнакомка. Как только одетый в костюм придворного шестнадцатого века глашатай объявил победителя, женщина выругалась по-итальянски, повернулась ко мне и в упор на меня посмотрела. Я счел должным поклониться и извиниться перед ней за то, что так бесцеремонно разглядывал ее все это время. Высокомерно оглядев меня с ног до головы, незнакомка разжала свои полные губки и томно произнесла:

– Англичанин!

Я счел должным еще раз извиниться и уйти с балкона, но едва лишь моя нога ступила на ступеньку, ведущую вниз, как незнакомка легонько хлопнула меня по плечу своим изящным веером.

– Сэр англичанин, – со смешным акцентом, коверкая слова, произнесла она. – Не так-то вежливо с вашей стороны бросить меня, унеся мое сердце.

Честно говоря, я не совсем понял, что подразумевала прелестная незнакомка, говоря об унесенном сердце, однако догадался, что сумел ее заинтересовать. Опершись о подставленную мной руку, она сошла с балкона и проследовала в большой зал первого этажа, где играл оркестр и стояли во множестве небольшие столики. Едва мы уселись за один из них, как к нам подскочил официант и с услужливым выражением на лице обратился к моей спутнице с некоей итальянской скороговоркой, более походившей на тарабарщину, нежели на человеческую речь. Помню, в тот момент я подумал: “Неужели на этом языке говорил великий Данте?” Несмотря на то, что официант тараторил без устали, я сумел разобрать, что обращался он к незнакомке исключительно “синьора графиня”. Что ж, хотя бы моя спутница не была одной из падких до денег продажных женщин, коих в Италии оказалось даже больше, чем во Франции. Хотя, насколько я слышан, в Италии титулы раздаются направо и налево, а потому доверять такому обращению было непростительно. Правда, при упоминании официантом слова “графиня” женщина шикнула на него, скосив глаза в мою сторону, что говорило в пользу ее высокородности.

Вскоре убежавший прочь официант вернулся и поставил на столик заказанный графиней лимонад в большом стеклянном кувшине и большую плетеную корзину с фруктами. Я, с позволения незнакомки, уселся подле нее, и мы принялись оживленно болтать, наслаждаясь прохладным лимонадом и спелыми сочными фруктами. Графиня оказалась прекрасной собеседницей, умевшей и желавшей поддерживать разговор в легком непринужденном тоне, ни к чему не обязывающем и приятном. Похоже, решил я, у меня назревал увлекательный роман.

И точно, синьора графиня, несмотря на все мои настойчивые уговоры, наотрез отказалась назвать свое имя.

– Если тебе так угодно называть меня как-то, то пускай мое имя будет Коломбина, – весело смеясь и показывая мне ровные белые зубы, заявила она. – Надеюсь, ты понимаешь, что я – замужня дама, которая не хотела бы запятнать свою репутацию?

Я счел этот довод убедительным.

– Итак, графиня Коломбина, – обратился я к ней, – каковы же ваши планы на сегодняшний вечер?

– О! – воскликнула незнакомка, услышав, что я обращаюсь к ней с приставкой титула. Какая еще графиня? Нет-нет, ты что-то путаешь, дружок. Мои планы? Веселиться! Ведь сегодня ночь карнавала. Боже, Иисус Мария! – тут же всплеснула она руками. – У тебя же нет костюма.

И, оставив на столе недопитый лимонад и фрукты, графиня с присущей южанкам импульсивностью схватила меня под руку и чуть не силком поволокла в большое ателье напротив. Только после многочисленных примерок и уговоров я выбрал себе подходящий костюм. Если быть откровенным, каким я и хочу выглядеть в этих записках, я предпочел бы костюм Пьеро. Мне казалось, что мой характер и моя английская флегма лучше всего подходят для этого образа. Однако графиня настояла, чтобы я натянул на себя клетчатый костюм неизменного спутника и постоянного соперника Пьеро – веселого Арлекина. Костюм был чрезвычайно тесен, обтягивал мои чресла, но незнакомка утверждала, что он мне очень идет, к тому же хорошо подчеркивает прекрасную юношескую фигуру. Графиня так увивалась вокруг меня, когда я мерил костюм, постоянно поправляя его, что я без конца чувствовал ее пальцы, скользкие по телу. Через изящные подушечки этих пальцев иной раз

проскальзывали искры желаний. Клянусь, я это чувствовал. Коломбина напомнила мне Долорес, отчего мой член внезапно встал прямо в примерочной. Графиня, как я ни старался спрятаться, все-таки увидела этот инцидент и прореагировала на него.

– Ого! – сказала она. – А мне казалось, что все англичане такие холодные и невозмутимые.

Через некоторое время незнакомка сама облачилась в костюм, отражавший избранный ею псевдоним, так что вместе мы смотрелись неплохо – Арлекин и Коломбина. Оставив у владельца ателье одежду, мы отправились кататься по вечерней Венеции на гондоле. Плывая по многочисленным каналам, мы изредка останавливались прямо у дверей, около которых сидели старые матроны, продававшие козий сыр, фрукты, вино и свежий, только что испеченный пшеничный хлеб.

Это был прекрасный вечер. Где-то недалеко играли оркестры, нанятые богатыми туристами, всюду звучали смех и оживленные разговоры, которые нисколько не нарушали уединенности нашей прогулки. Я возлежал подле Коломбины на подушках, раскиданных по полу гондолы, накрытому ворсистым ковром, любовался закатом, который, к моему величайшему сожалению, слишком быстро исчез с горизонта, и поедая нехитрое угощение, купленное у одной из матрон, запивая его легким домашним вином. На небе зажглись первые звезды, составившие компанию уже давно гулявшему по небу месяцу, и я, ощутив внезапный порыв чувств, потянулся к моей прелестной незнакомке. Она потянулась ко мне в ответ, и только наши уста сомкнулись в сладостном поцелуе, как гондольер, оглядевшись вокруг и убедившись, что никто за нами не наблюдает, подло ударил меня сзади по голове припасенной заранее дубинкой. Я тут же потерял сознание.

* * *

Я конечно же, как и многие просвещенные люди моего времени, читал роман французского писателя Александра Дюма “Граф Монте-Кристо”. И естественно, что я не мог не помнить знаменитое похищение юного виконта Альберта де Морсера римскими разбойниками. Хотя литературные достоинства французского романиста оставляли желать лучшего, я все же не мог отказать себе в удовольствии думать, что где-то в цивилизованной Европе сохранились шайки головорезов, промышленно разбоим и грабежом в темных лесах и около заброшенных старинных руин. Мне казалось, что это должно быть где-нибудь в далекой и загадочной Трансильвании. Но мне и в голову не могло прийти, что их жертвой станет моя скромная персона.

Я медленно приходил в себя. Какая все-таки низость нападать на человека, да еще сзади, в тот самый момент, когда он, в ожидании нежных ласк, целует обворожительную женщину. Оглядевшись по сторонам, я обнаружил, что нахожусь в небольшой комнате с плотно закрытым ставнями единственным окном, за которым, что естественно для Венеции, слышался мерный плеск воды. Я попытался встать, но обнаружил, что мои руки крепко связаны за спиной. Еще раз оглядев комнату в поисках чего-нибудь, способного помочь мне освободиться от пут, я обнаружил – какая удача! – сваленные в углу рядом со столом те немногие вещи, что были со мной: шутовскую треуголку Арлекина, в костюме которого я до сих пор пребывал, и неизменную трость с круглым массивным набалдашником из слоновой кости, весьма увесистым и явно приспособленным для того, чтобы проламывать им головы противников. Такие трости рекомендуют в Англии путешественникам-джентльменам, отправляющимся в далекие страны. Трость была сделана мастером Питером Блэкстоуном и имела внутри секрет, из-за которого, собственно говоря, она мне и приглянулась. Подползши к вещам, я повернулся к трости спиной, схватил ее в руки и стал быстро отвинчивать массивный набалдашник. На лбу мгновенно выступили капли пота, так как в комнате было очень влажно. После некоторых усилий набалдашник отвинтился и, соскользнув с рук вниз, наполовину освободил из трости скрытое узкое лезвие, чрезвычайно острое и упругое, выкованное, закаленное и заточенное лучшими мастерами холодного оружия. Я тут же поднес узлы на моих руках к лезвию и, крепко упершись, принялся старательно перетирать веревку. Прислушавшись, я обнаружил за дверью приближающиеся голоса. Один из голосов явно принадлежал графине Коломбине, второй и третий были мужскими, грубыми и немного возбужденными. Из всей тарбарщины, на которой изъяснялись мои тюремщики, я смог явственно расслышать лишь постоянные обращения к Коломбине “графиня” и несколько раз недовольно повторяемое разбойниками “сэр”. Видимо, речь шла обо мне.

Наконец веревки, опутывавшие мои руки, ослабли, в тот же миг дверь в комнату распахнулась, и на пороге показалась давешняя прелестная незнакомка в сопровождении двух мужчин грубого вида, одного из которых я сразу же признал. Это был гондольер. Второй, по-видимому, главарь шайки, держал в руках старинный кремниевый пистолет, скорее всего, единственное оружие, которое смогли достать мои похитители.

Конечно, я мог сразу же вскочить и броситься на мужчин, тем более что самого крепкого, с виду главаря, я был выше на полголовы и без сомнения тренированнее. Однако мне захотелось узнать о представителях профессии-анахронизма побольше, и я предпочел сделать вид, что все еще нахожусь во власти разбойников. Поэтому я изобразил на лице испуг, чем немало порадовал

похитителей. Главварь бросил на меня полный напускной свирепости взгляд, покрутил перед носом старинным пистолетом и прорычал что-то на непонятном языке. Затем он отошел и кивнул головой Коломбине. Та перевела:

– Ты находишься в нашей власти. Мы хотим получить за тебя выкуп. Надеюсь, твои родители не откажут нам в этой любезности?

– Я сирота, графиня, – сказал я незнакомке.

Женщина засмеялась, блеснув в полутемной комнате своими белоснежными прелестными зубками, и что-то сказала мужчинам. Те дружно изобразили нечто вроде лошадиного ржания, называемого у низших классов веселым смехом.

– С чего ты решил, что я графиня? – вновь обратилась ко мне с вопросом Коломбина. – Меня зовут Графья!

Тут-то я вспомнил, что слышал недавно от одного знакомого, что в Италии действует опасная шайка, похищающая богатых иностранцев и возглавляемая отъявленной негодяйкой Графьей, женщиной, по слухам, весьма недурной наружности, на которую-то и клюют незадачливые путешественники. Правда, красивая наружность не мешает Графье посылать родственникам похищенных части их тела в доказательство серьезности своих намерений в случае невыполнения требований. Итальянские власти уже несколько лет пытались поймать опасную разбойницу, но, как видно, пока что без особого толку.

– Тогда мы отправим наши требования твоему адвокату. Ведь у англичан всегда имеется адвокат, – с уверенностью в голосе сказала Графья. – А чтобы они осознали срочную необходимость твоего освобождения, Пабло отрежет тебе ухо.

Гондольер кивнул головой и достал из-за пазухи небольшой нож с чрезвычайно узким, резко загнутым лезвием, называемый гарпией. Таким ножом сложно сразу убить человека, однако же им удобно калечить, так как загнутое лезвие легко впивается в кожу и разрезает его, чуть ли не вырывая внутренности.

Медлить дальше было опасно. Я вскочил на ноги, одним махом скинув веревки. От неожиданности разбойники застыли на месте. На стоявшем рядом со мной столе лежала половина хлебного каравай, такого старого, что им можно было колоть орехи. Недолго думая, я схватил в руку каравай и, почти не целясь, метнул его в голову главваря, первым опомнившегося от моего неожиданного освобождения и уже начавшего целиться из пистолета. Каравай, с шумом рассекая воздух, ударил прямо в лицо похитителю. Тот охнул и без чувств упал на пол. Из его виска тотчас потекла темная вязкая кровь. Видимо, я пробил ему голову, так как он больше уже не очнулся. Таким образом, мое увлечение регби спасло мне жизнь.

Пабло, второй разбойник, бывший гондольером, тоже опомнился и бросился на меня с ножом в руках. Я выхватил из трости саблю и помахал ею перед самым его носом. Подобное было для разбойника полнейшей неожиданностью. Теперь перед ним стоял не безоружный и глупый иностранный путешественник, столь легко попавшийся в сети, а хорошо вооруженный джентльмен, только что убивший главваря банды.

Битва была недолгой. Легко отбив слабую атаку ножом, я сделал молниеносный выпад именно так, как учил в университете учитель фехтования, и пробил подлое сердце разбойника. Удар был столь точен и быстр, что на грязно-белую рубашку Пабло вытекла лишь маленькая капелька крови.

Едва разбойник упал, как я повернулся к стоявшей в углу Коломбине. Та сжимала в руках пистолет и целилась в меня. До этого момента выстрелить в меня мешал загромождающий мою фигуру Пабло, но теперь между нами никого не было. Я нарочито медленно стряхнул с лезвия кровь и, глядя прямо в глаза женщине, стал наступать на нее. Коломбина зажмурилась и нажала на курок. Это был самый захватывающий момент битвы, ведь я не знал наверняка, выпал ли кусок свинца, заменявший пулю, из упавшего со стуком на пол старинного пистолета или нет. Мог быть еще сбой слабого бойка, столь характерный для подобного раритетного оружия, а также порча кремния. В общем, пистолет не выстрелил. Коломбина испуганно уставилась на пистолет, затем на меня, неторопливо приближавшегося к ней, и снова выстрелила. Вновь неудача.

– Так что вы говорили, графиня, по поводу отрезания уха? – спросил я и взмахнул саблей.

Видимо, в первую секунду знаменитая разбойница ничего не почувствовала, лишь увидев упавшее на пол собственное ухо, столь ловко отсеченное мной, она завизжала и выскочила из комнаты. Я подождал какое-то время, затем подцепил кончиком сабли отрезанное ухо и двинулся следом. Выйдя из комнаты, я пошел по длинному узкому коридору, заглядывая поочередно в многочисленные комнаты, что шли по правую его сторону, хотя кровавый след из множества капель на полу ясно указывал, что жертва спряталась в самой дальней из них. Осторожность не помешает, ведь такая хитрая bestия, которую столь долго не могли поймать итальянские власти, могла воспользоваться уловкой и ввести меня в заблуждение.

“Хищник идет, прячьтесь, звери”, – напевал я про себя строку из стихотворения моего соотечественника.

– Коломбина, ты где? – тихо воскликнул я, остановившись перед последней дверью, за которой скрывалась разбойница. – Твой Арлекин жаждет встречи с тобой.

Я затаил дыхание и прислушался. После долгой тишины, так тревожащей душу, натянутые до предела женские нервы не выдержали, и мнимая графиня, всхлипнув, заскулила, точно сука, загнанная в угол злобным мясником, у которого она порывалась стащить со стола кровяную колбасу. Стон прошел через мое тело, точно электрический разряд, продемонстрированный мне во время одной из лекций в университете, заставив сердце разогнать по телу кровь и разбудить воображение. Решительным жестом я выбил ногой дверь последней комнаты, за которой скрывалась жертва, и вошел в полумрак открывшейся брешу. Женщина, действительно в этот момент похожая на загнанную суку, взвизгнула и вжалась в угол комнаты.

Сначала я изнасиловал Коломбину, применив к ней все известные мне способы соития, истинное количество которых, к моему глубочайшему огорчению, в то время я еще не знал и пользовался тем немногочисленным, что имел в запасе. Изнасилование несчастной, запуганной и истекающей кровью, прямо на пыльном полу в полутемной комнате незнакомого города незнакомой страны так возбуждало меня, особенно ощущением безграничной власти над жертвой, что я никак не мог остановиться. Но и обессилев физически, я не обессилел морально. Едва встав с Коломбины, я поднес саблю к ее лицу. Измученная до крайности женщина тупо уставилась на некий предмет висевший на кончике сабли.

– Ешь, – негромко приказал ей я Догадавшись, что перед ней ее же собственное ухо, знаменитая разбойница наводившая ужас на несчастных путешественников, жалобно заплакала. Я подошел к окну и распахнул ставни, чтобы лучше видеть наказание. Ночной воздух проник в комнату, обдавая приятной прохладой.

– Ешь, – повторил я.

Мнимая графиня взяла в рот ухо и принялась с хрустом жевать его. И в этот же самый миг венецианский карнавал достиг своей кульминации. Внезапно раздался громкий хлопок, и в небе раскрылся многоцветный, ослепительный фейерверк. Все мое тело всколыхнулось, я метнулся к несчастной жертве, поднял ее на ноги и начал пребольно колотить кончиком сабли Коломбина, путаясь в разорванном платье бегала от меня по комнате, но сабля неизменно настигала ее восхитительное тело оставляя на нем новые шрамы. Лишь когда женщина упала, не в силах пошевелиться от наступившего болевого шока, я со всего маху полоснул по ней всем лезвием затем для верности ткнул острием прямо в сердце и только после этого с чувством выполненного долга вышел из дому. К дверной ручке была привязана гондола та самая, на которой я катался. Я встал подобно местным гондольерам, за весло и медленно греб, наслаждаясь прелестями архитектуры, ночных видов, фейерверка и освежающим морским бризом. Да, определенно в этом путешествии было нечто восхитительное. Именно в те минуты передо мной впервые открылись просторы выбранного мною пути.

* * *

Если в начале своего путешествия я был крайне разочарован тем, что мне пришлось испытать в Париже, и даже хотел было вернуться домой, в Англию, то после посещения Венеции во время карнавала и небольшого, приятного во всех отношениях приключения, случившегося там со мной, я в корне изменил мнение и, оставив мысли о возвращении, пустился вновь навстречу неизведанному. Путь мой лежал через Средиземное море в сторону юга и засушливой Аравии. Прибыв в Египет, эту колыбель человеческой мысли на Земле, я был поражен тем, как разнообразна жизнь. Еще совсем недавно меня окружала неприветливость европейской цивилизации, и вот уже ее место заняла вычурность арабского Востока.

Я побывал в Каире, этой Мекке мусульманских торговцев, прогулялся по Александрии, где сосредоточилась, казалось бы, сама мудрость Востока. Я осмотрел пирамиды, древнее которых нет построек на Земле. Я видел бескрайнюю пустыню, чьи пески неуклонно надвигались на плодородные земли, из века в век захватывая и поглощая новые куски. По этой пустыне можно было путешествовать более года и ни разу не встретить селений.

Жизнь в Египте начиналась с заходом солнца. Я возблагодарил бога, что, послушавшись опытных путешественников, рассчитал время своего пути таким образом, чтобы оказаться в этом жарком крае поздней осенью, когда солнце уже не столь жестоко. Едва жара спадала, как сотни лавочек распахивали свои гостеприимные двери, зазывали выстраивались перед входом и заманивали вас великолепно выделанными коврами, узорчатыми тканями, редкостной красоты чеканными медными и бронзовыми посудинами, невиданными сластями и еще множеством всего, от чего голова ваша шла кругом и вы переставали понимать, в каком мире находитесь. Тысячи кофеен и кабачков открывали перед вами двери. Оттуда звучала музыка, негромкие голоса, оттуда шел одуряющий аромат свежего кофе, сваренного непременно с пряностями. Этот аромат смешивался с кухонными запахами, столь нежными, что нос сам вел вас в кофейню. И вот вы уже проходите, провожаемые постоянно кланяющимся хозяином, чрезвычайно гостеприимным и радующимся вашему визиту. Вы садитесь на постеленный коврик, поджав под себя по-турецки ноги, перед вами ставят воду, и мальчик-араб моет вам руки.

Едва лишь вы приступаете к еде, как музыканты с невообразимыми для европейца музыкальными инструментами усаживаются подле и начинают наигрывать нечто тягучее и монотонное. Тут же откуда-то из занавешенной ниши выходит полуголая девушка в шароварах, босоногая, с открытым торсом, но плотно закрытой цветастым платком нижней частью лица, и начинает выделять животом немыслимые для европейки движения. Она двигает сначала животом, затем бедрами в такт музыке, которая звучит все громче и быстрее. Вы смотрите на это буйство, и постепенно ваша плоть набухает и напрягается. Вас охватывает плотское желание, и в тот самый момент, когда вы уже готовы броситься на девушку, музыка внезапно смолкает и танцовщица ловко скрывается за занавеской. Не знаю, какое чувство испытали в тот момент другие путешественники по Египту, но лично я испытал облегчение. Мусульманские законы весьма суровы в отношении обладания чужой женщиной.

Несмотря на эти трудности, я сумел ублажить себя в Каире. Этому поспособствовала, как ни странно, моя склонность к чистоте. Устав за день от осмотра местных достопримечательностей, я отправился в знаменитые турецкие бани. Там-то я и испытал неописуемое блаженство. Сначала я долго распаривал свое тело в некоей купели, наполненной паром. Из-за густоты пара я не видел соседей, стоявших, как и я, у бортика и обливающихся потом. Наконец, когда мне стало казаться, что еще немного – и я, скинув остатки своего веса, взлечу на воздух, подобно воздушному шару братьев Монгольфье, ко мне подошел банщик и отвел меня в отдельное помещение. В помещении ничего не было, кроме большого деревянного лежака, накрытого белоснежной тканью, и стоявшего подле него столика с множеством масел, благовоний и питательных кремов. Едва я улегся на лежак, как в помещение стремительно вбежал юркий, маленький и чрезвычайно жилистый араб, который принялся с силой мять и растирать мое тело. Массаж длился очень долго. Видимо, не удовлетворившись результатом, полученным во время обычного массажа, араб вскочил на меня и принялся топтать ногами, впрочем, весьма ловко и не только не больно, но даже приятно. Каждая клетка плоти размякла и легко поддавалась насилию. Когда массажист ушел, я хотел уже было подняться с лежака, но тут в помещение вошли два темнокожих мальчика, совершенно голые, которые вновь уложили меня обратно и своими тонкими умелыми ручками стали втирать поочередно то масла, то кремы, то благовония. Такого блаженства я еще ни разу до этого не испытывал. Мальчики ловко переворачивали меня, клали на бок, на спину, на живот, все время глядя мое тело. Не стану передавать всего того, что они со мной делали, добавлю лишь, что от них не укрылось ни одно интимное место.

Путешествие становилось все лучше и лучше.

Проехав Суэцкий канал на верблюдах, я вновь сел на корабль, который после долгого плавания доставил меня в Бомбей. Это была Индия – место, куда я стремился попасть с того самого времени, как услышал захватывающие рассказы об этой сказочной стране от тетушки Аделаиды и кузины Долорес.

Индия – это место, где, как давным-давно сказала мне кузина, можно делать абсолютно все, но лучше всего – вовсе ничего не делать. Всегда теплый климат, способствующий земледелию, удивительная по красоте природа, загадочная культура, первые ростки цивилизации, которые только сейчас стали пробиваться в этой стране, столько лет бывшей колонией, но до сих пор не развитой, и сами индийцы, доброжелательные, наивные, – все это пленило меня, едва я сошел с трапа корабля на пристань Бомбея. Целый месяц понадобился мне, чтобы осмотреться и как-то приспособиться к новому климату и совершенно иной, нежели в Англии, жизни, которой здесь жили не только местные жители, но и сами англичане. Вскоре зима перевалила через Рождество, грозя ежедневно наступающей жарой. Тогда я отправился на север страны в Дели.

За месяц проживания в Индии я многое успел повидать, однако железнодорожный вокзал, в котором я оказался впервые, оставил в моей памяти неизгладимое впечатление. Представьте себе огромное каменное здание, построенное по последнему слову архитектуры, длинный паровоз с множеством вагонов трех классов – гордость машиностроения – и огромную многолюдную толпу индийцев. Кого там только не было: высокородные правители со слугами, носящими за своими хозяевами опахала; чиновники, чрезвычайно важные, в форме с блестящими медными пуговицами, делавшей их похожими на переодетых мартышек, которых в Индии было видимо-невидимо; купцы, беспрестанно понукавшие помощников, нагруженных тюками так, что из-под них торчали только голые ноги и головы; факиры и заклинатели змей, несущие под мышкой небольшие плетеные корзины, плотно закрытые крышкой, откуда изредка раздавалось грозное и недовольное шипение; какие-то грязные оборванцы с всклокоченными нечесаными волосами, на которых из одежды была только набедренная повязка и великое множество бус и четок, перекинутых через шею, тощие, с обсыпанными пеплом телами, беспрестанно что-то бубнившие себе под нос, отчего находившиеся рядом индийцы начинали им почтительно кланяться. Человеческое море, заполнившее вокзальную площадь перед паровозом, шумело, галдело, ругалось, плакало, смеялось, пело, садясь в вагоны и создавая путаницу и суету, над которой с неизменно каменной улыбкой наблюдали кондукторы, стоявшие у раскрытых вагонных дверей в новеньких синих фуражках с красными околышами. Сквозь толпу ловко протискивались многочисленные продавцы сладостей, разносчики воды и лимонада,

торговцы веерами и даже писцы, призывно предлагавшие отправляющимся написать последнее письмо, прежде чем “железный поезде”, а именно так называли индийцы поезд, унесет их демоническими силами далеко-далеко.

Признаться, мне чрезвычайно любопытно было наблюдать за всей этой людской толпой, и я, сидя в купе вагона первого класса, огромными от любопытства глазами смотрел в настешь раскрытое окно. В какой-то миг я даже пожалел, что не взял билет второго класса, так как там можно было увидеть гораздо больше различных диковин, нежели в моем, истинно английском, чопорном, как сама королева Виктория, первом классе. Конечно, я понимал, что, будучи белым человеком, притом джентльменом, я не должен находиться всю дорогу подле местных, которые к тому же выглядели весьма нечистоплотно, однако я за тем и отправился в путешествие, чтобы познать эту удивительную страну, а стало быть, не должен пренебрегать временным обществом индийцев. У меня всегда вызвали удивление соотечественники, которые, отправляясь в путешествие, предпочитали ограничивать себя в общении с коренными жителями и даже полностью исключить контакты с ними. Зачем тогда было отправляться в путь, ведь есть же прекрасно иллюстрированный журнал Британского географического общества.

Сидевший напротив меня пожилой господин, судя по бронзовому загару, живший в Индии уже достаточно давно, с невозмутимым видом читал “Таймс”, совершенно не обращая внимания на шум и гам за окном. Было видно, что подобная сутолока и шум, которым невежественные и импульсивные индийцы сопровождают любое событие своей жизни, будь то свадьба, похороны или простой проезд по железной дороге, давно уже приелись ему и не вызывают даже раздражения. Я же не мог оторваться от внезапно возникшего за окном зрелища, столь колоритного, что оно полностью захватило мое внимание. Неожиданно шумная толпа, еще несколько мгновений назад беспорядочно перемещавшаяся по площади в разные стороны, раздалась, освобождая место. По открывшемуся коридору важно прошествовала ленивой походкой белая корова, удивительно худая и поджарая. Индийцы, которые не заметили ранее животное, увидев его рогатую морду, сразу же начинали кланяться, молитвенно сложив ладони на уровне груди и бормоча просьбы о благословении. Корова же, ни на кого не обращая внимания, прошла через площадь и двинулась в сторону рельсовой дороги. В это время раздался звон колокольчика, извещающий окончание посадки и время начала движения. Паровоз продолжал стоять на месте. Я почти по грудь высунул из окна, наблюдая, как машинисты и кондукторы уговаривают корову побыстрее перейти железнодорожные рельсы. При этом никто даже не пытался хоть как-то отогнать животное или хотя бы повисить на него голос.

– Корова, по местным поверьям, является воплощением индуистского божества плодородия, – неожиданно раздался у меня за спиной голос.

Я сел на место и попросил невозмутимого джентльмена подробнее объяснить мне удивительное поведение индийцев. Джентльмен с радостью отложил газету и, пояснив, что в приятном разговоре время пролетит намного быстрее, принялся рассказывать:

– Позвольте представиться. Меня зовут мистер Крейтон, и я сахиб, впрочем, как и вы. Так индийцы называют всех белых, не делая между ними различий по нациям. То, что вы изволили только что видеть, является данью уважения, оказанного матери-природе, дающей туземцам пищу и кров. У местных жителей вообще все, что связано с плодородием, священно. Это оттого, что, несмотря на обильные урожаи центра Индии и ее юга, страна не может прокормить огромное количество своих жителей. Индийцам все время грозит голод. Поэтому они столь ревностно чтят священную корову, которую воспринимают как символ плодородия. Да что там корова, даже интимные отношения мужчины и женщины для индийцев священный ритуал. Здесь имеется даже религия, главной формой молитвы которой служит соитие. Называется эта религия Тантра.

То, что я услышал, показалось мне невероятным. Молиться во время похоти – это же невозможно. Однако мой собеседник, мистер Крейтон, который, как оказалось, приехал в Индию еще совсем молодым человеком и даже успел повоевать с восставшими сипаями, с полной уверенностью в голосе заявил, что лично наблюдал церемониальный акт, во время которого один из адептов Тантры в течение одной ночи совершил соитие с двадцатью восьмью девственницами, и все принесли желаемый результат.

– Индийцы вообще весьма искусны в сексе, – сообщил он, полулежа на удобном диване купе и раскуривая очередную предложенную мной сигару. – У них имеется учебное руководство на тему, как, когда и какими методами ублажать себя с женщиной. Называется сие пособие “Камасутра”. Я надеюсь, что когда-нибудь у меня дойдут руки и я переведу эту занимательную книгу на английский язык, разумеется, лишь с целью ознакомления членом Национального британского географического общества. Пока же изучить “Камасутру” можно двумя путями. Во-первых, все описанные в книге способы соития высечены в камне и украшают в виде барельефа один из местных храмов. Однако есть иной путь изучения сего культурного наследия. – Тут мистер Крейтон многозначительно посмотрел на меня.

– Какой же?

– Все способы соития, а также прелюдию и кульминацию преподают в здешних публичных домах, которые значительно отличаются от лондонских или парижских. Можете не сомневаться, вы

получите ни с чем не сравнимое удовольствие. Ведь здешние дома терпимости – это, прежде всего, клубы для приятного досуга. Ну что, уговорил я вас составить мне компанию, когда мы прибудем в Дели?

Учитывая цель моего путешествия, я с радостью согласился на предложение мистера Крейтона. Так я заполучил опытного провожатого и прекрасного экскурсовода, который открыл мне тайны индийского искусства любовных утех.

* * *

Едва мы прибыли в Дели и поменяли наши теплые твидовые костюмы на легкие парусиновые, как тут же отправились за наслаждениями. Мистер Крейтон оказался прекрасным проводником. Решив, что приятное надо сочетать с полезным, он повел меня не главными улицами, построенными по строго вычерченному с помощью линейки плану англичанами, а узкими, извиляющимися, словно тело змеи, и совершенно немощеными улочками, сплошь заставленными чрезвычайно колоритными домами. На просторных террасах среди садов за невысокими заборчиками, видимо, проходила в роскошной тени основная жизнь индийцев. Мужчины возлежали на пышных коврах, около них стояли чашки с угощением, а женщины с роскошными формами подносили им то прохладное питье, то новые угощения. Проходя мимо, я отметил, что местные женщины, которым удивительно шли сложенные из больших кусков материи одежды, именуемые сари, обладали подчеркнута полной округлой грудью, высоко поднятой перехваченной под нею лентой, и большим выпуклым задом. Бедрa их так заманчиво покачивались при ходьбе, что я невольно залюбовался группой индианок, попавшихся нам навстречу с кувшинами, полными воды. Женщины и девушки, заметив мой неприкрытый интерес, засмеялись и, нисколько не смущаясь, начали строить мне глазки, болтая между собой и часто повторяя слово “пардеси”, поглядывая при этом в мою сторону.

– Мой дорогой Джек, вы, похоже, пользуетесь большим успехом у местных дам, – в шутку заметил мистер Крейтон. – Индианки любвеобильны, смею вас уверить, поэтому их сердца нетрудно завоевать при таком успешном начале.

– Что означает их обращение “пардеси”? – поинтересовался я.

– Это слово означает, что вы иностранец, то есть человек, приехавший издалека. Так индийцы называют европейцев, китайцев и русских, забредаящих сюда с севера, – пояснил мне мистер Крейтон. – Арабы же и афганцы для них просто “другие”.

Вскоре садов стало меньше, дома стояли все плотнее, что говорило о близком центре городской жизни – базаре. И точно, через несколько шагов мы вышли из тени домов и очутились на огромной площади, почти сплошь заставленной торговыми лавками. Лавируя среди огромной толпы, запрудившей базар, мистер Крейтон уверенно повел меня вдоль рядов, то и дело останавливаясь для того, чтобы обратить мое внимание на что-нибудь необычное, что вряд ли я увидел бы в Англии. Пройдя базар насквозь, мы вышли к огромному деревянному строению, посреди которого находился внутренний двор, где размещались вновь прибывшие на лошадях, мулах и ослах бесчисленные товары, разгружаемые ловкими, чрезвычайно подвижными индийцами. За разгрузкой, которая казалась бесконечной из-за постоянно подъезжавших новых грузов, наблюдали купцы всех верований и стран, стоявшие, опершись о перила, на трех этажах строения. За ними виднелись небольшие комнаты-клетушки, запираемые на тяжелые двери с самодельными висячими замками. Это был караван-сарай, или по-местному кашмирский серай, как пояснил мне мой провожатый, который, подобно Вергилию перед Данте, раздвигал, казалось, передо мной все препятствия, настолько хорошо он знал здешние порядки, обычаи и правила.

– Это парао, место отдыха, – сказал мистер Крейтон. – Обычно около него стоят ворота гарпий, тех, что подводят глаза, красят волосы и таким образом ловят в свои сети соскучившихся по женщинам богатых путников.

Я усмехнулся такому утонченному обороту речи. И действительно, пройдя кашмирский серай, мы вышли к некоему подобию ворот, на поперечной перекладине которых горел масляный фонарь. За воротами стоял почти такой же деревянный дом, как только что мной виденный. Еще у ворот я услышал приятные звуки, издаваемые, казалось, не музыкальными инструментами, а голосом. Как оказалось, это был самый необычный музыкальный инструмент, который мне приходилось видеть, – нечто вроде огромной мандолины с великим множеством струн. Необычному инструменту вторили барабаны и дудки с пузатым основанием. Во внутреннем дворике разместились музыканты, а перед ними танцевали редкие по красоте женщины. По периметру двора, весьма, к слову сказать, большого, на деревянных настилах были разложены старые потрепанные ковры. На многих коврах сидели или лежали мужчины, многие из них ели, кто-то курил кальян, некоторые, собравшись небольшой группой, вели тихую беседу. По виду, как я уже научился различать, мужчины были купцами, причем многие приехали из Аравии, так как были одеты в пестрые халаты и носили большие, крашенные хной бороды. Мы уселись на один из ковров, причем, едва сев, я подумал, что гораздо удобнее было бы облачиться, подобно купцам, в халат, так как сидеть на полу, по-турецки скрестив ноги, в костюме очень неудобно. Едва мы сели, к нам тотчас же подскочил юркий индиец. Узнав мистера Крейтона, он

заметно обрадовался.

– Сахиб Крей вернулся, – затараторил он на ломаном английском, постоянно кланяясь. – Сейчас все будет хорошо. Очень хорошо.

И индеец убежал. Не прошло и минуты, как перед нами стояли чашки с душистым чаем, сладкий шербет, поданный на тарелке с маленькой посеребренной ложечкой, и множество засахаренных долек апельсина и лимона, которые, похоже, мистер Крейтон чрезвычайно любил, потому что, как только их принесли, он тотчас схватил горсть и тут же отправил себе в рот. Вскоре нам подали медный кувшин красивой чеканки с легким виноградным вином, а позже принесли кальяны. Ранее я никогда не курил из кальяна, поэтому мой гид показал, как это делается.

– Не пугайтесь, – шсел долгом предупредить он, – если увидите мир в несколько ином свете. Дело в том, что здесь в табак добавляют немного пыльцы индийской конопли. Для дурмана. Поверьте, это очень возбуждает.

Я полулежал на ковре, курил кальян с наркотиком, пил легкое вино, наблюдал за удивительными танцами и ожидал, когда же мы с мистером Крейтоном предадимся разврату. Мистер Крейтон же несколько не торопился отдать меня в руки опытейших служительниц культа загадочной Тантры, лениво глядя то на импровизированную сцену, то на загорающиеся в рано темнеющем южном небе звезды, то на купцов, во множестве собравшихся отдохнуть после торгового дня. Никто не обращал на нас внимания, все делали, что хотели. Это было чрезвычайно приятное времяпрепровождение.

Вскоре окончательно стемнело. И только когда слуги зажгли во дворе факелы, к нам вышли девушки. Это были проститутки, которые совершенно не походили на тех, что я видел в Париже, чахлах и жадных. Не походили они и на итальянских шлюх, ленивых и скучных, видимо, никогда не высыпающихся, потому что круги под их глазами являются самой яркой профессиональной чертой. Не были вышедшие к нам девушки похожи и на самых географически близких представительниц древнейшей профессии, виденных мной в Египте. Египтянки казались мне сплошь дебелыми, раскормленными, с бедрами словно подушки и животами как курдюки. Индианки оказались стройными, с осиной талией и большой грудью. Бедра же их были не большими, но и не маленькими. Глаза девушек зачаровывали. Как и говорил мистер Крейтон, они были подведены черной краской, белки ярко блестели при свете потрескивающих факелов, а радужная оболочка была такой черной, что даже зрачков не отличить. Они вели себя так, словно сами готовы были заплатить, лишь бы переспать с клиентом. Бесстыдно садясь к каждому мужчине на колени, они ласкались и прижимались, глядя при этом довольных мужчин по спинам, головам и ногам. На вид девушкам не было еще и пятнадцати, они казались свежими, но отнюдь не невинными, что делало связь с ними еще более заманчивой и привлекательной.

Одна из юных проституток подошла к нам, и я готов уже был принять ее на колени, как тут же подскочил неизвестно откуда возникший давешний юркий индеец, который тотчас отогнал от нас девушку. На мой недоуменный взгляд мистер Крейтон лишь загадочно улыбнулся.

– Эти девки не для нас, – пояснил он мне. – Нас ждут более изысканные, те, что содержатся наверху. – И он глазами показал мне на двери на балконе второго этажа, что слабо виднелись в свете факелов.

Лишь только когда кальян перестал давать ароматный дым, пропущенный через прохладную воду, мой провожатый наконец-то поднялся и подал индийцу знак. Тот с поклонами принял от него деньги и повел нас к заветным дверям второго этажа. Мы поднялись по шаткой лестнице и, пройдя несколько дверей, остановились в центре. Я бросил взгляд вниз. Вид с балкона на двор открывался удивительно красивый. Только побывав в парао еще несколько раз, я понял, что видел мир в ярких красках из-за наркотического действия индийской конопли, которую подмешивали в табак.

Мы вошли в просторную комнату и уселись на большой турецкий диван. Тут же на зов индийца в комнату стали входить и выстраиваться перед нами девочки. Им было чуть более десяти лет, но это оказались профессиональные проститутки, ярко накрашенные, полуголые, с почти сформировавшейся фигурой. Их грудь была только-только прикрыта множеством разноцветных бус, а бедра обвивала лишь длинная прозрачная ткань.

– Вот, сэр Джек, за что я так люблю Индию, – с довольным видом сказал мистер Крейтон, похотливо оглядывая выстроившихся перед нами девочек-подростков, многие из которых бесстыдно разглядывали нас, словно оценивали плотно упрятанные под одежду мужские достоинства. – На родине подобное, к сожалению, уже запрещено, а здесь это лучшее, что могут вам предложить.

Он тотчас же выбрал одну из девочек и увел ее с собой в боковую дверь. Я последовал его примеру.

Глава вторая

Хозяин дома устало потянулся и встал из-за стола, чтобы размять затекшие члены. Подойдя к окну и осторожно отодвинув тяжелую портьеру, он убедился, что констебль продолжает вести наблюдение за его домом, спрятавшись в небольшой подворотне, сжатой с обеих сторон высокими

каменными стенами домов. Констебль, несмотря на строжайший запрет в подобного рода делах, курил дешевую сигару, пряча ее огонек в ладони, чашечкой сложенной у рта. Джентльмен покачал головой. Если бы он мог, то немедленно бы вышел из дому, перешел улицу и своей тростью с круглым набалдашником из слоновой кости непременно бы надавал невежде тумачков. Пусть бы потом жаловался начальнику Скотленд-Ярда, тот все равно никогда бы не посмел дать ход жалобе, так как у лейб-медика королевской семьи имелись высокие связи.

Отойдя от окна и обойдя стол, джентльмен подошел к шкафу, достал оттуда большую книгу с красочными цветными гравюрами и раскрыл ее наугад. На его смотрело раскосое лицо, перекошенное от боли. Человек медленно умирал от нестерпимых мучений. Палач, изображенный на гравюре рядом с умирающим, с довольным видом продолжал острыми щипцами отрывать от тела жертвы очередной кусок. Это была книга о самых ужасных пытках и казнях, изобретенных в далеком Китае, который он изволил посетить после Индии. На обратной стороне каждой гравюры имелось подробное описание пытки или казни, изображенной на ней. Даже не переворачивая страницу, джентльмен уже знал, что ему попалась так называемая казнь тысячи кусочков. Во время казни палач, выбранный из наиболее искусных и опытных, должен был вырывать из наказываемого по одному куску живой плоти. И только тогда, когда будет вырван тысячный кусок, жертва должна умереть. Будучи свидетелем подобного изуверства, джентльмен полагал, что хитрые палачи тайком дают несчастным жертвам перед казнью настойку опиума, чтобы те не умерли преждевременно. Последний же кусок всегда отрывался из самого сердца, после чего наказанный обязательно умирал.

Джентльмен закрыл книгу, которая была составлена под его руководством, и именно поэтому он дословно знал ее содержание. На нижней полке шкафа среди нескольких старинных фолиантов по анатомии стоял небольшой ящик, обитый красным сафьяном. Один из нижних углов ящика имел более темный цвет. Видимо, он стоял в луже крови, оттого ткань пропиталась и слегка изменила цвет. Джентльмен любовно погладил ящик, затем открыл его и взором человека, целиком отдававшегося своему хобби, оглядел аккуратно разложенные хирургические инструменты. Это был малый операционный набор. Прекрасная сталь, острейшие инструменты, заточенные не уличным точильщиком ножей, у которого с утра уже трясутся руки, а опытным мастером, чистые, тщательно промытые и вытертые до зеркального блеска замшевой тряпочкой, хранившейся тут же в ящике, – все это олицетворяло для джентльмена его духовный поиск, его устремления, его душу и сердце, такие же блестящие, острые и холодные. Любовно проведя кончиками пальцев по выпуклостям ножей, скальпелей, зажимов, лейб-медик королевской семьи осторожно закрыл ящик.

Немного пройдясь по кабинету, он вернулся к столу и продолжал писать.

* * *

Я уехал из Англии в 1878 году, а вернулся только в 1881-м. Путешествие мое было чрезвычайно удачным. Прожив почти год в Индии, я отправился в загадочный Китай, где продолжил свой увлекательный поиск запретных сексуальных удовольствий. Теперь я уже наверняка знал, чего я хочу и чего жажду от жизни.

Не стану подробно останавливаться на том, что более всего привлекло меня в загадочном и непостижимом Китае, скажу только, что наибольшее внимание мною уделялось мучениям, применяемым одним человеком к другому, в коих чрезвычайно преуспели китайцы.

Там же я познакомился с опиумом. Сей продукт природы сильно походил на пыльцу индийской конопли, которую также подмешивали в табак, однако же, в отличие от конопли, опиум не возбуждал, а, напротив, затормаживал желания. Зато он отправлял в мир красочных грез и сновидений, которых я ранее никогда не видел. Сказочные миры открывались моему спящему взору.

Вернувшись в Англию, я первым делом отправился к нашему семейному адвокату, который, по моему распоряжению, должен был продать родовое поместье вместе с усадьбой и всей обстановкой, за исключением коллекции знаменитых прадедушкиных картин итальянских мастеров, которая, как оказалось, стоила теперь целое состояние. Однако их я оставил себе не из-за этого, ведь я стал после смерти родителей единственным наследником немалого состояния, а из-за того, что изображенные на картинах сцены продолжали вызывать во мне волнующие кровь чувства. Приехав к адвокату, мистеру Джонасу Олдейкру, старенькому сухонькому старичку, который помнил деда еще зеленым юношей, я обнаружил, что адвокат сделал все в лучшем виде, и даже выручил за поместье несколько большую сумму, чем предполагалось.

– Мой дорогой Джек, – обратился ко мне мистер Олдейкр, сидя в глубоком кресле и поглядывая на меня сквозь золоченое пенсне. – Вы, как и всякий достойный джентльмен, в начале самостоятельной жизни объездили земной шар, что весьма похвально. Так как ваши родители умерли, то позвольте на правах старшего дать вам один совет. Как шутят в среде нашей адвокатской братии – совершенно бесплатный. – Тут старый мистер Олдейкр зашелся сухим смешком. – Пора вам братья за ум и начинать печься о своей карьере. Для этого у вас имеется все необходимое: состояние, титул, прекрасное образование. Мой совет, переезжайте в Лондон, идите в общество, ваши университетские друзья уже наверняка там и будут рады еще одному представителю их круга.

Рад буду услужить вам, как служил вашему батюшке и сэру Джейкобу, – добавил он с легким поклоном на мои слова благодарности.

Совет старого адвоката был весьма кстати. Конечно, я и без него мог бы догадаться, что пора устраивать будущее, однако мистер Олдейкр облек подсознательное понимание в словесную форму и программу действий. После недолгих поисков достойного жилья я остановил свой выбор на особняке, стоявшем на крохотной улочке Литтл-Райдер-стрит, которая упиралась в “Тайбернское Дерево”, знаменитую виселицу в приходе Тайберн, где до самого конца восемнадцатого века совершались публичные казни самых отъявленных преступников, преимущественно убийц. Такое соседство в то время и тем более сейчас кажется мне весьма забавным, наполненным настоящим английским юмором. Сам особняк, несколько старомодный, времен первых Георгов, был хоть и небольшим, но очень уютным. Небольшой ремонт придал ему изящный вид. Ровный кирпичный фасад украшали два окна-фонаря, расположенных на втором этаже на углах здания и выступавших далеко вперед. Едва увидев их, я тут же подумал о том, что в одной комнате, которой принадлежало окно-фонарь, будет располагаться мой кабинет, а в другой – будуар моей будущей жены. Как видите, я уже тогда со всей серьезностью думал о будущем.

Обстановка потребовала немалых денег, но она того стоила. Побывавшие в моем гнезде друзья, собравшись на следующий день в клубе, говорили, что более очаровательного и истинно английского жилища они еще не видели.

Как только я устроился в Лондоне, я тут же навестил своих старых университетских приятелей: сэра Джорджа Мюррея-младшего и Малыша Саймона. Джимбо принял меня с распростертыми объятиями, крепко пожав своими могучими лапами протянутую ему руку.

– Старина! Как я рад тебя видеть! – восклицал он, поминутно хлопая меня по плечу и ведя в гостиную, где расторопная горничная уже ставила на небольшой столик около неизменного в английских гостиных камина бренди и содовую воду. – Боже правый, как ты загорел! Неужели только что из колоний? Отлично, старина, отлично! Признаться, нам, членам Большого оксфордского клуба, весьма тебя не хватало. Твое воображение превосходит шалости, коим мы предавались до тебя, а также во время твоего отсутствия.

Мы уселись в большие кресла и принялись за бренди, предавшись приятным воспоминаниям о золотых университетских годах и хохоча. Как это обычно бывает, после подобных воспоминаний бурной юности наступает некоторое затишье, а потом кто-нибудь из присутствующих задает риторический вопрос: “Что ты намерен делать дальше?” Подобный вопрос задал мне через некоторое время и Джимбо.

– Я думаю посвятить себя медицине, – после непродолжительных общих фраз сказал я.

– Медицине? – удивился сэр Мюррей-младший. – Странно. Хотя это так похоже на тебя.

– Почему похоже? – удивился в свою очередь я.

– Похоже, потому что ты всегда поступал необычно. Признаюсь, я всегда стремился походить на тебя, – неожиданно сказал старый университетский товарищ. – Мне импонировал твой интеллект и воображение. Кстати, подражал тебе не только я. Многие, очень многие студенты копировали тебя. Особенно Малыш Саймон. Для него ты был чем-то вроде живого бога.

Подобное признание было весьма неожиданным для меня, и я даже не нашелся, что сказать.

– Думаю, будет просто замечательно, если ты вступишь в наш клуб, – продолжил Джордж Мюррей-младший, разбавляя бренди. – И в ложу, разумеется.

Я признался, что не знаю, о чем он говорит.

– Массонская ложа, в которой состоят практически все члены нашего клуба, – с добродушным видом пояснил Джимбо. – Я с удовольствием буду рекомендовать тебя. Таковы правила ложи, тебе необходимо заручиться рекомендацией брата до третьей степени.

Видимо, на моем лице читалось столь явное непонимание, что Джимбо добродушно отмахнулся, сказав, что он всегда плохо объяснял.

Следующим вечером я был введен старым университетским товарищем в клуб. Клуб располагался в большом здании в центральной части Лондона, стоявшем практически прямо напротив Тауэра. Как мне пояснил Джимбо, тут же проводились собрания ложи, полное название которой было “Великая английская объединенная ложа старых франкмасонов”. Здесь я, к своему удивлению, встретил многих выпускников Оксфорда, которые ранее присутствовали на собраниях Малого и Большого оксфордских клубов. Некоторые из них были свидетелями несчастной смерти Руфуса и торжественной порки итонца. Боже, как давно это было. Теперь все они изменились, но неизменным осталось отношение ко мне. Как и говорил сэр Джордж Мюррей-младший, они все восхищались мной. Едва я переступил порог клуба, как с многих кресел раздались приветственные возгласы, выражавшие радость оттого, что я имел честь посетить клуб. Пожилые члены клуба с вниманием отнеслись к моей просьбе войти в состав клуба. Видимо, здесь считалось, что, становясь членом клуба, ты одновременно вступаешь в ложу. Джимбо, который теперь занимал ответственное место в министерстве иностранных дел, и это при его-то интеллекте, своим наглядным примером доказывал важность подобного шага для дальнейшего карьерного продвижения. Что ж, я был принят в клуб, а через неделю прошел обряд посвящения. Это было весьма волнующе, кроме того, я пару

раз ощутил во время инициации страх, а стало быть, и удовольствие от окончания обряда.

Итак, теперь весь мой день был расписан, словно бы я был не человеком, а автоматом, вроде тех, которые стоят теперь в аптеках на прилавках и куда продавцы прячут деньги, вырученные от продажи лекарств. Днем я усердно штудировал медицину и анатомию, посещая лекции и морги, вечер проводил в клубе, а ночью отправлялся с приятелями, сэром Джорджем Мюрреем-младшим и Малышом Саймоном, развлекаться в театры или же на балы, которые королева Виктория, чрезвычайно любящая танцевать, открывала чуть не каждую неделю.

* * *

Вечером сэр Джордж Мюррей-младший, как мы и условились заранее, заехал за мной в своей карете, совсем недавно приобретенной, которой он чрезвычайно гордился, точно так же, как я гордился только что обставленным особняком. Я уже ждал его появления, одетый, как это и предписывалось ритуалом, в обычные брюки и широкую льняную рубашу белоснежного цвета с открытым воротом. Рубаша, заправленная в брюки, была перевязана ярко-красным поясом. Кроме того, в руках я имел сложенный фартук и нарукавники, символы вольных каменщиков.

Оглядев меня с ног до головы, Джимбо, сам одетый, словно денди, в прекрасную фрачную пару, с таким же, как у меня, красным поясом, подчеркивающим его тонкую талию, и венчавшей манишку белой бабочкой, удовлетворенно кивнул головой. Я завернулся в широкий плащ, и мы, усевшись в карету, отправились на мое первое собрание братства вольных каменщиков.

Подъехав к зданию и выйдя из кареты, Джимбо направился не к главному входу, через который мы обычно заходили в клуб, а к неприметной дверце, что находилась в торце дома. Подойдя к дверце и еще раз оглядев меня с ног до головы, Мюррей-младший громко хмыкнул и, взяв в руку бронзовый молоток, висевший у двери, три раза несильно стукнул. Из-за дверцы тотчас же раздался глухой голос:

- Кто просится войти?
- Открой, брат-привратник, – сказал Джимбо. – Это брат Джордж.
- Кто просится с тобой, брат Джордж?
- Новоприбывший Джек. Архитектор знает о его просьбе.

Дверца раскрылась, пропуская нас в полумрак длинного коридора, уходившего в подвал здания клуба. Мы с Джимбо медленно двигались следом за братом-привратником, который шел впереди, высоко держа над головой горящий фонарь, освещавший путь. Я огляделся. Стены коридора были разрисованы на манер египетских пирамид множеством иероглифов и картинами, изображавшими смерть фараона, изготовление мумии, ритуальное путешествие души фараона в царство Осириса и подземный суд, на котором судилась душа. Боги с головами крокодила и птицы вели душу в подземное царство, где над ней совершался суд с неизменным взвешиванием на огромных весах, на одну чашу которых садилась душа умершего, а на другую жуткие египетские боги клали плохие дела, совершенные фараоном при жизни. Если чаша с плохими делами перевешивала чашу с сидящей душой, то фараона ждал ад. Я догадался, что наше путешествие олицетворяет спуск к центру земли. Словно в подтверждение моих мыслей откуда-то сверху раздался утробный голос:

- Кто спускается в подземный мир, брат-привратник?
- Брат Джордж и новоприбывший Джек, – сказал брат-привратник.
- Что ищет новоприбывший?
- Он ищет истину.
- Что ждет новоприбывшего?
- Его ждет смерть, – зловеще заявил брат-привратник.

Как мне показалось, мы спустились довольно-таки глубоко, шли мы чрезвычайно медленно, поэтому ощущение времени у меня притупилось. Наконец вдали показался свет, который, как я рассмотрел, подходя все ближе, шел от точно такого же фонаря, что нес в руках брат-привратник, укрепленного над большой двухстворчатой дверью. Подойдя к двери, брат-привратник остановился и выразительно взглянул на Джимбо. Мой университетский товарищ быстрым движением накинул на себя фартук, натянул нарукавники, а затем повязал мне на глаза повязку.

– Сейчас ты умрешь, новоприбывший, – сообщил мне на ухо брат-привратник и раскрыл двери.

Мне в нос ударил тяжелый аромат множества горевших курильниц с ладаном. Джимбо, крепко держа меня за руку, ввел в комнату.

- Кто сей неофит, пришедший к нам из южных ворот? – услышал я голос над собой.
- Это новоприбывший Джек, желающий пройти посвящение.
- Убейте же его для его же блага! – раздался надо мной грозный голос.

И тотчас множество жал уткнулось в мое тело со всех сторон. Я оказался в круге нацеленных в меня шпаг.

- Он умер? – раздался голос сверху.
- Да, архитектор, – услышал я рядом голос Джимбо.
- Кладите неофита в гроб.

Шаги тотчас убрались, и чьи-то руки заботливо уложили меня на спину. Тело мое накрыли тряпичей, служившей, по всей видимости, саваном. Затем незнакомый голос зачитал краткую историю Хирама, которую все знают, поэтому я не буду приводить ее здесь. После меня вновь поставили на ноги.

– Неофит, – раздался тот же голос, – тебе надобно встать в центре ложи, преклонить колени и вознести молитву.

После того как я все исполнил, голос продолжил:

– Да пребудет имя твое, Создатель, залогом святости сего собрания. Убогий соискатель, во тьме пребывающий, он явился в это место по доброй воле.

Услышав последнюю фразу, я подхватил:

– Я жажду причаститься тайн и даров высоких.

– На кого уповаешь ты всей душой в час тяжкий?

– На Создателя, – ответил я.

– Произнеси же слова клятвы, – потребовал невидимый незнакомец.

– Клянусь хранить тайны Братства. А если я нарушу тайну Братства, да перережут горло мое, да вырвут грешный мой язык, да средь песков похоронят тело мое, словно пса безродного! – громко воскликнул я слова заранее заученной клятвы, которую за день до этого события передал мне Джордж.

– Новый брат наш да узрит свет! – крикнул незнакомец, срывая с моих глаз повязку.

Я огляделся. Я стоял в центре большого круглого зала, поддерживаемого двенадцатью колоннами. Кругом у стен стояли удобные кресла, в которых сидели братья-масоны, хлопающие мне, своему новоиспеченному брату. Я огляделся и улыбнулся. Почти все братья были мне уже знакомы по клубу, многих я также встречал на великосветских балах, а с некоторыми из них учился в Оксфорде.

С этого момента дела мои резко пошли в гору. Так как я имел сильную тягу к медицине, то вскоре обогнал всех других слушателей. Преподаватели стали выделять меня и, видя подобное стремление к познаниям, старались заниматься со мной более остальных. Мой титул несколько не смущал их в занятиях, мне прочили блестящее медицинское будущее.

В светской жизни я также преуспел. Вскоре я заделался настоящим денди и заблистал, подобно ночным звездам на небосводе, таким же ярким и холодным, как я, в лучших салонах Лондона, чьи хозяева наперебой старались заполучить меня к себе, так как мое присутствие гарантировало изысканность и блеск их собрания.

Так проводил я свои дни и ночи, развлекаясь и изучая науки и безумно скучая при этом. Моему сплину было только одно объяснение. Во всех этих развлечениях я, чья натура хищника требовала возбуждения, этого возбуждения не получал в размеренной жизни.

К описываемому мной времени викторианство достигло своего апогея. Чопорность, чванство и ханжество блистали во всей своей красе. Во всех салонах, на балах и раутах только и говорили что о каком-то божественном предначертании, способном преобразовать человечество в приближающемся веке, отмеченном двумя десятками, а стало быть, являвшимся, согласно вновь открытому еврейскому учению о числах – Каббале, совершенной единицей. Вся эта мистика вперемежку со спиритическими сеансами и чопорно ханжеским поминанием имени божьего настолько опротивело мне, что если бы не страстное изучение медицины, к которой я имел призвание, то, честное слово, я бы все бросил и вновь уехал на Восток. Все вокруг казалось мне скучным и приторным. Если сравнить ощущение от тех пустых и безрадостных лет, то наиболее понятным может быть положение, когда после разнообразной и вкусной пищи человек вдруг начинает постоянно есть только шоколад и пить одно лишь какао: какао утром, какао днем, какао вечером. К концу дня от подобной диеты вкус сладкого уже настолько противен, что радуешься любому острому или соленому блюду, пусть и приготовленному без особых изысков. На такой диете оказался я, вернувшись из путешествия по Востоку, этому раю эротических гурманов, и оказавшись в шоколадном Лондоне. Кругом меня окружала викторианская чопорность и ни тени эротики. Вообще по прошествии лет это время кажется мне самым скучным и тоскливым в моей жизни.

Случай спас меня от пагубного сплина. Все произошло настолько неожиданно, что я до сих пор поражаюсь, насколько неожиданными путями судьба вела меня к цели.

Однажды после клуба я отправился в театр, дабы хоть как-то скрасить скучный вечер. Было, кажется, еще что-то около десяти вечера, когда я вошел в свою ложу. Давали, как всегда, Шекспира. С тех самых пор как Сара Бернар открыла миру леди Макбет и Джульетту, везде только и ставили нашего прославленного драматурга. Бросив взгляд в сторону сцены, я стал лениво оглядывать соседние ложи, в которых сидели преимущественно все те же лица, которые я видел из раза в раз во время спектаклей. Неожиданно меня привлек молодой человек примерно одного со мной возраста, сидевший в ложе прямо напротив меня и со столь же ленивым выражением лица оглядывавший присутствующих. Заметив, что я смотрю в его сторону, он изящно поклонился. Я счел должным поклониться в ответ. Тут, заметив на моем мизинце правой руки перстень, молодой человек постучал указательным пальцем по точно такому же перстню, украшавшему его мизинец. Это был тайный знак

масонов. Я в точности воспроизвел его движения. Молодой человек кивком головы испросил у меня разрешения посетить мою ложу, на что я утвердительно кивнул в ответ. Наши действия и безмолвный диалог немного развеяли меня и даже чуточку заинтриговали.

Через некоторое время молодой человек вошел ко мне. Он тут же представился:

– Александр Томсон.

Я назвал. Вглядевшись в его лицо, которое показалось мне знакомым, я спросил, не виделись ли мы прежде.

– Конечно, – ответил мистер Томсон. – В ложе, например. И в клубе, соответственно. Вы не находите спектакль несколько скучным? – неожиданно спросил он.

– Не только несколько, но даже чрезвычайно скучным, – ответил я.

* * *

– В последнее время мне все кажется несколько скучным, – заметил мистер Томсон.

Итак, передо мной стоял молодой человек примерно одних со мной лет, одного социального статуса и с теми же взглядами. Чуть позже, когда мы познакомились и сошлись ближе, я стал звать его просто Алекс. Так я и буду звать его в моей биографии.

Постояв с минуту как бы в некотором раздумье, Алекс поглядел на меня немного странно и спросил, не хотел бы я развлечься. Конечно, я хотел.

– Только развлечение будет особого рода, – сразу же предупредил Алекс, едва мы вышли из театра и поймали кеб. – Что-то вроде инициации в нашей ложе, однако с иным уклоном. – Тут он сделал изящный жест рукой, означавший среди масонов тайну.

Это было как раз то, в чем я нуждался. Встряска! Хищник вновь заговорил во мне, требуя жертвы, и я бесстрашно последовал вслед за Алексом, садясь в кеб и указывающим вознице незнакомый адрес.

По дороге мой новый знакомый вкратце поведал, куда мы едем и что это будет за развлечение:

– Я, знаете ли, не питаю особых иллюзий по поводу нашей доблестной и достойнейшей ложи. Впрочем, как и большинство братьев. Это всего лишь тот же клуб, только с элементами мистицизма, правда, весьма умеренного. Я же долгое время пребывал в поисках других, так сказать, настоящих лож. И вот результат. – Алекс развел руками, как бы охватывая кеб. – Мы с вами едем в иное собрание.

– Так куда же мы едем? – поинтересовался я.

– Дело в том, что члены собрания, в которое мы с вами едем, – уклончиво ответил мой новый знакомый, – считают, что у Создателя имеется серьезный конкурент.

– Кто же сей конкурент?

– Тот, кому подвластно многое! – с торжественным видом изрек молодой человек.

– Насколько я понимаю, вы имеете в виду сатану? – спросил я.

– Именно так Мы с вами едем на черную мессу. Это самая настоящая черная месса с принесением жертвы сатане и последующей оргией, поэтому я попрошу вас соблюсти все правила, предписываемые этим собранием, тем более что я вынужден буду за вас поручиться, – предупредил меня Алекс. – Но не беспокойтесь, вас никто не узнает. Ведь все присутствующие будут в масках. Делайте то же, что буду делать я, и все пройдет отлично.

Это заставило мое воображение еще сильнее разыграться.

Кеб между тем уже достаточно углубился в районы Восточного Лондона.

– Бывали ли вы здесь когда-нибудь раньше, Джек? – поинтересовался молодой человек, видя проявленный мною интерес к тому, что творилось на улицах.

Я отрицательно покачал головой, с любопытством оглядываясь кругом. Действительно, я никогда не бывал в этой части Лондона. Грязные улицы, которые были лишь кое-где засыпаны щебенкой, окружали серые и неприглядные доходные дома с облупившейся краской фасадов и столь уродливой архитектурой, что они казались похожими на старые гнилые крошащиеся зубы нищего. У дверей были свалены кучи нечистот, выбрасываемых, по всей видимости, прямо на улицу. Иногда на первом этаже попадались бакалейные лавки, но чаще это были распивочные и низкосортные кабаки, за закоптившимися и ни разу не мытыми стеклами которых можно было лишь с величайшим трудом разглядеть тусклый свет даже не газовых, а масляных ламп. Представляю, какая в них, должно быть, стояла вонь. Около распивочных прямо в кучах нечистот и собственной блевотине валялись пьяницы, мимо них пробегали бродячие собаки, которые изредка останавливались, задирали лапы и мочились на валявшихся пьянчуг. Чуть далее, там, где улицы и проулки выходили на круглую площадь, толпились проститутки. Они наперебой расхваливали свои услуги.

Когда кеб выехал на площадь, я смог поближе рассмотреть их. Английские женщины, торговавшие своим телом, разительно отличались от красоток, даривших мне ласки в Индии и Китае. Даже от своих соплеменниц из Парижа местные потаскухи отличались. Они были настолько блеклые, что их не могли сделать привлекательными ни толстый слой пудры и помады на лице, ни яркие цветастые банты на одежде. Проститутки выглядели не просто вульгарно, они были отвратительны.

Сиплыми пропитыми голосами эти жрицы любви наперебой предлагали заняться любовью, нагло заглядывая в наш кеб и бесстыдно задирая грязные подола юбок.

– Эй, красавчики, пойдёте с нами! – неслось нам со всех сторон. – Эй, меня можно вдвоём! Красавчики, у меня есть подружка! Пойдёте с нами!

– Два шиллинга, – тихим голосом подсказал мне Алекс. – За два шиллинга любая из них позволит вам сделать с собой все, что угодно. А вон их хозяин, – кивнул он в сторону субъекта, шедшего по противоположной стороне площади. – Это Хитрый Шотландец. Идет проверять, как работают его девочки. Тот еще молодчик.

Я внимательно разглядывал немного сутулую фигуру сутенера, когда тот внезапно остановился и в упор посмотрел на меня. Наши глаза встретились. Не знаю, что испытал в тот момент Шотландец, но я почувствовал к нему внезапное отвращение и ненависть, как если бы увидел скорпиона, которого каждому хочется тут же растоптать, несмотря на то, что скорпион не сделал вам ничего плохого. Даже у египтян, которые живут среди скорпионов, первой реакцией на этих насекомых является брезгливая попытка убить их.

Проводив наш кеб долгим взглядом, Шотландец завернул в проулок. Мы же ехали все дальше, углубляясь в Уайтчепл, район притонов и борделей.

– Вам не кажется странным место, которое было выбрано для поклонения конкуренту Создателя? – спросил я своего спутника.

– Ничуть, – ответил он. – Видите ли, Джек, в Англии можно предаваться какому угодно делу и хобби, но не посягая на власть королевы. А дьявольская черная ложа как раз и являет собой подобное посягательство. Основой викторианства является англиканская церковь, чьи постулаты наша Виктория чтит превыше всего. Поэтому свои собрания ложа вынуждена проводить в подобном месте. С другой стороны, для многих это выглядит привлекательнее, чем напомаженный центр, – с улыбкой заключил Алекс. – Кстати, мы уже прибыли.

Я выбрался из кеба и, пока мой новоявленный приятель расплачивался с возницей, как и все лондонские кебмены завывавшим цену, задрав голову, с интересом оглядел здание, к которому мы подъехали. Здание то было весьма примечательным. Его силуэт, черневший в ночном небе и окутанный легкой туманной дымкой, тянущейся с Темзы, напоминал мне что-то. Само здание удивительным образом было отделено от остальных доходных домов, да к тому же выглядело значительно выше. Немного отойдя на середину улицы и приглядевшись внимательнее, я неожиданно догадался, что за здание высилось передо мной. Да, это была церковь!

Ко мне подошел Алекс, сумевший-таки убедить кебмена, что его такса завышена. Как я ни был занят разглядыванием старинного здания, все же отметил странность поведения молодого человека, одетого с иголочки и при этом ожесточенно торгующегося из-за пары пенсов.

– Это бывшая католическая церковь Девы Марии, – пояснил Алекс, кивая головой в сторону здания. – Ранее заброшенная, а ныне принадлежащая некоему филантропическому обществу развития культуры среди рабочих и лондонской бедноты. Вы еще не передумали?

Я отрицательно покачал головой и решительно шагнул к большим дверям, громко стуча тростью в такт шагам. Алекс едва поспевал за мной. Мы вошли в церковь, которая, к моему удивлению, оказалась открыта в сей поздний час. Кругом горели свечи, тихо потрескивая и распространяя вокруг аромат, благодати, удивительно непохожий на то, что я ожидал увидеть, распаленный своим воображением. Нас встретил молодой и весьма крепкий с виду мужчина, одетый в сутану священнослужителя.

– Чем могу быть вам полезен, сэр? – обратился он ко мне, но, увидев входящего следом Алекса, видимо, знакомого ему адепта “новой веры”, смолк и отошел, уступая мне дорогу.

– Ведите меня, Вергилий, – обратился я к новоявленному другу, пропуская его вперед.

Зайдя за анфиладу, мы очутились перед небольшой дверью, неприметной из зала, но хорошо видной с кафедры. Алекс отрыл ее и прошел внутрь небольшой комнаты. Я вошел следом за ним. В комнате, как оказалось, нас уже ждали. Передо мной стояла женщина в рясе монахини-бенедиктинки со свечой в руке. Она кивнула Алексу, словно старинному знакомому, и подала нам пару ряс и маски для глаз со шнурками, свисавшими по обоим концам. Совершенно не стесняясь женщины, Алекс начал раздеваться. Я последовал его примеру, сняв всю одежду, которую приняла монахиня, и натянув рясу. Мой приятель помог мне завязать на затылке маску. После того как мы подобным образом облачились, женщина вышла в другую потайную дверь, ведя нас за собой. Начался спуск в подвал церкви, который напомнил мне проход в главный храмовый зал ложи. Всюду на стенах висели писанные маслом портреты Люцифера и гравюры с изображением шабашей ведьм. Далее располагалась портретная галерея самых знаменитых людей, продавших душу дьяволу или же имевших с ним сношение. Галерея начиналась достославным Фаустом, чьи перипетии столь ярко описал Гёте.

Наконец спуск закончился, и мы вышли в большой зал, слабо освещенный церковными свечами, выкрашенными в черный цвет. Стены и потолок зала состояли из кирпичей, ничем не обмазанных и не оштукатуренных. На многих из них имелись выбоины, а на месте тех кирпичей, что выпали из стен подвального зала, стояли самые настоящие черепа, сильно заляпанные воском.

Посреди зала высился перевернутый алтарь, окруженный вычерченным на полу меловым кругом. На алтаре лежала девушка, совершенно обнаженная, но с маской на лице. Ее длинные блестящие волосы ниспадали с алтаря и касались пола, а груди бесстыдно торчали темно-розовыми сосками вверх. Девушка курила трубку необычной длины, в которой, по всей видимости, был опиум, изредка отпивая из рюмки какую-то жидкость зеленого цвета. Увидев нас, она громко воскликнула:

– Все в сборе!

И тотчас мужской голос подхватил ее возглас:

– Все в сборе! Добро пожаловать на мессу!

Услышав возглас, из затемненных ниш, которых я не заметил, войдя в зал, стали выходить люди, одетые, как и мы, в рясы и маски. Войдя в меловой круг, присутствующие взяли за руки и хором провозгласили:

– Мы готовы, наш повелитель!

– Иду, иду, – прозвучал в ответ все тот же мужской голос.

Зазвучала музыка. Я догадался, что где-то в нише спрятан граммофон. Неожиданно сильно запахло серой, девушка, лежащая на алтаре, в спешке допила остатки зеленой жидкости из рюмки и затушила трубку.

* * *

Портьера на дальней стене зашевелилась, и в зал вышло некое рогатое создание с чрезвычайно мохнатым телом. Его ноги, обутые в ботфорты чуть не до колен, дробно стучали, пока чудище подходило и усаживалось на трон, установленный перед алтарем.

Увидев рогатого, изображавшего, по всей видимости, председателя нашего собрания – дьявола, девушка, лежащая на перевернутом церковном алтаре, вдруг громко завизжала и потеряла сознание.

– Это он! Это он! – зашептали в восторге присутствующие.

Странно, но я пока что видел перед собой только лишь довольно крупного мужчину, весьма, впрочем, высокого, чье тело было исключительно волосатым. Рога же и часть бороды, закрывавшей лицо, похоже, были искусственными. Однако я перестал так думать, когда усевшийся на трон председатель достал неведомо откуда большое блюдо с насыпанным сверху желтоватым порошком и воскликнул:

– Ведьмаки и ведьмы! Верите ли вы в меня более, чем в Иисуса Христа?

– Да! – выкрикнули присутствующие, поднимая руки вверх.

– Тогда вот вам за это подарочек.

И рогатый председатель передал ближайшему блюду. Тот схватил и тотчас припал лицом к нему, жадно вдыхая в себя желтоватый порошок. Затем он передал подарок сатаны следующему, который проделал точно те же действия. Увидев, что стоявший передо мной Алекс с удовольствием вдыхает порошок, я последовал его примеру. Когда я передал блюдо следующему и огляделся, то увидел, что меня окружают прекраснейшие люди, а на троне восседает сам Люцифер. Он был велик и ужасен одновременно, а вокруг пламени свечей плясали разноцветные круги. В голове сделалось удивительно легко, а тело приобрело необыкновенную гибкость. Вновь заиграла музыка, многие присутствующие стали пританцовывать.

– А теперь воздайте мне должное! – воскликнул Люцифер, поворачиваясь на троне спиной к присутствующим.

Я читал в какой-то книге о том, что во время шабашей и черных месс необходимо чтить сатану, целуя его в зад, а потому нисколько не удивился, когда присутствующие, подходя по одному, долго и страстно приникали к оголенному седалищу Люцифера, оказавшемуся не менее волосатым, чем его тело.

Когда этот обряд был завершен, присутствующие воскликнули хором:

– Божественный, мы привели тебе новую невесту.

И тотчас в наш круг вступил священнослужитель, тот самый, который встретил меня и Алекса у входа в церковь. Он был одет все в тот же наряд. Подойдя к алтарю, священник разложил прямо на лоне девушки библию, перевернув ее вверх ногами, поставил рядом чашу с зеленой жидкостью и облатки. Быстро и заученно, видимо делая это уже несчетное количество раз, священник прочитал “Отче наш” задом наперед. Во время чтения девушка очнулась и теперь тихо лежала, испуганно поглядывая то на столпившихся вокруг нее людей, то на сидящего поодаль Люцифера. Закончив, священник поднял чашу, которую председательствующий на черной мессе вечный противник Господа бегло благословил.

– Выпьем винца, братья! – объявил священнослужитель. – Чертовски хорошее винцо! Ух, в бога душу мать! – выругался он, отпив из чаши и промокнув губы платком.

Чаша пошла по кругу. Я жадно отпил, и голова моя закружилась. По всей видимости, зеленая жидкость была не что иное, как дорогой абсент, в который добавили лауданум – настойку, содержащую опиум. В сочетании с кокаином, который мы нюхали с блюда Люцифера, этот коктейль

произвел в моей голове взрыв. Я смотрел на мир и не узнавал его. Тела людей вытягивались, укорачивались и одновременно становились прекрасными, как статуи греческих богов. Многие мужчины и женщины уже скинули с себя рясы и, будучи нагишом, предались кто танцам, а кто любовным утехам. Но оргия еще только начиналась. Люцифер соскочил с трона и подошел к смиренно лежащей перед ним на перевернутом алтаре девушке, назначенной в эту мессу исполнять роль невесты дьявола. Ее уже хорошенько успели опохмелить абсентом с лауданумом, к тому же она курила опиум, так что бедное создание, думавшее, что перед ней стоит сам сатана, мелко задрожало, прикрываясь руками. Некоторые присутствующие, побросав любовниц, подскочили и, схватив девушку за руки и за ноги, развели их в разные стороны с криком: "Слава тебе, князь утренней звезды!" Я тоже подбежал к алтарю и, наматав длинные волосы девушки на кулак, приподнял ее лицо так, чтобы она видела все, что с ней будут делать.

Девушка завизжала, когда рогатый с силой вошел в нее, что было немудрено, так как мужская гордость Люцифера оказалась огромной. Присутствующие радостно вторили визгу, подвывая. Всеобщий вой и визг разлетелся по сводчатому потолку подземного зала, ударяясь о стены и резонируя. Девушка вновь потеряла сознание. Люцифер хлопнул в ладоши, несчастную перевернули, подставив рогатому зад, в который тот не преминул зайти. Девушка очнулась от боли и закричала, но своим криком только подзадорила собравшихся. Чтобы доставить себе еще большее удовольствие от виденного, я, держа за волосы невесту дьявола, отвесил ей пару хороших оплеух.

Когда Люцифер насытился, его сменил другой мужчина, а остальные, бросив девушку, кинулись в круг, где уже лежало несколько пар, чьи тела сплелись в порыве экстаза.

Это было замечательно! Я перескакивал с одной партнерши на другую. Их лиц я не видел, их тела казались мне прекрасными. Я был счастлив, я был в своей среде, я столько раз испытывал оргазм, что сбился со счета. Уже остальные мужчины устали, а я продолжал и продолжал совокупляться, пока не упал в совершеннейшем беспамятстве.

Не помню, как я оделся, как вышел из церкви, как добрался до дома. Помню лишь ощущение полнейшей опустошенности и необыкновенной легкости, которая еще долго оставалась во мне.

Теперь раз в месяц я посещал оба собрания: собрание Великой английской объединенной ложи старых франкмасонов и собрание дьявольской черной ложи, представлявшейся миру как филантропическое общество развития культуры среди рабочих и лондонской бедноты. Черные мессы и шабаши вернули меня к жизни, что не преминули заметить мои друзья и знакомые. Я вновь почувствовал вкус к делам, блестяще закончил обучение, стал серьезно интересоваться политикой, оказавшейся полем деятельности как раз для таких хищников, как я. Я даже начал брать уроки фехтования, ныне совершенно забытого искусства благородных людей, которое преподавал, и, надо отметить, великолепно преподавал, учитель Дон Хуан, прибывший еще в середине века из Испании. В фехтовании я также преуспел, так как с детства тренировал кисти, так что теперь я владел саблей обеими руками.

Что же касается масонской ложи, то, став вскоре подмастерьем, а затем, по взаимному согласию остальных братьев, и мастером, я также занял в ней место, достойное меня. Теперь положение обязывало меня выдвинуться на соискание должности, в которой я был бы способен составить себе карьеру, положение в обществе и, разумеется, приумножить капитал, оставленный родителями. Вскоре такая вакансия подвернулась, причем завидная со всех точек зрения. Братья-масоны, среди которых были высокопоставленные члены кабинета министров и даже члены королевской семьи, позаботились о моем будущем, тем более что им был нужен свой человек на этом месте. Речь шла о должности лейб-медика королевской семьи. Должность эта скорее просветительская и представительская, нежели практикующая лечение, тем более что я был скорее хирургом, нежели терапевтом. У королевы уже имелся личный врач, да и остальные члены семьи предпочитали иностранных докторов, однако правила требовали наличия лейб-медика, и на соискание была выдвинута моя скромная персона. Как вы уже догадались, я легко получил эту должность.

Тем же вечером, когда я узнал о назначении, мы с Джимбо и Малышом Саймоном славно отметили это событие в ресторации. Упившись шампанским, Джордж Мюррей, с недавнего времени переставший быть младшим в связи с кончиной своего батюшки, стал буяннить, разнес вазу, стоявшую в углу, и еще долго гонялся за певичками. Малыш Саймон сидел верхом на повернутом спинкой стуле, хохоча до упаду и скатывая из хлебного мякиша шарик, которыми он кидался в пробегавшего мимо раскрасневшегося Джимбо. Вволю набегавшись, сэр Джордж Мюррей остановился перед нами, залпом выпил бокал шампанского и, задыхаясь, заявил:

– Я же говорил, что, когда придет старина Джек, вот тогда начнется настоящее веселье.

Он уселся подле нас, велел официанту вернуть певичек, пообещав, что не будет заирать их юбки в течение ближайшего получаса, и спросил меня:

– Скажи, Джеки, а что это у тебя за новый приятель? Такой мелкий и худой? Я его что-то раньше нигде не видал.

Я с удивлением посмотрел на университетского товарища.

– Как это нигде не видел? А в ложе? Или в клубе?

Джордж задумчиво почесал взлохмаченные волосы.

– Что-то не припомню. Хотя если честно, то его рожа показалась мне знакомой. Я видел вас случайно обоих в кебе. Вы ехали куда-то и сидели чуть ли не в обнимку, словно голубки, типа приятелей этого гомика Уайльда.

Я пару раз предлагал Алексу познакомиться с моими приятелями, но он неизменно отклонял предложение, что казалось мне странным, и если бы не его утонченный вкус, знания и острый ум, которые мне импонировали, то я бы давно уже расстался со столь необычным товарищем. Я часто бывал у него дома, да и он ко мне несколько раз заезжал, особенно когда у меня никого не было, но я действительно ни разу не видел Александра Томсона в клубе, в ложе и на различных великосветских раутах и прочих публичных мероприятиях.

– Мой приятель немного стеснителен, – отделался я скомканным объяснением и тут же постарался перевести тему разговора в другое русло. – Лучше скажи-ка мне, Джимбо, когда мы будем лицезреть твою невесту?

Джордж плотоядно ухмыльнулся:

– Уже на следующей неделе. Ее отец устраивает бал, на который, я надеюсь, вы обязательно придете. Поддержать старого товарища, – добавил он, видя, как мы в шутку начинаем отнекиваться. – Там будут хорошенькие мисс. Кстати, бал устраивается в основном из-за младшей сестры Джулии, так зовут мою невесту...

– Да знаем мы, как ее зовут! – воскликнул Малыш Саймон пьяным голосом. Ты лучше скажи, много ли за этой младшей дают приданого? Ты, например, за свою сколько берешь?

– Сэр! – строгим тоном сказал Джордж Мюррей, вскакивая со стула и нависая над Малышом Саймоном. – Да как вы смеете говорить о таком с джентльменом? Вообще-то немного, – туг же сказал он своим обычным веселым голосом. – В этой семье главное – положение при дворе и титул.

– Что ж, ради положения и титула стоит сходить на бал, – заявил Саймон. – Так ведь, Джеки?

– Точно, – сказал я и крикнул, обращаясь к вышедшим на импровизированную эстраду молоденьким певичкам: – Девочки, пойте же нам!

Глава третья

Полицейская карета подъехала к роскошному особняку, располагавшемуся прямо в самом центре Лондона. Выходя из кареты, Фредерик Эберлайн подумал, что из окон особняка наверняка открывается прекрасный вид на стоявший напротив архитектурный ансамбль, он даже захватывает угол открывающейся Трафальгарской площади, не то что вид из его конуры, чьи окна выходили прямо на кирпичную заднюю стену соседнего доходного дома. Двухкомнатная, скромная по размерам квартира инспектора была полнейшей противоположностью роскошным апартаментам, занимаемым главой Скотленд-Ярда.

Дверь открыла опрятная горничная, которая с учтивым поклоном провела гостя, а Годли побоялся заходить к всесильному лорду Пальмерстоуну в прихожую, шикарную обставленную дорогой мебелью. Пока Эберлайн, словно зеленщик, принужден был ожидать внизу хозяина особняка, он с интересом принялся осматриваться. Картины, украшавшие стены коридора, уходящего вдаль и освещенного светлыми газовыми рожками, говорили о дорогостоящих пристрастиях лорда Пальмерстоуна. В углу красовалась гравюра с изображением Хирама, мифического родоначальника вольных каменщиков, державшего в руках циркуль и угольник, символы масонов. Несмотря на обет молчания и сохранения тайны ложи, хозяин повесил гравюру на видное место таким образом, чтобы всякий входящий в его особняк знал, с кем имеет дело. В Лондоне ни для кого не было секретом, что лорд Пальмерстоун являлся председателем лондонской ложи и имел двадцатую степень посвящения, то есть имел титул его преподобия Великого магистра.

Дверь в конце коридора открылась, послышалось звяканье столовых приборов и шум множества голосов, которые означали, что лорда оторвали от ужина в кругу гостей, а это не предвещало инспектору ничего хорошего. Однако Фредерик Эберлайн был не из робких, а потому совершенно не обратил внимания на недовольный вид вышедшего к нему главы Скотленд-Ярда и накрахмаленную салфетку, которую он забыл снять с горла.

– Надеюсь, инспектор, у вас достаточно важная новость, чтобы прийти ко мне во внеурочное время, – немного обиженным и крайне рассерженным тоном сказал лорд Пальмерстоун.

Эберлайн прекрасно понимал старика. Его назначил на должность главы Скотленд-Ярда старинный приятель, занимающий ныне должность премьер-министра, которому очень хотелось иметь на этом месте своего человека. Совершенно не склонный к ежедневным столкновениям с грязью и человеческими пороками, лорд Пальмерстоун старался как можно меньше вникать в работу порученной ему организации, давая тем самым определенную свободу действий инспекторам. За это Эберлайн чрезвычайно ценил старика, однако дело Джека Потрошителя требовало его постоянного участия.

– Сэр, я прошу простить меня, что отрываю вас от ужина, – учтиво и мягко сказал инспектор, – но мы нашли его.

Еще одним качеством нынешнего главы Скотленд-Ярда было поразительное умение с полуслова понимать собеседника. Лорд Пальмерстоун тотчас же подобрался, глаза его заблестели.

– Замечательно, инспектор Эберлайн! Просто отлично! Что требуется от меня?

– Разрешение на арест, сэр.

И опять главу Скотленд-Ярда не подвело умение понимать, куда клонит его подчиненный.

– Если вам требуется разрешение, значит, это не просто уличный бродяга? – задал он наводящий вопрос и, предугадывая ответ, отворил боковую дверь, ведущую в небольшой кабинет. – Прошу.

Кабинет был еще и курительной комнатой. Старик достал из шкафа деревянную шкатулку с сигарами, раскрыв ее и протянул инспектору. Подобный жест мог означать только одно: лорду была крайне необходима поимка злодея, держащего в страхе огромный город.

– Итак, инспектор, кто он?

– Это лейб-медик королевской семьи, сэр, – ответил Эберлайн.

Лорд Пальмерстоун задумался. Сэр Джек находился под наблюдением полиции в связи с убийством его жены, а также некоего джентльмена, чье лицо было настолько изуродовано, что никто не смог признать его. Дело было темным и пахло прелюбодеянием. Лейб-медик мог бы легко отделаться, если бы признался в том, что застав супругу с неким джентльменом в интимной позе, не сдержал порыва чувств и убил обоих. Однако сэр Джек, коего знал весь высший аристократический свет как самого блестящего молодого человека, начисто отрицал свою причастность к преступлению, совершенному в его особняке, а потому старый глава Скотленд-Ярда считал должным поручить расследование этого запутанного дела не менее блестящему инспектору Эберлайну, который уже вел одно расследование – дело Джека Потрошителя. Теперь же Эберлайн поставил лорда Пальмерстоуна перед фактом, что сэр Джек и является тем самым пресловутым потрошителем падших женщин.

– Надеюсь, вы понимаете, инспектор, всю серьезность выдвигаемого вами обвинения? – строго спросил он подчиненного.

Фредерик Эберлайн слегка наклонил голову.

– Я готов представить неопровержимые доказательства.

Старый лорд хмыкнул:

– Неопровержимые доказательства! Мой дорогой, неопровержимыми бывают лишь те доказательства, когда вы застаете подозреваемого на месте преступления, – сказал он, глядя на инспектора грустными, по-стариковски слезящимися глазами.

Эберлайн хотел было сказать, что он проработал в Скотленд-Ярде уже больше десяти лет, а потому может судить о доказательствах самолично, однако, встретившись взглядом с лордом, понял, в какое трудное положение он поставил старика и насколько тяжело тому принимать решение.

– Ладно, Эберлайн, скажите, это дело не может подождать до утра? – с надеждой в голосе спросил лорд Пальмерстоун.

– Нет, сэр. К сожалению, у меня имеется информация, что за сэром Джеком кроме нас охотится некий субъект, который имеет на него зуб и хочет свести счеты.

– Кто же это?

– Имени его мы не знаем, имеется лишь кличка. Хитрый Шотландец.

– А, припоминаю, – закивал головой старик – Это тот самый сутенер, чьих подопечных убивал Джек Потрошитель. Гнусный субъект. Ну так арестуйте его, инспектор.

– К сожалению, Хитрый Шотландец не зря зовется хитрым, – развел руками Эберлайн. – Он хорошо прячется, и мы не можем его найти.

Лорд Пальмерстоун шумно запыхтел сигарой, в волнении забыв, что она так и не была прикурена. Видно было, что решение давалось ему тяжело.

– Значит так, инспектор, э-э, Фредерик, я надеюсь, что ваши догадки, я подчеркиваю, догадки, по поводу причастности лейбмедика королевской семьи к ужасным убийствам проституток останутся между нами. – Старик выразительно посмотрел на Эберлайна.

– Но сэр...

– Никаких “но”! – прикрикнул лорд Пальмерстоун. – Не забывайте, инспектор! Вы получаете разрешение на арест сэра Джека в связи с убийством его жены Хлои и неизвестного мужчины, найденного в его особняке. Вы не понимаете, какой кризис разразится в стране, если ваши догадки всплывут наружу, – доверительным тоном сказал он, поглаживая перстень с выгравированными символами вольных каменщиков, надетый на мизинец.

– Я все понимаю, сэр. Разрешите идти, сэр, – с поклоном встал Эберлайн.

– Идите.

Инспектор поспешно вышел и, дробно стуча каблуками, сбежал со ступенек. Сержант мирно дремал в углу кареты, когда он заскочил в нее. Мигом проснувшись, Годли вопросительно уставился на начальника.

– Только из-за жены, – коротко пояснил ему Эберлайн.

– И то хорошо, – заметил сержант и крикнул вознице: – Вест-Энд, Литтл-Райдер-стрит, особняк

объекта.

Карета немедленно тронулась в путь, провожаемая грустным взглядом следившего из окна своего роскошного дома лорда Пальмерстоуна, который понимал, что после этого дела он должен будет подать в отставку и тем самым подвести своего друга, премьер-министра.

* * *

Знал ли я, еду на бал, приглашенный своим университетским товарищем сэром Джорджем Мюрреем, о том, что там я встречу свою судьбу? Нет, конечно. Я просто ехал на бал, чтобы поддержать товарища и приятно провести вечер. Думал ли я, тщательно одеваясь в великолепную фракную пару, что буквально через какой-то час буду лицезреть богиню? Нет, не думал. В тот момент я думал о том, насколько хорошо сидят на мне брюки, словно бы сошедшие со страниц романа Оноре де Бальзака "Отец Горио", о которых Растиньяк походя сказал, что знает одного портного, чье мастерство принесло молодому человеку, вздумавшему покорить Париж, сорок тысяч франков годового дохода в виде приданого. Возможно, раз я вспоминал эти строки, то наверняка в моей голове вертелись мысли о женитьбе, но ведь я собирался поглядеть на девушку, с которой недавно обручился Джимбо, и уж никак не предполагал о поклонении богине, подчинившей мое сердце одним взглядом. Нет, нет и еще раз нет, я даже не задумывался об этом. Я просто собирался на один из многочисленных балов, которые мне предстояло посетить в этом году. Ничего особенного, заурядное развлечение на вечер, совершенно несравнимое с острым блаженством, которое я испытывал, валяясь в куче сплетенных в едином половом акте пар на полу церковного погреба. Бал, как я предполагал, не походил и на собрания ложи, во время которых диспут о магических ритуалах и символах иной раз достигал такого накала, что мне казалось, будто душа моя отлетает куда-то высоко и парит там, окруженная душами собеседников-братьев.

Бал казался мне одним из разряда тех балов, на которых чопорная публика более всего обращает внимание, как бы кто-нибудь не шаркнул ногой или не чихнул в кулак громче обычного.

Я уселся в ландо, и кучер повез меня в большой дворец, принадлежавший одному из самых старинных родов Англии. Прибыл я туда лишь в половине двенадцатого, однако же освещенная площадка перед входом была до отказа запружена каретами, колясками и прочими средствами передвижения. Похоже, что бал был в самом разгаре. Скинув на руки подскочившему лакею легкий плащ, я прошел в зал, где тотчас же столкнулся с раскрасневшимся от бездумного кружения в танце Малышом Саймоном. Саймон схватил меня за руку и, сообщив, что невеста чудо как хороша и что я просто обязан на нее посмотреть, потащил меня в глубь зала, заполненного множеством разодетых леди и джентльменов. Я последовал за ним, продираясь сквозь нестройные ряды танцующих пар, которые Малыш Саймон с присущей ему мальчишеской непринужденностью ловко расталкивал узкими плечами. Наконец мы оказались у больших колонн, огибавших огромный зал, возле которых теснилась нетанцующая публика и где в промежутках между колоннами стояли столы с напитками и фруктами. Там же были расставлены кресла, в которых сидели дамы, преимущественно пожилые, которые в праздном одиночестве пристально разглядывали танцующие пары, как разглядывает партер театральное действие. Около молоденьких мисс, восседавших в креслах, словно мотыльки, кружились молодые люди, напоминавшие фалдами фраков огромных жуков. Остановившись около самой большой толпы жуков, Малыш Саймон принялся энергично протискиваться к креслу.

– Джордж, Джордж, Джек пришел.

– А, старина! – раздался радостный возглас Джимбо.

Молодые люди тут же разделись в разные стороны, открыв мне удивительное по изяществу и красоте создание, сидящее рядом с Джорджем в кресле. Университетский товарищ вскочил и бросился ко мне:

– Позволь представить.

Я был ошарашен. Меня словно бы ударила молнией. Сердце мое колотилось с бешеной скоростью, в висках стучало, низ живота сжимался. Я был словно в лихорадке, чувствуя, как по спине стекает капля. Боже мой! Неужели передо мной сидит человек, а не случайно спустившийся на землю ангел? Как она прекрасна! Как совершенны ее движения, как правильны черты ее лица, как безупречно она одета! А этот смех? Это просто смех ее или же это пение ангелов? Что она говорит? Она смотрит на меня.

– Мисс Хлоя, позвольте представить вам моего лучшего друга, – сказал Джимбо, подталкивая меня к креслу.

Девушка повернула ко мне свое прелестное личико и с милой улыбкой подала руку. Только остатки самообладания позволили мне собраться с силами и, склонившись в глубоком поклоне, поцеловать руку.

– Прекрасный выбор, Джордж, – через силу произнес я.

– Да? – удивленно спросил Джимбо. Малыш Саймон расхохотался.

– Джек, старина, это не будущая невеста Джорджа. Это ее сестра, – объяснил Джимбо, хохоча следом за Саймоном. – Мисс Хлоя, а где Джулия?

– Сэр, – отвечала девушка, не сводя с меня взгляда своих прекраснейших в мире глаз, – я думаю, вам лучше знать, где скрывается ваша нареченная. Так ведь, сэр Джек? – И, не дождавшись моего ответа, она приняла приглашение от какого-то щеголя и ускользнула вместе с ним в круг танцующих.

Я проводил девушку долгим-долгим взглядом. Джимбо, наблюдавший за мной все это время, промолвил:

– Похоже, наш невозмутимый Джек на этот раз потерял голову. Не правда ли, хороша?

– Да, – только и смог сказать я, подходя к столу и принимая от лакея бокал с шампанским.

– Это младшая дочь лорда Солсбери, чьими гостями мы имеем честь быть, – пояснил сэр Джордж Мюррей. – Я, если хочешь знать, тоже нахожу ее чрезвычайно привлекательной. Если уж быть до конца откровенным, то намного привлекательнее моей невесты Джулии.

Я недоуменно посмотрел на товарища.

– Но, видишь ли, мы все стараемся как можно удобнее устроиться в этой жизни, старина Джек, – тихим и немного печальным тоном произнес Джимбо, беря меня под руку и направляясь в курительную комнату. – Поэтому из двух дочерей лорда я выбрал старшую.

Мы вошли в курительную комнату, куда лакей тотчас принес канделябр с зажженными свечами и бокалы с шампанским.

– Мисс Хлоя – очаровательное создание, но, как это бывает у младших и слишком избалованных детей, она привыкла быть в центре внимания. В отличие от старшей. Моя Джулия не такая. Она будет ухаживать за мной. Тот же, кто возьмет замуж мисс Хлою, принужден будет сам за ней ухаживать, да еще и глаз с нее не спускать. Так-то вот. – Джимбо отсек перочинным ножиком кончик сигары и раскурил ее от пламени свечи.

В этот момент в курительную комнату вошел благообразный старик в сопровождении крепкого с виду пожилого мужчины. Старика я знал прекрасно, это был Великий магистр ложи, лорд Пальмерстоун, глава Скотленд-Ярда. Его спутника мне представил Джордж:

– Лорд Солсбери. Мы раскланялись.

– Могу ли я поинтересоваться, какова ныне тема разговоров у молодежи? – учтиво поинтересовался, усаживаясь в кресло и раскуривая сигару, лорд Пальмерстоун.

– Мы с моим другом говорили о прошлогоднем покушении Родерика Маклина на ее величество, – без тени смущения соврал Джордж.

– Ужасное, ужасное преступление, – закивал головой старый лорд, напоминая мне более всего павиана, недавно привезенного в Лондонский зоопарк, который я посещал в прошлую пятницу. – Какая наглость – поднять руку на обожаемую королеву. Ведь она столько сделала для Англии. У молодежи не осталось ничего святого.

– Да-да, – вторил ему будущий тесть моего университетского товарища.

Похоже, что Джимбо хорошо изучил повадки старых павианов, подумал я, кивая головой вместе с остальными. Внезапно дверь широко распахнулась, и в курительную комнату вбежала моя богиня, цветущая и прекрасная.

– Папа, – громко вскричала богиня, называя лорда Солсбери на французский манер с ударением на последнем слоге, – я хочу поехать завтра в Гайд-парк!

И с видом капризного ребенка, который знает, что он мил, а оттого ему все позволено, прелестница надула губки, давая понять, что она готова к отказу, но месть будет неминуема и страшна. Зная, что на нее смотрят молодые мужчины, она покраснела от удовольствия.

– Ну что за милый ребенок! – воскликнул лорд Солсбери, пытаясь уйти от темы.

– И скажи, зачем тебе ехать в Гайд-парк, дитя мое? – ляпнул Великий магистр собрания Великой английской объединенной ложи старых франкмасонов к вящему неудовольствию отца богини.

– Ах! – воскликнула мисс Хлоя, а именно она казалась мне богиней, преисполненной величия, прелести и красоты. – Там будет выступать Бернард Шоу!

– Но юной девушке не пристало посещать одной подобные общественные сборища, – попытался урезонить дочь лорд Солсбери.

– А я хочу! – заявила богиня и сердито топнула ножкой.

Неожиданно не только для присутствующих, но и для самого себя я решительно подошел к девушке, поклонился и сказал:

– Мисс Хлоя, позвольте мне сопроводить вас завтра в Гайд-парк.

Богиня одарила меня очаровательно благодарной улыбкой и, бросив одновременно гордый и победный взгляд в сторону оторопевших павианов, взяла меня под руку и направилась в зал.

– Сэр Джек, не правда ли? – спросила она меня. – Джордж столько рассказывал о вас, вспоминая университетские годы. Помнится, он называл вас не иначе как величайшим выдумщиком по части развлечений. – Хлоя выразительно посмотрела на меня. – Надеюсь, что ваши таланты распространяются дальше студенческих забав?

Что я мог сказать в свое оправдание? Я испытывал такую сильную страсть к этой жеманнице, мои глаза застилал столь сильный любовный туман, что я не замечал ни одной отрицательной

черточки, коими в достатке, как затем выяснилось, была наделена эта девушка, казавшаяся мне идеалом красоты. Она же, понимая всю силу своего очарования, пользовалась этим в полной мере. Едва выйдя в зал, мисс Хлоя тотчас окружила себя поклонниками, беззастенчиво посылая одного за прохладительным лимонадом, другого за оставленной где-то у кресла сумочкой, третьего еще бог знает за чем, но молодые люди, которые, как и я, боготворили этого дьяволенка в платье, только рады были исполнить любую просьбу, любой каприз юной красавицы.

Я знал себе цену, а потому сразу решил, как завоевать сердце ветреницы, по поведению которой сразу становилось понятно, почему бог изгнал Адама и Еву из рая. Не будучи, в отличие от молоденьких воздыхателей, столь ревностным исполнителем капризов богини и не уподобившись ручным собакам, кои стремглав бегут за брошенным предметом в надежде на ласковое слово или же почесывание за ухом, я сторонился подобного к себе отношения, однако не давал повода мисс Хлое сделать вывод, что я также не влюблен в нее. При этом я поощрял в ней привычку помыкать воздыхателями, сам несколько раз прося принести то одного, то другого что-нибудь, разумеется, “для очаровательнейшей мисс Хлои, голубчик, ну что вам стоит, сделайте же милость”. Кроме того, мне на руку была моя тогдашняя слава самого блестящего и завидного жениха в великосветских кругах.

Уже через некоторое время подобная политика начала приносить свои плоды. Богиня постепенно спустилась с Олимпа и, осторожно ступив прекраснейшей в мире ножкой на твердь земную, поинтересовалась как бы невзначай, танцую ли я. Только что закончился танец, музыканты собрались грянуть следующий, а потому я, естественно, сказал, что с удовольствием готов пригласить мисс Хлою на танец, потому что если я и соглашаюсь танцевать, то лишь в паре с красивейшими женщинами. Она, покраснев от удовольствия, позволила ввести себя в круг танцующих.

Боже, как самозабвенно она танцевала! Иной раз я наблюдал, как Хлоя закатывала глаза и тесно прижималась к партнеру, млея от восторга кружения в танце. Что до меня, то я сам, да и все другие ее партнеры были для нее лишь декорацией, и чем выше оказывался статус партнера, то прекрасней казалась ей декорация, на фоне которой блистала только она – несравненная Хлоя. Она была прекрасна, истинно говорю вам!

Весь вечер после этого мы танцевали с Хлоей или же общались в очень тесной компании: я, богиня, Джимбо, его невеста и сестра Хлои Джулия, а также неизменный Малыш Саймон, более других потешавшийся, когда я посылая кого-нибудь из топтавшихся поблизости от нашего тесного кружка поклонников мисс Хлои, например, за оставленной мной где-то в зале тростью, разумеется, исключительно для удовлетворения любопытства богини, возжелавшей получше рассмотреть эту замечательную вещицу.

– Старина Джек просто бесподобен! – воскликнул Малыш Саймон. – Разве не так, мисс Хлоя? – обратился он с вопросом к богине.

Та окинула меня немного задумчивым взглядом и непринужденно рассмеялась.

– И чрезвычайно самоуверен, – добавила она, кокетливо оправляя прическу.

Этот момент решил для меня все – прошлое, настоящее и будущее. С этого момента я знал, что для меня не будет иной женщины, которую я возжелал бы с большей страстью, чем ее.

* * *

На следующий день, как и было условлено, мы отправились в Гайд-парк послушать выступление некоего мистера Шоу. Лично я считаю, что джентльмен, обладающий подобной фамилией, которая говорит сама за себя, просто принужден судьбой выступать перед многочисленной аудиторией, развлекаая ее невероятными пассажами. Что и говорить, мистер Бернارد Шоу был чрезвычайно увлекательным оратором. Мисс Хлоя была прямо-таки заморожена его выступлением, которое ей до этого расхваливали. Что до меня, то я тоже находился под впечатлением мистера Шоу, правда, мне был неприятен облик этого джентльмена: этакий типичный ирландец, только трезвый, рыжеволосый, с бородкой чуть не оранжевого цвета, отчего я, имеющий привычку воспринимать людей в цвете, видел его словно бы сделанным из металла, изрядно изъеденного ржавчиной. Кроме того, мятый костюм, неуклюже сидящий на высоченной, слегка сутулой фигуре мистера Шоу, отталкивающе действовал на слушателей. Все это не могло не отразиться на моем впечатлении от выступления, о чем я чистосердечно признался Хлое, ведя ее под руку по центральной аллее парка.

– Вы слишком пристрастны, Джек, – мягко сказала Хлоя. – Многие дамы, например, считают, что мистер Шоу очень мил. И даже привлекателен.

Конечно, эти слова были произнесены, скорее всего, для того, чтобы подзадорить меня, но я быстро раскусил этот нехитрый женский маневр, а потому повел свою атаку:

– Видите ли, мисс Хлоя, я считаю, что человек, занимающийся литературным творчеством, а именно этим занимается, насколько я осведомлен, мистер Шоу, является в высшей степени Творцом. Литератор соприкасается с прекрасным. Даже описывая ужасы реальной жизни, он творит. Поэтому в нем все должно быть красиво: и лицо, и тело, и одежда.

Хлоя не могла удержаться от замечания, что хотела бы взглянуть на такого литератора.

– Вы его прекрасно знаете, – тут же раскрыл я ловушку.

– Кто же сей Аполлон? – заинтересованно спросила молодая кокетка.

– Это Оскар Уайльд!

– Так ведь он... – невольно вырвалось у Хлои.

Я внимательно посмотрел на засмущавшуюся богиню, чей облик в этот момент был прекрасен. Надеюсь, вы догадались, что хотела сказать несравненная богиня. К счастью, я знал Оскара лично, а не по слухам, а потому как бы ненароком бросил, что в ближайшем будущем Уайльд, подобно сэру Джорджу, будет осчастливлен одной молодой особой. Моя богиня после этих слов зарделась пуще прежнего.

– Вы, как я заметила, – сказала она после некоторого раздумья, – тянетесь ко всему прекрасному, однако же не к людям. Вы не считаете людей достойными вашего внимания?

Молодость мыслит категорично. Я еще сам был молод, но рядом с мисс Хлоей казался себе умудренным опытом, даже в некоторой степени старцем.

– Отчего же, когда я вижу красивого человека, меня тянет к нему. Его общество я предпочитаю другим, к его мнению я внимательно прислушиваюсь, им я восхищаюсь, и ему я готов поклоняться.

Гордо вздернув носик, Хлоя раскрыла белоснежный зонт и величественно направилась к выходу из Гайд-парка, не преминув при этом заметить, что погода нынче ужасная, солнце то скрывается за тучами, то вновь светит, а стало быть, пора ехать домой.

– Вы ведь не откажетесь пообедать с нами, сэра Джек?

Конечно, я не возражал.

Так постепенно, шаг за шагом я обратил все внимание богини на свою скромную персону. Догадавшись по первым фразам, коими встретила мисс Хлоя меня на балу, что от меня ждут, прежде всего, увлекательного досуга, я придумывал все новые и новые развлечения, часто невинные, иногда с легким налетом флирта, что чрезвычайно нравилось так легко увлекающейся Хлоей. Уже через какой-то месяц она, посылая мне чуть не ежедневные письма, требовала, чтобы я немедленно приехал к ней, так как “маменька занята, Джулия все носится со своим свадебным нарядом, а я одна, совсем одна, всеми покинутая и забытая, так что вы просто не имеете права вот так вот бросить меня в тот самый момент, когда ужасная мигрень скоро сведет меня в могилу, слышите, вы, негодник! Приезжайте же скорее!”. У меня все еще хранятся эти письма, прекрасные послания шаловливого ребенка, а именно такой была в то время моя обожаемая Хлоя.

Дело шло к свадьбе. Зная ветреный характер мисс Хлои, я быстро обручился с ней, и мы сыграли свадьбу одновременно с Джимбо и Джулией, старшей сестрой Хлои. На двойное бракосочетание съехалась весь лондонский свет. Даже королева прислала поздравление. Это было незабываемое празднество. Все гости, без сомнения, признали нас самой красивой парой из всех, что им приходилось видеть.

Я торжественно ввел невесту в свой дом, и она стала в нем хозяйкой, а мне женой. Столь патетический стиль напрашивается сам собой, когда я вспоминаю те дни, которые, как мне кажется, были самыми счастливыми в моей жизни. Говорят, что многие семьи переживали свои лучшие дни в первый месяц после свадьбы, за это подобный месяц и зовется “медовым”. Мою Хлою чрезвычайно забавляла и увлекла новая игра в супружескую пару, а именно игрой она представляла себе наш брак. Кроме того, ей импонировало быть хозяйкой большого особняка, распоряжаться множеством слуг и самостоятельно вести хозяйство. Видели бы вы, с каким важным видом Хлоя выговаривала кухарке, что та подала на стол к завтраку не вареные яйца, а обычную английскую яичницу с беконом. Когда я возвращался вечером домой, она заставляла слуг выстраиваться в холле и встречать меня, благо о моем появлении становилось известно заранее, так как из окон особняка было отлично видно всю улицу и, следовательно, мою коляску. Это зрелище напомнило мне те далекие годы, когда я приезжал на каникулы в родительскую усадьбу. Отец тогда тоже выгонял слуг во двор встречать юного господина. Не хватало лишь знаменитого “ну”, коим Чарльз начинал любое обращение ко мне. Как потом оказалось, отец Хлои так же учил своих слуг, соответственно, сама Хлоя переняла эту традицию, которая мне казалась чересчур вычурной и слишком викторианской. Даже будучи на службе у самой королевы, я не утратил неприятия ко всему, что связано с викторианством.

Вскоре я стал замечать маленькие штришки в характере, поведении и суждениях моей Хлои, которые мне не нравились. И все равно я был до безумия влюблен в нее.

Однако по прошествии нескольких месяцев наша супружеская жизнь стала разрушаться. Что послужило причиной этому? Любовные утехы, вот что! Всю свою жизнь я искал идеал и наконец нашел его в лице Хлои, однако тут-то меня и постигло главное разочарование всей моей жизни. Я боготворил свою молодую жену. Я ее просто обожал. Я готов был молиться на нее, целовать ее пяточки, стоять перед ней на коленях. Но при этом я испытывал лишь слабое подобие влечения, которое обычно накатывало на меня во время соития.

Обычно Хлоя долго и тщательно готовилась к любовным утехам, которые полюбились ей после первой же брачной ночи. Сначала она долго мылась в ванной комнате, затем так же долго натиралась какими-то мазями и даже душилась, что совершенно не подобало приличной женщине, но

моя молодая жена заявляла, что ей не нравится тот запах, который выделяют во время соития тела, что он отбивает у нее всякую охоту. После того как тело было вымыто, обмазано и надушено, Хлоя надевала прозрачный пеньюар и в таком виде, с аккуратно расчесанными волосами приходила в нашу спальню. Все это время я должен был лежать и ждать ее прихода.

Любовный акт обязательно должен был происходить на чистом постельном белье, которое после окончания убиралось и застилалось свежее. Что это, блажь, привередливость? Возможно, но во время соития Хлоя была настолько активна, так страстно отдавалась, что предположение о ее снобизме отпадало само собой.

У меня начались некоторые трудности. Постепенно эффект новизны выветрился, и я все чаще стал отказываться от супружеских обязанностей. Бедняжка Хлоя даже заподозрила, что у меня завелась любовница. Причем непременно из актрис. Но праздник жизни продолжался, и мы не особенно придавали этому значения. Мы регулярно выезжали в свет, где Хлоя до упаду танцевала. Мы ходили в театр, посещали оперу, выезжали в Париж. Там-то у нас и случилась первая размолвка, которая навела меня на мысль, что надо делать.

Вечером я и Хлоя отправились в Латинский квартал, ставший модным в богемных кругах, к которым, как я заметил, стала в последнее время тяготеть жена. Погуляв некоторое время, мы решили зайти в знаменитое кабаре “Мулен Руж”, которое я посещал в свой первый приезд в Париж. Было на удивление весело. Я чувствовал себя прекрасно, настроение – великолепное, поэтому я, слегка постукивая кончиками пальцев по столу, напевал вслед за молоденькой певичкой незатейливый куплет. Внезапно чья-то ладонь грубо опустила на мои пальцы, слабо сжимая их. Я аж вздрогнул от неожиданности. Это оказалась рука Хлои. Я взглянул на свою жену и поразился, насколько она была зла.

– Ты ведешь себя ужасно, – заявила она.

– С чего ты взяла?

– Пойдем отсюда.

Мы вышли на улицу, отчего Хлоя немного успокоилась и пришла в себя.

– Это просто возмутительно! – заявила она, едва мы переступили порог гостиницы, в которой остановились. – Это было столь вульгарно! И ты еще подпевал ей! Этой особе! Фу! Тебе, наверное, нравятся именно такие девицы?!

Последнее утверждение было настолько безосновательным, что я даже не знал, что ответить. Хлоя же удалилась в свой будуар.

Сев на кровать, я принялся раздеваться, размышляя над сказанными словами, как вдруг мне отчетливо представилась картинка, в которой были я и эта актриса, занимающиеся любовью. При этом я не просто любил ее, я заставлял молоденькую певичку отдаваться мне. Сильнейшее желание охватило мое тело. Не соображая, что делаю, я ворвался в будуар, схватил ошарашенную Хлою и стал срывать с нее одежду. В первый момент жена сопротивлялась, но затем неожиданно с такой же страстью стала потворствовать моим желаниям. Той ночью мы почти не спали. Я вновь и вновь набрасывался на Хлою, едва у меня перед глазами вставала картина изуверств, которые я проделывал в своем воображении с ни в чем не повинной парижской певичкой. Так началась новая страница наших отношений.

* * *

Вернувшись в Лондон, я отправился к забытому мною Алексу. Казалось, он ждал моего появления, хотя ни словом, ни жестом не показал мне этого. Мы тепло приветствовали друг друга.

– Как давно мы не виделись, – улыбаясь и в то же время горестно воскликнул Алекс, усаживая меня у камина.

Я принужден был признать, что перерыв в наших встречах был велик, однако в этом не было моей вины, ведь Алекс сам наотрез отказался быть на моем бракосочетании, о чем я ему не преминул напомнить.

– К сожалению, дела, мой друг, дела потребовали от меня присутствия совершенно в ином месте, – теперь уже без улыбки поведал мне Алекс, доставая из буфета и расставляя на столе графин с бренди и хрустальные стаканы. – Мой отец скончался. Да, так вот, мне необходимо было на время уехать, чтобы оформить право наследования.

– Это очень печально, – сказал я.

– Да, печально, – подхватил Алекс. – Но в печали есть и приятные моменты. Теперь я богат! – воскликнул он. – Отец мой был жутким скрягой, поэтому иной раз мне приходилось сидеть без гроша.

Я тут же подумал, что, очевидно, именно этим объясняется затворничество моего приятеля.

– Но теперь бедности конец! – продолжал Алекс, разливая по хрустальным стаканам бренди. – Теперь я король. Будем же жить как короли!

Радость его была настолько искренней и так походила на мои порывы, когда я понял, что окончательно освободился от ига родителей, что мне невольно стало радостно за приятеля.

– Потому будем веселиться, – заключил Алекс.

Я поинтересовался, кстати, как поживает наша дьявольская черная ложа? Этот вопрос буквально приподнял Алекса с кресла, заставив в волнении и предвкушении мессы забежать по комнате.

– Да, да, да. Сегодня же черная месса. Ты еще не знаешь, а ведь у нас новый председательствующий. – Он остановился напротив меня и гордо вскинул голову. – Этот председательствующий с сегодняшнего дня – я!

– Ну так чего же мы ждем? – спросил я его с некоторой долей упрёка.

Дело в том, что именно из-за мессы я и вернулся к своему молодому приятелю. Открывшаяся мне в Париже правда сексуальных отношений с несравненной Хлоей навела меня на мысль о том, что я могу удовлетворять на стороне те желания, к которым лежит моя душа и исполнения которых я не могу требовать от жены в силу целого ряда причин. Главной и, пожалуй, решающей из них является обожествление Хлои. Положение способна спасти лишь игра на стороне, которую я буду в дальнейшем вспоминать, вызывая в памяти дивные видения и занимаясь при этом любовью с женой самым что ни на есть пристойным способом, согласно пуританским правилам. Едва придя к такому решению, я тут же вспомнил о самой доступной форме выплеска агрессивности и низменных инстинктов. Моя цель была в каком-то чаше езды, и она способна была сделать мою жизнь с Хлоей счастливой и безмятежной. Кроме того, и я этого не склонен скрывать, чрезмерные увлечения сексуальными экспериментами в юности заставляли меня принять подобное решение. Иной раз, лежа подле своей супруги и глядя ее нежнейшее тело, я думал, что уж более, наверное, никогда не смогу предаваться любовным уладам простым дедовским способом.

Естественно, что Алексу об этом я говорить не стал, сказав лишь, что давно уже не видел столь большого скопления голых тел, как в подземелье пустующей церкви. Мой приятель торопливо оделся, и мы, поймав кеб, отправились в Восточный Лондон. Когда мы выехали на площадь, ту самую, на которой проститутки беззастенчиво торговали собственным телом, Алекс заявил, что у него тут намечена торговая операция. При этом он негромко засмеялся, видимо, видя тут шутку. Приказав кучеру остановиться, он принялся деловито оглядывать обитателей площади. Внезапно какая-то жуткая старуха, вынырнув словно из-под земли, оказалась прямо у меня перед носом.

– Какой пригожий джентльмен, – прошамкала она беззубым ртом, глядя на меня своими старческими водянистыми глазами. – Не желаете ли побаловаться? Ха-ха-ха.

Я только хотел было прогнать наглую старуху, тем более что от нее несло, как из винной бочки, однако Алекс, перехватив мою руку занесенную над старушечьей головой, перегнулся через меня и прикрикнул:

– Ты чего, старая! Где мой заказ?

Старуха прищурила подслеповатые глаза, все в бельмах, делающие ее похожей на ужасную ведьму из страшных сказок, и, видимо узнав Алекса, широко заулыбалась, показывая божьему свету единственный зуб, который имелся у нее во рту:

– А, это вы, добрый сэр! Очень рада вас видеть во здравии. Вы и друга своего захватили? Как это похвально. – Старуха бросила приторный взгляд в мою сторону. – Как же, конечно, я выполнила ваш заказ. Вот только достать то, что вы изволили требовать, в нашем районе чрезвычайно сложно. – Тут она обвела грязной рукой, более похожей на клешню, площадь и хихикнула противным мелким смешком. – Но я достала. Сейчас приведу.

И старуха заковыляла в какой-то грязный переулок, давая нам тем самым возможность вдохнуть свежего воздуха. Но не прошло и минуты, как старуха возвратилась, чуть не силком таща за собой девчущку, которой на вид не исполнилось еще и четырнадцати. Одета в рваное грязное платье и стоптанные башмаки, явно мужские, девушка испуганно таращилась на карету.

– Она точно девственница? – строгим тоном спросил у старухи Алекс, плотоядно оглядывая девушку.

– Да уж вы мне поверьте, – закивала головой та. – Все при ней. Еще ни разу не...

– А родители? – перебил слишком говорливую старуху мой приятель, даже не собираясь выходить из кареты и оглядывая “заказ” через окно.

– Она сирота, добрый сэр! – возмутилась старуха. – Все, как вы изволили говорить. К тому же смотрите, какая она симпатичная. И все зубы на месте. – Тут старая ведьма ухватила своими крючковатыми пальцами девушку за подбородок и заставила ее раскрыть рот. – Вот, смотрите, мне бы такие зубы!

– Беру, – сказал Алекс и открыл дверцу кареты, пропуская бедную девушку внутрь.

Та только рада была избавиться от назойливых лап старухи, которые, оставив ее, тут же потянулись, словно за подаянием.

Алекс медленно, преувеличенно медленно отсчитал и вложил в сморщенную ссохшуюся ладонь ведьмы четыре гинеи. Монеты на секунду блеснули в ночном воздухе золотом и сразу пропали, крепко зажатые старухой.

– Трогай, – приказал Алекс кучеру, и мы устремились прочь от площади, на которой только что купили себе рабыню.

Вы, наверное, думаете, что меня смутила подобного рода торговля? Отнюдь! Я вожделем

нового развлечения, поглядывая на жавшуюся в угол кареты бедняжку и думая о том, как Алекс все это ловко устроил. Девушка мелко дрожала от страха и таращилась на нас своими большими серыми глазами.

– Как тебя зовут, дитя мое? – ласковым тоном обратился к ней Алекс.

– Мери, сэр, – пропищала та.

– Очень хорошо, Мери. Не бойся, мы тебя не обидим. Ты, наверное, голодна?

И, не дожидаясь ответа, мой приятель вытащил из-под сиденья коробку, скинул крышку, и перед изумленным взором несчастной предстали самые настоящие заморские лакомства. Аромат тотчас же разнесся по карете, заставляя ноздри трепетать в сладостной истоме. Тут были и жареные крылышки куропатки, и тонко нарезанный сыр, и трюфели, и обвалянные в сухарях тушеные телячьи почки, и рыба икра, и виноград. В углу коробки стояла пузатая бутылка абсента.

– Ешь, Мери, пей, наслаждайся своей новой жизнью, – повелительным тоном распорядился Алекс.

– Мой дорогой, – обратился я к нему по-французски, разумно полагая, что несчастная сиротка не понимает нас. – Что ты собираешься делать с этой особой?

– Я думаю сделать ее невестой дьявола, – отвечал мне приятель, с нескрываемым вожделием глядя, как бедняжка жадно поглощает яства, запивая их крепким абсентом, от которого у нее при первом же глотке перехватило дыхание и в который наверняка, как и в пищу, Алекс успел подсыпать кокаин.

И точно, к концу нашего путешествия Мери успела все съесть и погрузилась в некое счастливое состояние, нарушаемое лишь лихорадочной благодарной улыбкой, с которой она смотрела в нашу сторону.

– У меня имеется другое предложение, – спокойным тоном сказал я.

Мне не очень-то нравилось, что Алекс обставил меня по части развлечений, а потому мое воображение работало с неслыханной силой. Сама игра, наподобие той, в которую мы играли со стариной Джимбо в университете, увлекла меня даже больше, чем предстоящее развлечение. Это было самое настоящее соревнование в извращенности, а стало быть, в аристократизме.

Алекс с интересом воззрелся на меня:

– И что ты предлагаешь?

– Я предлагаю после того, как мадемуазель станет невестой, передать ее в руки дьяволу.

Видя, что мой приятель не понял мысль, я счел должным добавить:

– Мы принесем ее в жертву.

Подобная идея привела Алекса в состояние, близкое к эротическому экстазу. Вскоре за окнами показался шпиль церкви.

– Вот мы и приехали, Мери, – ласковым тоном обратился к бедняжке мой приятель, подавая сироте руку и помогая выбраться из кареты.

Девушка шагнула на тротуар, вымощенный перед католической церковью, и неожиданно зашлась в задорном смехе.

– Мы будем играть в жениха и невесту? – наивно спросила она нас.

Мы с Алексом переглянулись.

– Да, дитя мое, – нежно сказал я.

– И кто же из вас будет моим женихом? – поинтересовалась девушка.

– Мы только друзья жениха, – подхватил игру Алекс. – Мы как раз привезли тебя к нему. Войдем же внутрь храма, дитя мое.

И мы вошли в заброшенную церковь, похожие на пауков, уволакивающих несчастную жертву в дальние закоулки.

* * *

Пока Алекс готовился исполнить новую для себя роль, я принужден был приглядывать, а заодно готовить невесту дьявола к церемонии. Для начала я налил ей и себе по рюмке абсента, добавив туда несколько капель лауданума. Напиток привел девушку в неопикуемый восторг. Она начала кружиться по подземному залу, попутно сбрасывая с себя жалкие лохмотья, закатив глаза и бормоча нечто вроде народной молитвы: “Дева Мария! Я твоя рабыня! Дева Мария! Услышь меня!” Не без труда удалось мне уложить несчастную сиротку на перевернутый алтарь, на котором она тотчас же погрузилась в глубокий сон.

Постепенно боковые ниши заполнялись пришедшими на черную мессу. Голые люди в масках с любопытством взирали из укрытий на новое убранство подземелья. Алекс уже успел взять бразды правления в филантропическом обществе развития культуры среди рабочих и лондонской бедноты, переустроив место оргий и поклонения сатане на свой манер. Грубые лавки в углах были убраны или заменены небольшими уютными диванами. Стены были частью задрапированы колышущимися от сквозняка тканями. В дальней стене появился вделанный камин, в котором теперь жарко пылали дрова, что было весьма кстати, так как после барахтанья голышом на полу я неизменно получал

первоклассный насморк От старого убранства остался только перевернутый алтарь, столь удобный для того, чтобы на нем совершать различные церемониальные ритуалы с очередной невестой, что Алекс не посмел его выбросить. Зато теперь алтарь был покрыт прекрасной праздничной сутаной епископа, которая придавала нашим церемониям, без всякого сомнения, большую торжественность. Из новшеств, введенных в обиход Алексом, также появился граммофон, торчавший своей раковиной-трубой из дальней ниши в стене.

Сигналом к началу церемонии послужила торжественная и немного мрачная музыка, зазвучавшая из граммофона. Люди стали выходить из ниш и становиться в выписанный золотой краской на полу круг. Мы взялись за руки, воздев их к небу и призвав дьявола явиться на наше собрание. Девушка, лежащая на алтаре и мирно спавшая, начала шевелиться во сне. Неожиданно сильно запахло серой, откуда-то появился сам собою председательский трон, и, наконец, из дальней стены словно бы вышел сам дьявол. По правде говоря, я не узнал Алекса. Если бы я не знал, что это он, то подумал бы, что нам все-таки удалось вызвать самого князя утренней звезды.

Все замерли, в испуге глядя на невысокого, чрезвычайно худого субъекта, медленно приближавшегося к нам. На субъекте красовался шикарный цилиндр и длинный, до колен, сюртук, застегнутый на все пуговицы и делавший дьявола чрезвычайно строгим и еще более подчеркивавший его худобу. На лице красовались очки с темными стеклами, вроде тех, которые я принужден был носить в Индийской колонии, дабы уберечь глаза от слепящих лучей южного солнца. В руках, туго обтянутых черными кожаными перчатками, дьявол держал перевернутое вниз головой распятие и серповидный нож. Я раньше встречал такие ножи в акушерской. Такими ножами английские повитухи помогали роженицам при преждевременных родах. Выглядел он весьма зловеще.

Такого образа князя утренней звезды мне еще ни разу не приходилось видеть. Думаю, что присутствующим тоже. Все замерли, замороженно глядя, как сатана усаживается на трон, суровый и сухой, словно старый нотариус, пришедший огласить завещание богатого дядюшки бедным родственникам. Признаю, это был звездный час Алекса. Все, кто присутствовал на этой мессе, верили потом до конца жизни, что перед ними выступал сам правитель ада.

– Где моя невеста? – хриплым голосом спросил дьявол.

– Она перед тобой, о властитель, – протянул я руку в сторону девушки, чьи веки уже подергивались, вырываясь из объятий Морфея.

Алекс в образе дьявола встал над несчастной и простер над ней руки.

– Очнись! – приказал он страшным голосом.

Девушка, точно укушенная, тотчас же подскочила и села на алтарь. Она со страхом оглядела окруживших ее голых людей в черных масках и только тогда обнаружила, что на ней тоже нет одежды. Прикрывая наготу худенькими ручками, сквозь которые проступали нежно-розовые соски еще не сформировавшихся грудей и легкий золотистый пушок на лобке, девушка глянула на нависшего над ней дьявола и громко завизжала.

– Отпустите меня! – воскликнула она.

Кровь прихлынула к моему лицу, скрытому маской от чужих взоров. Волнение девушки передалось мне, но это было не то волнение, кое она выказывала, в страхе глядя на приближающегося к ней строгого господина с ужасными черными пятнами стекол вместо глаз, а возбуждение, которое я всегда испытывал, видя насилие. Моя плоть не замедлила отреагировать на это. Я заметил, что многие мужчины также возбудились, непроизвольно сжимая в круг несчастную сироту, купленную нами за несколько гиней.

– Моя невеста! – прорычал Алекс.

Несколько мужчин и женщин одновременно схватили девушку за руки и за ноги, с силой разведя их в разные стороны. Алекс в образе дьявола подошел вплотную к лежащей перед ним девушке и плотоядно оглядел ее. Затем с силой вошел в ее лоно. Девушка пронзительно закричала и в беспамятстве откинула голову. Присутствующие взревели.

Насилие продолжалось около часа. Насытившись, дьявол уступил место своим приспешникам. Те один за другим насиловали несчастную, у которой из лона текла кровь. Девушка постоянно падала в обморок от боли, и моей задачей было возвращать ей сознание посредством прикладывания нюхательной соли.

Наконец все насытились. Девушка лежала, распластанная, на праздничной епископской сутане, запачканной кровью и какой-то слизью. Она жалобно смотрела на своих мучителей. Дьявол подошел к ней и достал заткнутый за пояс во время прелюбодеяния серповидный нож.

– Жертва! – воскликнул он, протягивая мне нож.

Я с поклоном принял его и встал за головой девушки так, чтобы было удобнее перерезать горло. Несчастная, закатив глаза, с ужасом уставилась сначала на меня, а затем перевела взгляд на нависшее над ней жуткое лезвие, сверкавшее в свете свечей.

– Сатана, мы приносим тебе в дар эту жертву в знак нашей признательности и просим принять ее в свое логово! – воскликнул я и с силой взмахнул ножом.

Лезвие, описав дугу, рассекло горло. Кровь брызнула в разные стороны, обагрив тела присутствующих. Девушка, схватившись за перерезанное горло, издала жуткий хрип. Она попыталась

было подняться, но тут же рухнула обратно на алтарь, заливая все вокруг фонтаном крови, бьющим из рассеченной артерии.

– Жертва! – воскликнули присутствующие хором.

На всех будто напало какое-то сумасшествие. Многие подставляли пригоршни к бьющей фонтаном крови несчастной и выливали ее на себя, старательно обмазывая голое тело. Некоторые припадали к стекающим с алтаря большим тяжелым каплям, жадно глотая их. И над всем этим кошмаром высился влезший с ногами на трон Алекс в образе дьявола и жутко хохотал.

В углу громко играл заново заведенный кем-то граммофон, поэтому мы не сразу услышали шум, производимый наверху, прямо над нами. Кто-то с силой колотился в запертые изнутри двери. Неожиданно ветхие двери поддались напору, и в церковь хлынула разъяренная людская толпа. Представители Восточного Лондона, рвань и отребье, держа в руках факелы, шарили по церкви в поисках сатанистов, приносящих в жертву дьяволу новорожденных. Их крики долетели до моего уха, заставив тотчас отрезветь. Еще минута-другая – и озверевшая толпа найдет дверь, ведущую в подвал, подумалось мне. Видимо, то же подумал и Алекс, который ловко соскочил с трона и, кивнув мне, бросился к задрапированной тканью дальней стене. Остальные участники черной мессы в испуге метались по подземному залу, ища хоть какое-то укрытие.

Алекс подскочил к ткани и с силой прорвался сквозь нее в пустоту ниши. Из ниши, как оказалось, наружу вел небольшой коридор, который я никогда не видел. Насколько я понял, именно из него всегда выходил дьявол. Выбрав наружу, мы очутились на заднем дворе церкви. Тут же, чтобы не привлекать внимания, стояла карета, на которой мы приехали. Кучер, верный человек Алекса, мирно дремал, даже не подозревая о грозившей опасности. Мы заскочили в карету, в которой была аккуратно сложена наша одежда. Алекс высунулся из окна и приказал проснувшемуся и хлопающему спросонья глазами кучеру спешно трогаться.

– Похоже, девка оказалась не сиротой, – констатировал он, неуклюже натягивая брюки. – Ну, не беда, зато мы приятно провели время и, похоже, чудом спаслись.

Алекс явно поспешил. Едва карета выехала на улицу, как нас заметили некоторые из черни, оставшиеся сторожить вход. Они бросились к нам, яростно размахивая горящими факелами и приказывая нам остановиться.

– Уходят! Уходят! – хриплыми, пропитыми голосами орали они, зовя подмогу.

Первых подбежавших стоптали лошади. Я даже слышал, как под копытами хрустели их кости. Неожиданная легкость и ярость овладели мной. Я мельком глянул на вжавшегося в угол кареты Алекса и высунулся почти по пояс наружу, одновременно вынимая из трости саблю. Не ожидавшие подобного поворота событий нападавшие не успели отступить, как двое из них были проткнуты мною почти насковзь. Третий развернулся и попытался было резво скрыться, как я одним ударом лихо отсек ему голову от шеи. Обезумевшие от горящих факелов и запаха свежей крови лошади с силой рванули вперед, и карета унеслась прочь, оставив четыре трупа, бездыханно лежащие перед зданием церкви.

Через час я вернулся в свой особняк, умылся, переоделся, вошел в спальню, где мирно дремала божественная Хлоя, и накиннулся на нее, душа в своих объятиях и покрывая множеством поцелуев. В ту ночь я три раза проделывал это с моей обожаемой супругой, постоянно вызывая в памяти образ растерзанной девушки.

На следующее утро я вычитал в “Дейли кроникл” небольшое объявление о том, что пустовавшая ранее церковь Девы Марии сгорела дотла. В этот самый момент в помещении церкви проходило очередное собрание филантропического общества развития культуры среди рабочих и лондонской бедноты. Все члены общества сгорели в ужасном пожаре. Прибывшие на место пожарные уже никак не могли остановить разгулявшийся пожар. Лишь когда церковь выгорела полностью, пожарные вошли в нее, где обнаружили двадцать два обгорелых трупа.

Прочитав заметку, я усмехнулся и попросил жену, все утро ластившуюся ко мне, чтобы она приказала горничной подавать завтрак.

Глава четвертая

Констебль Смит вздрогнул и очнулся.

“Кажется, я задремал”, – подумал он, оглядываясь кругом.

Констебль все еще стоял в тупике, образованном двумя почти примыкавшими друг к другу стенами домов и запертым позади высоким каменным забором. Что было за забором, разглядеть не представлялось никакой возможности, а влезать наверх, где наверняка в достатке рассыпано битое стекло, нет уж, увольте, Смит не такой дурак.

Протерев глаза кулаком, полицейский выглянул из своего укрытия и, убедившись, что окно кабинета, в котором предположительно сидел объект наблюдения, все так же светится, оглядел улицу. На улице не было ни единой живой души. Удовлетворенно вздохнув, Смит подумал, какой бы он шикарный нагоняй получил, если бы сержант Годли застукал его задремавшим на посту. Да, сержант строг, зато никогда не дает своим людям в обиду и всегда выбивает им прибавку к

жалованью, особенно тем, кто по ночам дежурил в тот месяц в Уайтчепле, когда весь Скотленд-Ярд с ног сбился, ловя страшного убийцу, прозванного Джеком Потрошителем. Смит тоже тогда дежурил. За время этих ночей, которые он не любит вспоминать и старается забыть, констебль, отец двух очаровательных девочек, много насмотрелся. За все годы службы он не видел такого зверства. Констебль даже подумывал уйти из полиции, но жена сумела отговорить.

“И слава богу, – благодарно подумал Смит. – А то куда бы я сейчас подался? А тут тебе и выслуга лет, и до пенсии рукой подать. Нет, шалишь, Смита так просто не возьмешь”.

Полицейский гордо расправил указательным и большим пальцем усы и достал из кармана дешевенький портсигар, сделанный из дутого железа.

– Прикурить не найдется, приятель? – неожиданно раздалось сзади.

Оторопело обернувшись, констебль увидел прямо перед собой неизвестно откуда взявшегося субъекта. В глаза сразу же бросился глубокий свежий шрам, перерезавший наискось подбородок незнакомца и уходивший вниз по горлу. На голове незнакомца был котелок, надвинутый на лоб так, что выглядывали только глаза, беспрестанно перебегающие от одного предмета к другому, словно живые зверьки. Во рту мужчина держал полускуренную сигару, которую он и поднес к спичке, горевшей в толстых пальцах констебля. Огонек на секунду осветил его лицо.

– Эй, я тебя, кажется, знаю, – сказал Смит. – Ты – тот сутенер, у которого Потрошитель убил проститутку. Хитрый Шотландец! Что ты тут делаешь?

Вместо ответа Шотландец неожиданно ловко выхватил из-за пазухи деревянную дубинку, обтянутую кожей и завернутую в носовой платок для смягчения удара, и с силой стукнул ею полицейского по голове. Смит как подкошенный упал к ногам сутенера.

Тот безразлично перешагнул через тело констебля, даже не потрудившись удостовериться, жив ли тот. Уже за само нападение на полицейского ему грозит семь лет каторжных работ, а каторга в Англии – это вам не курорт. Перейдя улицу, Шотландец подошел к входной двери особняка, оглядел ее со всех сторон и начал неторопливо перебирать заранее прихваченные отмычки. Наконец, выбрав нужную, он сунул ее в замочную скважину, одновременно вставив в щель между дверью и косяком фомку.

Хитрый Шотландец настолько увлекся работой, что даже не заметил, что сверху за ним с интересом наблюдает джентльмен, выглянувший из окна своего кабинета и видевший все, вплоть до сцены нападения на констебля Смита, про которого джентльмен подумал лишь, что тому поделом и сильно же у него завтра будет болеть голова.

Сутенер все еще сражался с не желавшей поддаваться дверью, а джентльмен уже вернулся к письменному столу и снова взялся за перо.

* * *

Идея свингер-клуба целиком и полностью принадлежала Алексу. После нашего благополучного спасения, когда здание дьявольской черной ложи было сожжено злобной толпой черни, возглавляемой родственниками несчастной, которую мы принесли в жертву сатане, мне больше некуда было пойти, чтобы потешить мои инстинкты. Источник возбуждения, столь необходимый для нормальной жизни с прекраснейшей из женщин, который я едва обрел, был безвозвратно утерян. Поэтому я горячо поддержал внезапно возникшую у моего друга Томсона идею создать нечто подобное уже в самом центре Лондона, а не на его задворках.

– Это будет самое блестящее и самое тайное заведение в Лондоне! – вещал Алекс, полулежа на тахте, опершись локтем о новенькую обивку модных в этом сезоне тонов.

Его вид в тот момент свидетельствовал об изнеженности. Одетый в шелковый халат, ермолку и туфли с загнутыми кверху носками, подбитые мехом, он держал во второй руке длиннющий мундштук трубки, едва дымившей и распространявшей по дому сладковатый аромат. Видимо, Алекс подмешивал в табак индийскую коноплю, с которой я познакомился еще в Дели.

– Представь себе закрытое заведение, нечто вроде нашей дьявольской черной ложи, только не прячущейся по задворкам и подвалам, а обитающей в самых что ни на есть роскошных апартаментах. Я даже знаю, кому заказать мебель для клуба, чтоб вышло подешевле, – тут же вставил он фразу, сильно меня покорибившую. Видимо, Алекс все еще не мог избавиться от привычки считать каждый фунт. Этим он спускался по социальной лестнице на ступеньку, на которой обитали купцы, торговцы и прочий сброд. – Это будет клуб. Закрытый клуб. В нем будут собираться только сливки общества, – продолжал он развивая свою мысль. – Все будет точно так же, как в ложе: члены клуба будут носить маски, скрывающие их лица. Маску можно снять лишь с согласия владельца. В этот клуб будут ходить семейные пары, которые хотят на время обменяться партнерами. Викторианство, мой дорогой, душит не только нас с тобой, – обратился Алекс ко мне, сдвигая ермолку на затылок. – Викторианство душит весь высший свет. У нас не будет отбоя от членов клуба. Надо только ограничить вступление возрастом и высокими членскими взносами, чтобы была возможность снимать шикарное здание. Само здание должно быть закрытым и стоять отдельно от других. А название клубу я придумал – “Свингер”! Ну, что скажешь?

Алекс затаился, пустил в потолок тоненькую струйку дыма и выжидательно посмотрел на меня.

Сейчас, я знаю точно, подобные свингер-клубы существуют во всех столицах просвещенных европейских государств, но тогда это была совершенно новая идея. До этого никто не предлагал свету практически открыто меняться по взаимному согласию партнерами для сексуального удовольствия.

Мне представилось, как замечательно будет развлекаться с какой-нибудь женой джентльмена, с которым ты чуть не ежедневно встречаешься во дворце, но внезапно путь этой сладостной мысли преградило жуткое открытие – моей женой, моей обожаемой богиней, моей Хлоей тоже кто-то будет пользоваться! От подобной мысли я задрожал в возмущении. Кулаки сами собой сжались. Видимо, вид мой вызвал у Алекса замешательство, если не испуг, к которому он был склонен, так как мой друг отставил мундштук в сторону и примирительно заговорил:

– Поверь, Джек, это хорошая идея. Тебе понравится. Но хотя я не знаю, понравится ли твоей жене. – Тут он вопросительно посмотрел на меня и тотчас же хлопнул себя по лбу: – Ведь можно сделать так. Я организую этот клуб, а затем ты пригласишь меня в гости на обед, и там я как бы невзначай упомяну о нем за столом.

Я задумчиво покачал головой. Алексу пришлось еще долго уговаривать меня. Он был очень настойчив, пока я наконец не сдался и не пообещал, что он будет приглашен ко мне на обед, как только все организует. Всю дорогу домой я напряженно думал над этой идеей. Она казалась мне несколько странной. Конечно, у нас с Алексом в последнее время было нечто вроде соревнования, кто придумает более изощренное развлечение, но с клубом он явно победил, особенно если удастся осуществить задуманное. С другой стороны, соображал я, мне фактически некуда было деваться, негде было излить все то, что копилось во мне, постепенно нарастая и одновременно не давая мне полноценно любить Хлою. Алекс же предлагал замечательный выход из положения, одновременно убивая сразу нескольких зайцев. Тогда я не знал, к чему приведет подобная идея, а потому размышлял о ней как о простом предложении в очередной раз вычурно развлечься.

Я выполнил обещание и, когда Алекс подготовил свингер-клуб к открытию, самолично ввел его в свой дом. Во время обеда, как мы и договаривались, мой друг обмолвился о новом тайном обществе, клубе, именуемом “Свингер”. Хлоя живо заинтересовалась клубом, прося явно смущенного Александра Томсона поподробнее рассказать ей о нем. Мою легкомысленную богиню всегда интересовали тайны и загадки, к тому же ее привлекали публичные общества, большую часть которых составляли мужчины. Поддавшись настойчивым уговорам моей супруги, Алекс вкратце пересказал все то, что несколькими днями ранее он с таким вальяжным видом излагал мне, полулежа на тахте и покуривая индийскую коноплю, подмешанную в табак. Как я и предполагал, возмущению жены не было предела. Правда, я ожидал несколько более бурной реакции от нее. Хлоя же объявила открытие подобных клубов делом безнравственным, недостойным и тут же принялась за превосходно приготовленную гусиную печенку под коньячным соусом, беспечно болтая о каких-то пустяках. На лице друга я заметил сначала удивление, а затем, вы не поверите, полное удовлетворение. Как же так, спросил тогда я сам себя, ведь он не добился желаемого результата? Именно этот вопрос я и задал Алексу, едва мы уединились в курительной комнате, дабы выкурить послеобеденную сигару, которая, как утверждают наши доктора, чрезвычайно способствует пищеварению.

– Ты ошибаешься, мой друг, – несколько надменным тоном ответил он. – Или ты плохо знаешь собственную жену, или я ничего не понимаю в женщинах.

Признаться, я даже несколько опешил. Я боготворил Хлою, а Алекс мог спокойно рассуждать, что она клюнула на его вульгарное, правда, весьма задрапированное предложение. Я был поражен подобными рассуждениями друга, который сидел в моем доме, развалившись в моем кресле, курил мои сигары и говорил о моей жене как о самой заурядной женщине.

Видя явное удивление, написанное у меня на лице, Алекс предложил:

– Хочешь пари? На сто фунтов.

– В чем будет состоять пари? – поинтересовался я.

– В том, что твоя несравненная женошка захочет пойти в мой клуб.

В курительной комнате повисла тяжелая тишина. Алекс внимательно смотрел на меня, ожидая ответа. Я же терзался в ужасных сомнениях. Больше всего на свете мне хотелось вышвырнуть Алекса из дома, надавав ему тумаков, а затем объяснить Хлое, что этот визит был моей величайшей ошибкой, и никогда больше не вспоминать ни о свингер-клубе, ни об Александре Том-соне. Ну почему, почему я не сделал этого? Я, самоуверенный глупец?

Едва Алекс ушел, как я направился в будуар жены, где она проводила свое свободное время, причесываясь или без конца примеряя все новые и новые наряды. И тут моя жена удивила меня. Нет, она не удивила, а прямо-таки поразила. Лишь только я вошел в будуар с целью выяснить, прав ли я оказался в споре с Алексом, как Хлоя сама, опередив меня, потребовала, чтобы мы как можно быстрее отправились в этот новый клуб.

– Свингер-клуб, кажется, так твой товарищ называл это тайное заведение? – легкомысленным тоном спросила она меня, приставив к шее ожерелье и смотрясь в зеркало.

– Дорогая, ты поняла, что это за клуб? – наивно спросил я.
– Конечно.
– Там все будут голые, – настаивал я.
– Не совсем. В масках. А это не так стыдно. – Тут Хлоя закрыла ожерельем глаза, изображая, какой она будет в маске.
– Там будут меняться партнерами для любовных утех, – продолжал настаивать я несколько повышенным тоном.

Отложив ожерелье, богиня удивленно воззрилась на меня.

– Я слышала, милый. Я не глухая и не глупая. Мы пойдем в этот клуб! Это решено!

Впервые я слышал в ее тоне властные нотки. Теперь, по прошествии времени, я понимаю, что толкало ее в этот свингер-клуб. Я понимаю не только ее, но и многих, кто ходил, ходит и, по всей видимости, будет ходить туда, дабы развлечься, вернее, прикоснуться к запретному, испытать нечто, что недоступно в обычной жизни. Представьте себе нашу старую добрую Англию с ее огромными колониями, раскинувшимися по всему земному шару, с нашей величайшей культурой, наиболее развитой в сравнении с другими европейскими странами, я уже не говорю о каких-нибудь колониях или молодых странах, типа Американских Соединенных Штатов, где, как мне кажется, вообще нет никакой культуры, а лишь одни индейцы. Мы соприкасаемся с множеством других наций, верований и культур, более свободных, нежели мы. Но мы прививаем другим наш образ мышления, наше поведение, наконец. Однако же мы, англичане, являемся самой закрытой, самой чопорной и самой ханжеской нацией в мире! Наша королева олицетворяет собой викторианство, названное в ее честь. Мне же в этом слове слышится, прежде всего, жуткая несвобода, стесненность и скованность. Люди, возвращающиеся из колоний, где они прожили каких-нибудь год-два, уже чувствуют себя не в своей тарелке. И все это называется джентльменством? На самом деле это тривиальное ханжество! Даже сам Лондон разделен, как кажется, на две части: на Восточный и Западный районы. Элита, свет живут в шикарных кварталах, давясь от скуки и снобизма. А буквально в часе езды творится нечто вульгарное, пошлое, низменное, которое способно вскружить голову любому джентльмену, едва он окажется в Восточной части. Проститутки, наркотические притоны, бордели для извращенцев, подпольные тотализаторы и лотереи, сатанинские секты, торговля людьми – все, что угодно, к вашим услугам, сэр. Да, тут есть от чего потерять голову. Поэтому я не виню мою обожаемую Хлою, не виню ее ни в чем, а уж тем более в том, что она захотела посетить это вульгарное заведение, этот клуб под названием “Свингер”, самый первый клуб подобного рода в мире. Она просто была чрезвычайно легкомысленна и любопытна, а я слишком сильно любил ее, чтобы что-то запретить.

* * *

Через неделю мы отправились в этот проклятый клуб. Не хочу вспоминать об этом. Не хочу вспоминать и уж тем более писать здесь.

Едва лишь мы вошли в огромный зал, как мне стало не по себе. Разделенный множеством модных в тот год японских ширм, сквозь которые просвечивало все, что за ними делалось, на массу небольших комнат, в которых стояли дорогие софы, обитые неизменным плюшем, он напоминал бордель. На мне и моей обожаемой Хлое не было ничего из одежды, только маски, тщательно скрывавшие наши лица. Я и не заметил, как остался один. Хлою, польстившись на ее юное тело, тотчас же окружили мужчины и куда-то увели прочь, пока я, остолбенев, осматривался. Внутреннее убранство клуба, сделанное по личному заказу Алекса, одновременно напоминало вульгарный публичный дом и подвал католической церкви Девы Марии. Смесь безвкусицы с пошлостью и мрачностью.

Я огляделся. Хлои рядом уже не было. Наверное, она уже отдавалась какому-нибудь самцу, страстному и развратному, думалось мне. Не в силах более сдерживать свое воображение, так некстати разыгравшееся, я выбежал вон. Все, не хочу больше об этом вспоминать.

Я долго и бесцельно бродил по городу, постепенно удаляясь от центра в восточную его часть. Бредя, я не замечал ничего вокруг. Улицы были пустыни и темны, так как в районе Уайтчепла никто не потрудился поставить новомодные газовые фонари, которые бы осветили беднякам их унылые жилища. Наконец страшная вонь, идущая с берега Темзы, в которую местные жители имеют обыкновение сбрасывать нечистоты, вернула меня к действительности. Я огляделся вокруг, не в силах понять, на какой улице я нахожусь. Одинокая луна освещала своим мертвым светом это унылое место. Внезапно краем глаза я заметил какое-то шевеление у одной из стен ближайшего дома. Обернувшись, я увидел приближающуюся ко мне молодую женщину.

– Привет, красавчик, – прохрипела она простуженным испитым голосом, более подходящим матросу, чем женщине. – Не хочешь ли того самого, э?

Я пригляделся. Женщина, подошедшая ко мне в столь поздний час, оказалась уличной проституткой самого низкого пошиба, дешевой и полупьяной.

– Пять шиллингов, красавчик, – продолжала предлагаться женщина, виляя передо мной своей грязной, некогда синей юбкой. – Ну хорошо, для тебя три. Три шиллинга, красавчик, и я покажу тебе

верх блаженства.

– Хорошо, – согласился я.

Она жадно схватила меня за руку своими худыми пальцами и чуть не силком потащила за дом. Выйдя в какой-то проулок, такой же запущенный и грязный, как и она сама, проститутка ловко вытащила мой член, погладила его, возбуждая, и, задрвав юбку, пристроила в лоно. Неожиданно для себя я страшно возбудился. Энергичными движениями я начал соитие, упираясь одной рукой в кирпичную стену дома, а другой придерживая трость, с которой я никогда не расставался, особенно после нападения черни на карету Алекса.

– О, красавчик, какой ты пылкий! – воскликнула, фальшиво постанывая, женщина.

– Как тебя зовут? – просто так спросил я.

– Хлоя, – последовал неожиданный ответ.

Небеса беззвучно разорвались надо мной. Словно ужаленный, я отскочил от проститутки.

– Эй, ты чего? – удивилась та. – Э, что ты делаешь, красавчик?

Не сводя с женщины взгляда, я начал неторопливо откручивать набалдашник с трости.

– Хлоя, значит?

– Тебе не нравится имя? – сразу же забеспокоилась проститутка, оправляя юбку и бочком двигаясь к выходу из проулка. – Можешь называть меня как хочешь. Слушай, я пойду...

Внезапно выхватив из трости саблю, я с силой взмахнул перед женщиной острым лезвием. В моих глазах горел хищный огонь, кровь бурлила так, что вены едва не лопались на напрягшихся мускулах рук и ног.

Женщина на секунду остановилась, затем схватилась за Горло обеими руками.

– Что это, красавчик? – прохрипела она и рухнула к моим ногам.

На грязную дорогу потекла кровь. Я неторопливо подхватил женскую юбку, старательно вытер лезвие и спрятал оружие обратно в трость. Затем носком ботинка осторожно, чтобы не запачкаться, перевернул проститутку лицом вверх. Ровный разрез глубоко пересекал ее горло.

Я огляделся. Никого не было. Я взглянул на небо, где одинокая луна безразлично освещала жертву, и вновь уставился на грязную мостовую. Вы когда-нибудь разглядывали кровь в лунном свете? Она кажется совершенно черной и блестящей. Очень красиво. Я постарался запомнить картину лежащей передо мной растерзанной женщины, из горла которой неторопливо вытекала кровь, блестя в лунном свете, чтобы потом вызывать ее в памяти, наслаждаясь обожаемой женой.

Лишь под утро я вернулся домой. Жена, как оказалось, вернулась немногим ранее меня и, по словам горничной Мери, только-только легла спать. Неторопливо переодевшись и умывшись, я сначала осмотрел одежду, проверив ее на предмет случайных капель крови, а затем прошел в спальню. Хлоя лежала на кровати, широко раскинув руки и разметав свои роскошные волосы по подушке. Ее сон был порывист, она часто переворачивалась, даже пару раз призывно застонала, стиснув хорошенькие алые губки и прикусив их острыми белыми зубами. Я любовался на Хлою не меньше часа, прежде чем осторожно, чтобы не разбудить, пролез руками под сорочку и стал ласкать ее нежные груди, легонько касаясь подушечками пальцев маленьких твердых сосков. Богиня застонала чуть громче. Я нежно поцеловал сгиб локтя, туда, где виднелась маленькая синяя венка. Хлоя глубоко вздохнула и, выдохнув, произнесла лишь одно слово:

– Александр.

В тот момент мне показалось, что я умер. В принципе так оно и случилось.

Я не верил собственным ушам и собственным догадкам. Неужели Алекс против правил, им же выдуманных, снял с себя маску? Нет, это невозможно!

И все же мне пришлось поверить в ужасное, потому что хотя на следующий день Хлоя, словно воды в рот набрав, молчала по поводу нашего посещения свингер-клуба, уже через день она беспречно поинтересовалась во время прогулки верхом, когда же мы вновь отправимся в клуб Алекса. Я хотел было возмутиться, как вообще могло понравиться моей обожаемой богине подобное времяпрепровождение, однако тут же оборвал себя. В голове внезапно промелькнуло, что ни я, ни Алекс не упоминали Хлое за достопамятным обедом, что клуб придуман, создан и принадлежит моему другу.

Когда человек становится подозрительным, он внезапно начинает замечать малейшие детали в поведении, интонации в разговоре, оттенки слов. Так и я, словно сорвав с глаз пелену, увидел перед собой совершенно иную, нежели я себе представлял, Хлою. Богиня упала с пьедестала. Ее речь показалась мне вульгарной, слова напыщенными, поведение легкомысленным. Все в ней казалось наигранным. Я старался отмахнуться от этого видения, убеждая сам себя, что все не так, что я просто охладел и потому вижу ее в серых тонах. И, самое для меня страшное, я заметил, что Хлоя тоже охладела ко мне.

Тогда-то я и решил бороться за любовь и предаваться с Хлоей постельным утехам как можно чаще, дабы вернуть ее интерес ко мне. Чего только не придумает влюбленный до безумия мужчина. Я думал, что богине не хватает только одного – сексуальных радостей. Но как этого добиться, ведь я сам охладел к ней? Вот когда услужливая память подсказала страшный выход. В тот самый день, когда Хлоя спросила меня, когда мы вновь посетим свингер-клуб, я вспомнил о том, что более всего

на свете заводит меня.

Вечером того же дня, сказав жене, что один знакомый медик приглашает меня принять участие в одной срочной и чрезвычайно интересной операции, и прихватив с собой ящик, в котором хранился мой малый операционный набор, я вышел на улицу. Против обыкновения, я не взял собственное ландо, а поймал проезжавший мимо кеб, на котором и доехал до Кливленд-стрит, где было полным-полно шлюх. Грязные улицы, полные помоев и людских отбросов, странно возбуждали. Выйдя из кеба, закутанный в плащ, я направился вдоль улицы, выглядывая тихий безлюдный переулок. Наконец мне попалось прекрасное место. Это была Джордж-Ярд, тихая, петлявшая невеста как и разветвлявшаяся на несколько проулков, которые непременно заканчивались тупиками. Квартал прекрасно подходил для совершения задуманного. Он был заселен беднотой, и рядом постоянно бродили проститутки, ищущие случайного клиента. Видимо, где-то неподалеку имелся паб, где они грелись и подкрепляли силы, чтобы продолжить уличные прогулки.

Стоял ноябрь, ночи становились все холоднее, поэтому из-за быстрой ходьбы изо рта шел легкий пар, который смешивался с сильным туманом, шедшим с причалов и ближе к полуночи почти скрывшим большую часть улицы от случайных глаз. Да, я сделал правильный выбор, Джордж-Ярд прекрасно подходила для меня. Устроившись на углу какого-то невзрачного дома, стоя в тени, я принялся ждать. В тот момент я напоминал некоего хищного зверя, большого и сильного, залегшего в засаде и терпеливо выслеживающего жертву. Страшно хотелось курить, но я боялся, что огонек мог привлечь ко мне внимание.

Наконец мое ожидание увенчалось успехом. Где-то вдалеке раздались одинокие шаги. Это был, без сомнения, стук женских каблуков, к тому же походка была неторопливой, прогулочной, а потому я решил, что это должна быть непременно проститутка. Вот тогда-то я и закурил. Огонек был замечен. Проститутка ускорила шаги, решив, что курить должен, без сомнения, мужчина, а стало быть, можно рассчитывать на случайного клиента, одного из тех, кого судьба посылает для того, чтобы женщина могла затем направиться в паб и пропустить кружку горячего, согревающего внутренности грога.

Я стоял и курил, глядя, как из тумана ко мне постепенно выплывает жертва.

Она была крупной девицей, раздурманенной, словно кукла, с накрашенными губами и убранными в толстый узел рыжими волосами, без сомнения, ирландка. Покрытое оспинами лицо скорее отталкивало, нежели привлекало. Подойдя, шлюха спросила:

– Развлечемся, сэр?

Я молча кивнул головой. Мысль о том, что разговариваешь с живым мертвецом, будоражила меня.

– Два шиллинга, – заявила девица.

Я снова кивнул головой, боясь, что дрожащий голос может меня выдать.

Неожиданно проститутка требовательно протянула руку. Ее требование денег было недвусмысленным. Я переложил ящик из одной руки в другую, чтобы достать деньги, чем привлек внимание шлюхи к инструментам, тихо звякнувшим в ящике.

– Чего там у тебя? – спросила любопытная шлюха, приблизив ко мне свое противное лицо и обдавая меня вонью гниющих зубов. – Так ты вор, что ли?

И тут прекрасная мысль неожиданно посетила меня.

– Смотри, что тут у меня есть, – стараясь подражать интонациями и выражениями кокни, сказал я, ставя ящик на мостовую и открывая его.

В свете луны холодно блеснула поверхность скальпелей, пил и ножей, привлекая проститутку. Она нагнулась, с интересом разглядывая инструменты.

– А что это?

– А вот что!

Я достал скальпель, поднес его к глазам любопытной девицы и неожиданным резким движением рассек ей горло, одновременно толкнув ее от себя, чтобы не запачкаться кровью. Девица, хватаясь руками за горло, упала на мостовую и, хрипя, забилась в конвульсиях. Дрожа от возбуждения, я склонился над ней, задрал юбку и вспорол живот. Сам не знаю, почему я сделал это, вероятно, потому что девица казалась мне такой беззащитной, что с ней можно было делать что угодно. К тому же у меня имелись все инструменты, необходимые для проведения хирургических операций.

Через пять минут все было кончено. Перерезав жертве голосовые связки, я совершенно обезопасил себя от ее криков и появления свидетелей. Однако от случайностей, как говорится, застраховаться невозможно. Я уже собрал в ящик инструменты, как вдруг с конца улицы раздался грубый мужской окрик:

– Эй, Полли, где ты, дрянь такая? Полли, где мои деньги?

Сутенер, догадался я. Схватив ящик, я метнулся в противоположную сторону. Выскочив на круглую площадь, я огляделся, подозвал проезжавший мимо кеб и умчался домой.

Время мое на исходе. Вот уже скоро рассвет. Последний рассвет в моей жизни. Неужели люди не поняли, что это я охотник, и продолжают сами охотиться на меня? Виданное ли это дело, чтобы жертва охотилась на охотника?

Для настоящего исследователя совершенно неважно “как” и “чем”. Для него гораздо важнее “почему”. Так вот, для настоящих исследователей я отвечаю, что все эти жестокие убийства были совершены во имя любви! Только из любви можно совершить самые ужасные поступки и преступления!

Сколько раз я проделывал подобное? Кажется, восемь. Не помню. Иногда я находился под влиянием кокаина или разбавленного в абсенте лауданума. Но всегда повторялось одно и то же. Я тщательно выбирал жертву, нападал на нее в подходящий момент, когда она переставала меня опасаться, и потрошил ее. Однажды сутенер, чьих проституток я выбирал в качестве жертвы, решил сам за мной поохотиться. Едва лишь я нагнулся над хрипящей женщиной, чтобы вытащить у нее через горло язык и отрезать его, пока проститутка еще жива, как ловкий и чрезвычайно юркий субъект напал на меня сзади. Мгновение промедления – и он сам перерезал бы мне горло, повалив на жертву и выхватив из рукава маленькое заточенное с обеих сторон лезвие, однако я извернулся, перехватил его руку, в то время как вторая моя рука шарилась в поисках раскрытого ящика с инструментами. Нашарив ящик и вытащив из него скальпель, я попытался убить им нападавшего, но тот оказался намного проворнее, нежели я ожидал, и успел откинуть голову. Скальпель лишь поранил его, разрезав кожу на подбородке и верхней части шеи. Сутенер, которого, как я выяснил впоследствии, звали Хитрым Шотландцем, соскочил с меня и бросился бежать, придерживая рукой расползающуюся на подбородке кожу. Я поспешил за ним. Это была самая настоящая охота с преследованием добычи. Мы бежали очень долго, Шотландец все время сворачивал в какие-то темные переулки, но я неотступно следовал за ним. С моей стороны в погоне не было и дюйма мести, только азарт. К моему величайшему сожалению, я его упустил. Впоследствии, через влиятельных знакомых в Скотленд-Ярде я узнал, что Шотландец начал за мной охоту.

Это была последняя охота. Сказав жене, что уезжаю на неделю, я той же ночью вернулся домой. Дело в том, что сутенер сумел-таки во время борьбы порезать мне руку чуть выше локтя. Я самостоятельно открыл входную дверь и тихо прошел в особняк, намереваясь идти в ванную комнату, промыть там рану и крепко ее забинтовать, так как порез казался мне пустячным. Однако мне показалось довольно странным то, что в доме не было слуг. В связи с раздутыми газетами ужасами, которые совершал Джек Потрошитель, Хлоя распорядилась, чтобы кто-нибудь из слуг обязательно дежурил по ночам у входной двери. Я не стал противиться подобному новшеству, так как это было весьма удобно. Когда я возвращался после своих развлечений, под рукой всегда был кто-нибудь, кто готовил чай.

На сей раз ни в прихожей, ни в холле никого не было. Странно, подумал я. Зайдя в ванную комнату и перевязав рану, я направился на второй этаж, где располагались спальни, и тут вдруг услышал тихий смех и голоса. Я застыл как вкопанный и прислушался. Один из голосов, без сомнения, принадлежал моей обожаемой Хлое. Второй был мужским. Снова раздался смех. В глазах моих потемнело, голова закружилась, и все страхи и сомнения относительно верности богини вновь всплыли в моем сознании. Тихо спустившись в холл, я сел в кресло и обхватил голову руками. Так просидел я где-то больше часа, обдумывая ситуацию.

Слуг в доме не было. Вероятно, их уснула Хлоя, чтобы не мешали ее удовольствиям. Голос, который я слышал, принадлежал мужчине. Кому? Этот голос я уже слышал. Сопоставив все факты, я пришел к выводу, что любовником моей жены был не кто иной, как мой ближайший друг, человек, с которым я развлекался, насиловал и убивал – Александр Томсон.

Я неторопливо встал, стараясь не шуметь, поднялся на второй этаж, прошел в свой кабинет, взял спрятанный в ящике стола револьвер и, прихватив скальпель, направился в спальню.

Любовники были застигнуты во время любовного акта. Алекс отскочил в угол, а Хлоя вжалась в кровать, прикрывая наготу простынями. Я подошел к ней, держа Алекса на мушке револьвера и, нежно поцеловав, вонзил неверной супруге скальпель прямо в сердце. Моя богиня тотчас умерла, даже не мучаясь, слава богу.

– Можешь мне что-нибудь сказать перед смертью? – обратился я к Алексу, все еще держа его на мушке револьвера.

Алекс внезапно перестал дрожать и, подхватив скинутую в ком одежду, принялся неторопливо одеваться.

– Что ж, теперь я думаю, мы квиты, – спокойным тоном человека, считающего, что он прав, заявил мой друг и кивнул в сторону тела Хлои.

– С чего это ты решил, что мы квиты?

– Ты до сих пор не узнал меня? Я – итонец!

Ошеломленный, я стоял и смотрел, как одевается тот, кого еще час назад я считал своим лучшим другом. Теперь мне стало понятно, почему он не хотел встречаться с моими университетскими товарищами, боясь, что либо сэр Джордж Мюррей, либо Малыш Саймон его

узнает. Отсюда и вычурность манер, которая являлась всего лишь жалким подражанием великосветским манерам, подсмотренным в театрах. Частые разговоры о деньгах тоже были приметой отпрыска тех, кто торговал.

– Все это время я ждал, когда смогу отомстить тебе, – продолжал меж тем Алекс, застегивая смокинг. – Когда мы встретились в театре, я решил, что сама судьба толкает тебя в мои руки. Заметь, я сделал все, чтобы потакать твоим слабостям. Ты стал зависим от меня. И вот тогда я начал мстить. Твоя жена, которую ты боготворил все это время, была всего-навсего дешевой шлюхой, с которой спали все подряд. Знаешь, как ее звали? Ненасытная Хлоя!

Я размахнулся и ударил Алекса. Тот отлетел к стене.

– Продолжай, – сказал я.

Алекс потряс головой, словно боксер после хорошего нокаута, затем сказал:

– Прекрасный удар, ничего не скажешь. Так вот, я опустил тебя на самое дно, введя в дьявольскую черную ложу. Но ты оказался еще более развратен, чем я ожидал, и тогда я решил подобраться к самому дорогому, что у тебя есть, – к твоей богине. Ведь именно так ты называл эту шлюшку? – указал он на тело жены и тотчас получил новый удар в лицо. – Она спала со всеми, кто возжелал ее в моем клубе. Пока ты ездил на свои операции и вскрытия, она мчалась в свингер-клуб, где даже не удосуживалась надевать маску. – Получив третий удар, Алекс замолчал, старательно выплевывая передние зубы.

– А теперь послушай меня, – сказал я. – У меня для тебя тоже имеется маленький сюрприз. Слышал ли ты когда-нибудь о некоем Джеке Потрошителе?

– Конечно, – прошамкал Алекс. – Кто же о нем не слышал? Все газеты только и говорят о его злодеяниях. – Вдруг он прервался и, догадавшись, испуганно уставился на меня.

– Вижу, что ты все понял, – спокойно, чуть ли не ласковым тоном сказал я и выстрелил Александру Томсону прямо в лицо.

Когда полицейские приехали, то я рассказал инспектору Эберлайну, что, вернувшись под утро домой, застал в спальне жуткую картину. Жена и некий мужчина были убиты. По-моему, инспектор мне не поверил. Он показался мне умным, а потому я старался не вникать в детали, потому что именно на деталях преступники и ловятся.

Что ж, пора заканчивать. Я уже слышу какие-то тихие шаги за дверью. Думаю, что это за мной...

На этом рукопись обрывается.

Глава пятая

Фредерик Эберлайн и сержант Годли подъехали к особняку как раз в тот момент, когда констебль Смит, придя в сознание, достал из кармана свисток и слабо дунул в него. Раздался тихий свист, который, однако, был услышан. Эберлайн первым подскочил к констеблю и склонился над ним.

– Ты ранен? – спросил подоспевший сержант.

– Нет. Только голова...

– Кто напал? – затряс констебля инспектор. – Объект?

– Нет. Шотландец, – через силу ответил Смит и указал рукой в сторону дома. – Он уже там.

Бросив констебля, Фредерик Эберлайн и Годли ринулись к особняку. Входная дверь оказалась открытой. Вбежав в дом, они огляделись.

– Годли, смотри внизу, а я наверх, – распорядился инспектор и, перемахивая через несколько ступенек, ринулся на второй этаж.

Едва он взбежал, как тотчас почувствовал запах гари. Оглядевшись, Эберлайн заметил свет в той стороне коридора, где располагался кабинет лейб-медика королевской семьи. Уже на подходе к кабинету он почувствовал сильный жар. Когда инспектор бесстрашно ворвался в сам кабинет, волосы на его голове затрещали от пламени. Кабинет горел. Все кругом было разбросано. Повсюду были следы яростной борьбы. Посреди кабинета на полу в неестественной позе, закинув обе руки за спину, лежал мужчина. Он был в просторном шелковом халате, накинута на белую рубашку. Эберлайн, подойдя к телу, перевернул его и тотчас отшатнулся. С лица его была срезана кожа.

Видимо, инспектор вскрикнул, так как в кабинет уже через несколько секунд вбежал запыхавшийся Годли. Широкая грудь сержанта ходила ходуном. Он, несмотря на солидный вес, бегом взбежал на второй этаж.

– Прочь отсюда! Фрэд, сейчас загорится крыша! – воскликнул он.

Несмотря на предостережения мудрого Годли, Эберлайн схватил голову и повертел ее в разные стороны, стараясь хотя бы по профилю черепа установить, кто был перед ним.

– Уходим! Надо вызвать пожарных. – Годли схватил инспектора за руку и чуть не силком вытащил из кабинета.

В другом конце коридора горела спальня. Добежав до лестницы, Фредерик Эберлайн внезапно вырвал руку из мясистой лапы сержанта и метнулся в кабинет. Спустя секунду он уже выбежал оттуда, хлопая себя по загоревшимся волосам, неся в руках трофей, вырванный у огня. Это была стопка исписанной бумаги.

– Вы сумасшедший, сэр, – в восхищении заметил сержант.

Когда приехали пожарные, дом уже пылал. Вскоре подъехал глава Скотленд-Ярда. Он оглядел догоревшее здание и, подойдя к инспектору, потребовал у него короткий отчет о случившемся происшествии. Внимательно выслушав Эберлайна, лорд Пальмерстоун покивал головой и спросил:

– Значит, я правильно понял, что этот, как его, Хитрый Шотландец выследил сэра Джека и, решив, что это он является тем самым Джеком Потрошителем, напал на него, убил, поджег особняк и скрылся? Это так?

Эберлайн коротко кивнул головой.

– Именно так, сэр.

– Прекрасно. Прекрасная работа, Эберлайн. Теперь ваша задача, инспектор, найти Шотландца. И, повернувшись, лорд Пальмерстоун важно направился к карете.

– Да, и не забудьте мне завтра представить письменный отчет о следствии, – потребовал он у Фредерика Эберлайна, уже сев в карету.

Инспектор вновь коротко кивнул головой.

– Хорошо, сэр.

Когда глава Скотленд-Ярда уехал, к инспектору с добродушной усмешкой подошел Годли.

– Ручаюсь, Фрэд, что тебе не избежать повышения, – сказал он, хлопая инспектора по плечу.

Эберлайн улыбнулся.

– Ну, будем считать, что дело Джека Потрошителя закрыто? – спросил его Годли.

Эберлайн в третий раз кивнул головой. Он не стал говорить, что видел у трупа, с лица которого была срезана кожа. У него за ухом виднелась маленькая головка ящерицы, словно шепчущей что-то в ухо владельцу татуировки.

* * *

В 1892 году несколько жутких убийств проституток произошло в Санкт-Петербурге. Убийца в буквальном смысле этого слова потрошил свои жертвы.